

Костёр
5
МАЙ
1965

1945 ГОД. МАЙ, БЕРЛИН

Костёр

5
МАЙ
1965

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

На пионерском сборе

стихи С. ОРЛОВА 2

Пушки „Авроры“

документальная повесть К. ГРИЩИНСКОГО 4

Фронт приходит к нам

повесть Б. ОКУДЖАВЫ 17

Мой дом, моя школа, моя семья

новая экспедиция клуба юнкоров 35

Стихи

Б. СЛУЦКОГО 36

Дневник жизни

В. БАХРЕВСКОГО 37

Бойцы вспоминают 3, 41, 50, 56

Да, — космонавты

очерк Ф. НАФТУЛЬЕВА 42

Посмотри на карту

Обзор Е. ТЕПЕРА 46

Приключения КОСТИ ТЕРКИНА 49

Что? Где? Когда? Почему?

заметки, рисунки, фото 52

Голубое кольцо,

или один ответ на самые разные вопросы 54

Школа „Спринт“ 57

Уголок веселого архивариуса 58

Вызывает директор

рассказ В. СУСЛОВА 59

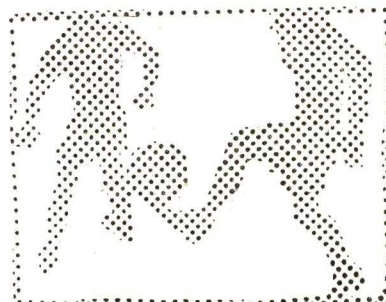
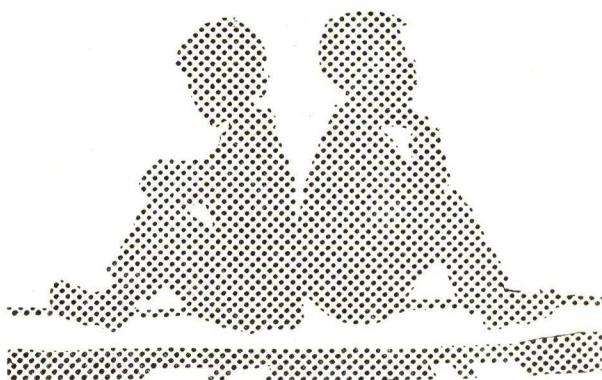
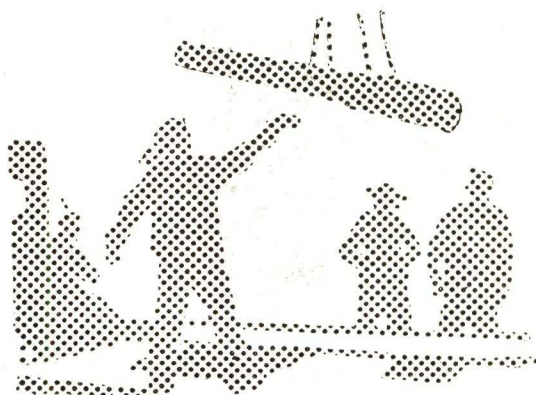
Уголёк

журнал для малышей 61

Как король взбунтовался

шахматная задача мастера спорта СССР Ю. БАРСКОГО 63

Наша творческая мастерская 64

Поэт Сергей Орлов воевал в танковых войсках, командовал взводом тяжелых танков. Сражался на Волховском и Ленинградском фронтах. За боевые заслуги награжден орденом Отечественной войны II степени, а также медалями.

НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ

На сцене в пионерском хоре
Поют бесстрашно пацаны
Стальные песни из истории
Отечественной войны.

На сцене голосами ломаными
Под звуки труб, под барабан
Поют: «Вставай, страна огромная!..»
Песнь для солдат и партизан.

А в зале, словно бы в печали,
И седина, и ордена...
Сидят родители в молчаньи,
Как вставшая на бой страна.

На этом пионерском сборе
Они почувствовали вдруг,
Что стали все они историей,
Что времени замкнулся круг

Что где-то, снова рядом с ними, —
Дружки, погибшие в бою...
А барабан гремит во имя...
А голоса зовут, поют...

Застыли в тихом зале матери,
У глаз расширенных — платки:
На бой смертельный с неприятелем
Уходят милые сынки.

Уходят вдаль и не вернуться,
Уходят в пламя, дождь и снег,
А матери всё остаются
Из года в год, из века в век.

Смешались времена и даты,
Глядит в глаза отцов война,
Стоят в одном строю солдаты,
И родина — на всех одна.

На всех — на тех, седых, в молчаньи,
На всех — на тоненьких юнцов,
Что, словно бы однополчане,
Поют на сцене песнь отцов.

Сергей Орлов

НАК ФАШИСТЫ В СВОЕГО ФЮРЕРА СТРЕЛЯЛИ

Рассказ художника П. Е. Аба записал
спецкор „Костра“ Н. Быльев

Павел Ефимович Аб

Художники по традиции шефствуют над войсковыми частями.

Однажды художник Павел Ефимович Аб — бывший фронтовик — рассказывал при мне молодым солдатам о том, как воевал. Один эпизод был такой

любопытный, что я записал его у себя в блокноте. Но сначала несколько слов о самом рассказчике.

Аб — небольшого роста, крепкий, в прошлом — спортсмен. Еще учась в Академии Художеств, он был уже инструктором по стрельбе из винтовки.

На фронте он стал разведчиком.

— На нашем участке фронта гитлеровцы окопались, — начал рассказ Аб. — Узкая полоса «ничей земли» отделяла наш передний край от их укреплений. Нужно было разведать их огневые точки. Мне пришла в голову одна мысль. Командование ее одобрило.

Из немецкого журнала я перерисовал красками на большом листе фанеры портрет Гитлера и подписал на нем крупно по-немецки: «Убийца». Мы сколотили сани и укрепили на них портрет. Затем ночью я ползком пробрался до середины «ничейной» полосы и вкопал в землю толстый желез-

ный прут с кольцом, а через кольцо пропустил тонкий трос. С помощью этого троса портрет на саних был подтянут к тому месту, где был вкопан прут. С наступлением рассвета гитлеровцы увидели своего фюрера. Некоторое время они были в замешательстве, а потом из пулеметов открыли стрельбу по портрету, стремясь сбить его. Это удалось им не сразу. Пули прошивали фанеру, она долго не падала. А мы тем временем засекали, откуда стреляют. То, что требовалось для нашей разведки, было таким образом выполнено.

Но дело на том не кончилось. Я нарисовал второй такой же портрет и на следующую ночь его так же выволокли поближе к гитлеровцам, и опять они истратили немало пуль, прежде чем им удалось срезать его.

На этом портрете кроме надписи «Убийца» была еще и другая: «Вот так поступите и с самим Гитлером!»

ПУШКИ „АВРОРЫ“

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Боец. Грицинский

Рисунки Г. Праксейна

Их оставалась горстка. Среди них была девчонка с санитарной сумкой. Их привязали к стволу орудия и облили бензином. Они запели «Интернационал»... Голоса их оборвались, когда пламя ярко вспыхнуло и осветило Воронью гору. Ночной ветер разметал пепел...

Народная молва

ПОИСК

Начало поиска

Первым в цепочке людей, которых мне нужно было разыскать, оказался Николай Некрасов. Однако он смог рассказать немного. В те дни, когда гитлеровцы рвались к Ленинграду, Николаю едва исполнилось тринадцать. Тем не менее, он стал той начальной ниточкой большого и сложного клубка событий и людских судеб, который предстояло мне распутать.

В летний погожий день мы приехали туда, где два десятка лет назад безвестному ленинградскому пареньку довелось немало пережить...

Живописны окрестности поселка. По одну сторону дороги — серебристое озеро, по другую — крутая, ка-

ким-то чудом вознесенная среди равнины, большая лесистая возвышенность. Это — Воронья гора. Поселок — у подножья горы. Прежде он назывался Дудергоф. Теперь — Можайский. Нынче лишь сбитые снарядами верхушки старых сосен да изрешеченный шпиль на здании школы молчаливо свидетельствуют о былых битвах.

Поднимаемся тропкой. Наше северное солнце щедро пригревает плечи. На берегу озера сотни отдыхающих. Там загорают, купаются. Здесь же пустынно.

— Вот где-то здесь она и стояла, — вспоминает Николай. — Откуда она была привезена, эта пушка, я тогда не знал. Говорили, будто с какого-то корабля ее сняли.

— Значит, и никого из моряков вы не знали?

— Нет, не знал, — вздыхает Николай. — А вот кто-нибудь из женщин мог знать. Женщины окопы непода-

Печатается с сокращениями. Литературная редакция Л. Семина.

леку рыли... Думаю, кто-нибудь из них живет и поныне в поселке.

Мы медленно идем, осматриваем местность. Здесь разили врага пушки, снятые с корабля. Но с какого? Здесь была тяжелая битва, сражались отважные балтийцы. Кто они, как узнать их имена?..

Я решил искать героев, как бы долго мне ни пришлось этим заниматься. История корабельных орудий, судьба артиллеристов, стоявших здесь насмерть, должна стать известна всем.

Николай внезапно остановился и взволнованно сказал:

— Вон там... котлован, видите?..

Из неглубокого, с давно осевшими и заросшими густой травой стенами котлована торчала какая-то арматура.

— Вот здесь она и стояла, — уверенно произнес Николай. — Теперь я вспомнил... Ствол у нее был длинный. И так моряки пушку замаскировали, даже с вершины горы ее нельзя было увидеть.

Мы смотрели на остатки фундамента. Из потрескавшегося, потемневшего от времени цемента торчали высокие ржавые штыри.

— Последний раз я был тут осенью сорок первого года, — вспоминал Николай. — Орудие стояло черное

от копоти, и возле него — куча пепла... Слышал я, будто возле орудий фашисты казнили захваченных ими раненых батарейцев.

Мы повернули к поселку. Молчали. Я думал о людях, которые здесь отдали свои жизни, защищая Родину, вспоминал и своих товарищей-моряков по разведывательному отряду. Мы ведь тоже недалеко отсюда находились в том грозном сорок первом году. Мой спутник тоже о чем-то сосредоточенно думал. Ему было что вспомнить. Здесь, в Дудергофе, он едва не умер с голоду. Он был один, Коля Некрасов, тринадцатилетний мальчик. Мать уехала, как обычно, утром на работу в Ленинград, а днем фашисты захватили поселок. Коля, как и многие из оставшихся здесь жителей, питался картошкой, которую выкапывал с брошенных полей. А потом его угнали в Германию. Все прошел паренек, истязания, издевательства, каторжный труд в неволе. Многие, кто был с ним, погибли на чужой стороне. А ему посчастливилось дожидаться освобождения.

Итак, пока что я лишь познакомился с Николаем Некрасовым, побывал на знаменитой Вороньей горе, увидел заросший травой котлован, где когда-то стояло орудие. И это все. Но это стало началом поиска.

Тайна корабельной пушки

О тайне корабельной пушки я написал в морскую газету. «Вдруг кто-нибудь из моряков поможет напасть на след?» — думал я. И совершенно не ожидал, что откликнется не моряк, а студентка университета Клара Волк. Она решила мне помочь.

— Поезжайте в совхоз имени Жданова, — посоветовала ей подруга, — найдите доярку Лилию Синельникову. Она вам поможет.

И вот Клара Волк недалеко от Вороньей горы. Ей ответить:

— Доярка Синельникова у нас есть. К тому же хорошая. Но звать ее не Лилией. Тут какое-то недоразумение...

«Неужели ошибка?»

С нетерпением Клара ждет встречи с Синельниковой.

А вот и она. С виду ей лет восемнадцать. Рослая, крепкая, загоревшая.

— Вас зовут Лилией?

Удивленно качает русой головой.

— Нет. Я — Элла.

— Синельникова?

— Да.

Тревожно спрашивает, что случилось, почему ее разыскивают.

Клара рассказывает о начатом мною поиске.

— Ах, да ведь вам нужна не я, а моя мама — Лилия Николаевна! Ведь это она была здесь в то время...

И вот вырисовывается еще одна нелегкая судьба.

Элла Синельникова родилась в Дудергофе, в трудном сорок втором году. Родилась в неволе. Она не знала отца. И хотя ей теперь девятнадцать лет, она его еще не видела.

— Он отсыкался совсем недавно, — тихо и печально говорит Элла. — Мама вышла за него, когда битва шла уже под Дудергофом. А потом мама оказалась в оккупации и потеряла его след. После войны мама осталась в Карелии. Долго искала Николая Васильевича Данилова — так зовут моего отца, — но не нашла. И он навел на ней справки. Но кто же мог знать о нас в Дудергофе?..

Тяжело вздохнув, Элла закончила:

— Так и прошло почти двадцать лет. У него теперь семья, трое детей. Живут счастливо. Напишите маме, она даст вам его адрес. Он был моряком-артиллеристом.

Как переплела и перемешала судьбы людей война! Родные потеряли родных. Любимые потеряли любимых...

Жду письмо из Петрозаводска. И оно приходит. С нетерпением распечатываю конверт.

Торопливо пробегаю глазами по строчкам. Да, все так и есть, как рассказывала Элла. И вот ее мать сообщает мне адрес человека, который бил по врагу из морской пушки, стоявшей в районе Дудергофа.

Я держал в руках драгоценное письмо, много раз перечитывал его. «Николай Васильевич Данилов. Живет в Нарьян-Маре...»

След ведет в Нарьян-Мар

Итак, след вел в Нарьян-Мар...

Письмо блуждало. Как и всякий советский город, Нарьян-Мар строится. Адресат переехал на новое место жительства. И кто знает, что произошло бы, будь почтальон равнодушным. Тот неизвестный мне почтальон, который держал в своих руках письмо из Ленинграда. Но спасибо ему, он не оказался таким. Почтальон нашел бывшего артиллериста и вручил ему неожиданное послание.

Так, спустя почти полгода с того дня, когда я впервые побывал на Вороньей горе, поиск увенчался пер-

вым успехом. Передо мной скупые строчки биографии краснофлота.

Николая Данилова призвали во флот в 1938 году. В столице моряков Кронштадте получил он первую путевку: в учебный отряд. После школы коммандоров Данилов служит на одном из северных кронштадтских фортов, участвует в боях с белофиннами, командует орудием береговой обороны на острове Нарген...

«В Дудергоф я прибыл в конце июля, — пишет Николай Васильевич. — Наша часть называлась: Батарея

Особого назначения Краснознаменного Балтфлота. Орудия были с крейсера «Аврора». Первое из них стояло под самой Вороньей горой. Последнее, девятое, — близ Пушкина. Нашей батареей командовал старший лейтенант Иванов. А дивизионом, в состав которого входила еще одна батарея, командовал старший лейтенант Михайлов...»

Вот и новые имена! Завеса постепенно начинает подниматься. Теперь я знал, что пушки были с «Авроры»,

их было девять. Существовала еще одна такая же часть, носившая литер «Б».

Моряк-балтиец скупо поведал о жестоких боях, о мужестве его товарищей. Во время одного боя Данилов был ранен и отправлен в госпиталь, что на Васильевском острове, на 14-й линии. О судьбе других батарейцев Данилов ничего не мог рассказать. Но теперь в моих руках уже были ключи. Надо искать Иванова и Михайлова.

Архивариус Шульбах

Русские фамилии: Иванов и Михайлов! Без них не представить себе Россию. Однако лишь в адресном столе или архиве можно по-настоящему узнать, как трудно искать людей с такими фамилиями, особенно, когда нет при них ни имени, ни отчества.

Но иного пути у меня не было. Я отправился в Центральный военно-морской архив, в Гатчину.

Старший архивариус Шульбах — человек немногословный. Внимательно выслушал меня, молча провел в хранилище. Из огромного шкафа, напоминающего каталог, он выдвинул продолговатый ящик. Его заполняли плотные стопки карточек с фамилиями «Иванов». Их было здесь не менее тысячи.

— Очень трудная проблема, — сказал архивариус, — самая обильная фамилия. Думаю, надо действовать иначе... Попробуем сосредоточить внимание пока на Михайлове.

Он задвинул ящик с буквой «И» на прежнее место, а выдвинул с буквой «М». Михайловых было примерно пятьсот. Мы принялись отбирать карточки на офицеров-артиллеристов, звание которых было не выше капитана третьего ранга.

Я не заметил, как подкрался вечер. Работу пришлось оставить.

Архивариус старался успокоить меня.

— Поезжайте домой, — сказал он. — Я просмотрю послужные списки офицеров без вас. Может, найдем нужного нам Михайлова. Раньше чем через полмесяца не приезжайте.

В назначенное время я опять приехал в Гатчину.

Шульбах встретил меня с самым непроницаемым лицом. Не торопясь достал с полки три папки, протянул их мне. Две из них были коленкоровыми, выцветшего голубого цвета. Третья — картонная, с надписью «майор Михайлов».

— Это дело, — пояснил архивариус, — я запросил из архива Советской Армии из Подольска.

— А почему здесь написано «майор»?

— Просто моряк стал армейцем.

В следующие минуты я уже читал анкеты и офицерские аттестации, вшитые в папки. Здесь и автобиография, написанная самим Михайловым:

«На пятый день Отечественной войны я приступил к исполнению обязанностей командира Отдельной артиллерийской батареи «Б» специального назначения и приказом Командующего морской обороной Ленинграда и Озерного района № 013 от 10.7.41 г. был утвержден в этой должности. Батарея находилась в с. Пулков и обороняла подступы к городу Ленина».

Сомнений не могло быть — передо мной тот Михайлов, о котором сообщал Данилов.

После гибели командира артдивизиона военинженера первого ранга Сонкина командование артдивизионом принял Михайлов. Вскоре ему было присвоено звание капитан-лейтенанта.

Тщательно перечитывал я страницы, подшитые к делу. Шульбах стоял в сторонке и молча наблюдал за мной. Но в эти минуты я еще не мог и предполагать, что меня ожидало...

Когда я дошел до раздела, где перечислялись родственники погибшего командира, черным по белому, увидел:

«Жена — Ника Касьяновна Михайлова, военнослужащая, постоянное местожительство Ленинград, год рождения...»

«Ника?! Ника Касьяновна?..»

Не помня себя, я вскопчил.

— Да ведь я ее знал!.. Знал Нику!..

Архивариус развел руками, не проронив ни слова.

Николай Васильевич
Данилов

Здравствуй, Ника!

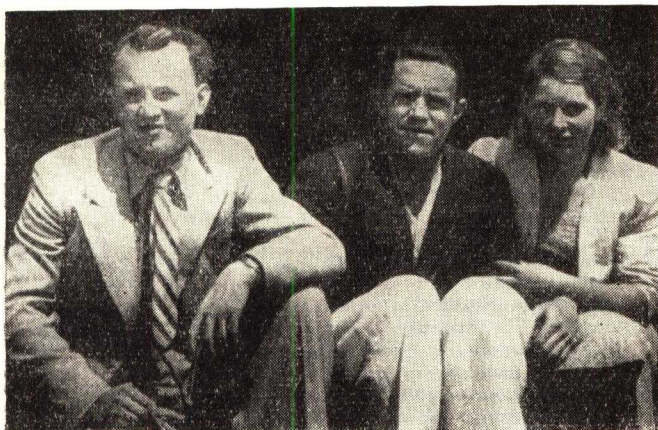
Было уже далеко за полночь. Я сидел за письменным столом в своей квартире на Васильевском и перебирал старые фотографии. Всю дорогу от Гатчины до Ленинграда я думал об одном из фото, которое надеялся найти — найти теперь уже в своем личном архиве, если только емкий чемодан, задвинутый на антресоли, можно называть архивом.

Я нашел, что искал. И теперь, спустя два десятилетия, с изумлением рассматривал. На ступенях лестницы Воронцовского дворца в Алупке объектив фотографа запечатлел группу экскурсантов. На самой нижней ступеньке в правом углу сидели трое: Ника Касьяновна, ее муж Михаил Александрович и я...

Чувства мои, наверное, слишком «разыгрались», я понял, что спать не смогу, оделся и вышел на набережную. Было тихо и лунно в эту ночь. Редкие снежинки плавно опускались на асфальт, слегка пощипывая мороз.

Мне вспомнились те дни на юге и молодая пара: офицер Балтийского флота и его жена, инструктор физкультуры. Это было за полтора месяца до начала войны, в доме отдыха КБФ в Ялте. Никто тогда не думал, что вот-вот грянет война.

После отдыха мы собирались непременно встретиться, записали адреса. И, должно быть, встретились бы. Но нас ожидали грозные события...

На нижней ступеньке сидели трое: Ника Касьяновна, ее муж, майор Михайлов, и я...

На набережной по-прежнему было пустынно.

Я перешел Дворцовый мост и остановился у гранитного парапета, что напротив Эрмитажа, и долго вглядывался в «Аврору», окруженную торосистыми льдинами, припорошенными мягким снежком.

Утром я отправился в справочное. Через пятнадцать минут мне вручили бланк с адресом Ники Касьяновны. Приехал к ней, но, как и следовало думать, она на работе. Я не мог ждать вечера, отправился на бульвар Профсоюзов, 19, в Ленинградское туристско-экскурсионное управление ВЦСПС.

Из кабинета вышла стройная женщина. По походке и осанке нетрудно было угадать, что человек всю жизнь занимается спортом. Да и лицо Ники мало изменилось, хотя прошло немало времени.

Меня она не узнала. Тогда я достал заветное фото и показал на троих людей, сидевших на нижней ступеньке лестницы Воронцовского дворца.

— Вот это — вы, это Михаил, а это я...

— Костя?! — радостно и удивленно воскликнула она, протягивая руку.

— Здравствуй, Ника!..

В этот день нам не удалось долго поговорить.

Но главное я узнал: Ника участвовала в боях под Пулковом и Дудергофом, она была рядовым краснофлотцем на батарее мужа.

Теперь я уже начинал отчетливо видеть ту жестокую битву на подступах к Ленинграду, о которой собирался поведать читателям.

Второе письмо комендора

Мы условились встретиться на следующей неделе: Ника Касьяновна еще многое вспомнит и расскажет.

В это время из северного городка Нарьян-Мара пришло второе письмо. Бывший комендор Николай Данилов звал меня в гости.

«К нашему приезду тоже возьму отпуск. Мы отлично отдохнем, порыбачим, будет у нас времени обо всем потолковать подробно, вспомнить боевое прошлое. Я об этом много думал, о прошлом, но память моя не сильна. Имена людей позабылись. И все же я вспомнил фамилию еще одного офицера. Он был командиром пушки. Лейтенант. Не то Доценко, не то Яценко. А звали его Александром. Под Дудергофом я мало кого знал по фамилии, потому что все мы только что

туда прибыли и вскоре завязались тяжелые бои. В августе на батарее появились две девушки. Одна была военфельдшером, а вторая, помнится, совсем молоденькая, лет семнадцати, очень красивая, кажется, была санинструктором. Только знаков отличия она не носила. Может, просто была санитаркой. Имени ее не знаю. А вот военфельдшера звали Тосей. Надо искать того лейтенанта Доценко. Если он окажется в живых, может многое сказать. Тося была на пушке № 5. А санитарка на пушке № 1».

Итак, в моей папке на чистом листе появилось еще несколько строк:

«Лейтенант Доценко или Яценко (?). Военфельдшер Тося с пятой пушки. Санинструктор или санитарка с первой пушки. Красивая, лет семнадцати».

Ищем Тосю

Мы сидим в комнате, молчим. Напряженно сжав губы, Ника старается вспомнить фамилию врача Тоси.

На батарее «Б» Ника выполняла подчас функции связного командира артдивизиона. Объезжала на мотоцикле огневые точки, встречалась со многими защитниками земли ленинградской. Она хорошо, например, помнит лицо юной санитарки. «Милое, светлое лицо, ясные доверчивые глаза, совсем еще детские руки. На гимнастерке комсомольский значок». Она знает, какую страшную пытку перенесла эта девочка, как мужественно держалась перед лицом смерти. Помнит, что

санитарку обучала женщина-врач, которую все звали просто Тосей. Конечно, прежде всего надо найти Тосю.

— Да вот же, вспомнила! Павлушкина! — вскинула голову Ника. — Конечно, Павлушкина! Я однажды случайно встретилась с нею на улице. Кажется, она работает в заводской поликлинике...

Это оказался самый короткий поиск. В тот же день мы уже знали, что Антонина Григорьевна Павлушкина живет в нашем городе, работает цеховым врачом в больнице Балтийского завода.

Командир орудия Смаглий

— Проходите, пожалуйста. Раздевайтесь.

В большой комнате на стене висел фотопортрет женщины в морской форме с медалями и орденом на груди.

Хозяйка заметила мой взгляд, пояснила:

— Такой я была в сорок пятом... — Она прошла по комнате, затем остановилась, спросила: — С чего начать?.. Ну, пожалуй, все по порядку... В июне сорок

первого года я окончила военно-морскую медицинскую академию: всем нам, выпускникам, присвоили звание старшего военфельдшера. Или, как говорили тогда на флоте, — «две средних», имея в виду нарукавные нашивки. Женщин среди слушателей академии было мало. И нам, кроме новой офицерской формы, еще сшили нарядные платья. Чтобы на выпускном балу мы могли танцевать и веселиться, как все остальные девушки, — Антонина Григорьевна вздохнула. — Не помню, почему я тогда платье не надела. Будто берегла его для другого дня... Но не буду забегать вперед... Едва я стала военфельдшером, началась война. Меня сразу направили в артиллерийскую часть. Это была отдельная батарея спецназначения «А», стоявшая в Дудергофе. На батарее было девять стотридцатимиллиметровых пушек, снятых с «Авроры».

— Командовал батареей старший лейтенант Иванов?

— Вы уже знаете? Да, верно. Прекрасный был командир...

Я взволнованно привстал. Вот сейчас и откроется имя офицера, которого я пытался найти в Гатчинском архиве...

— Как его звали?

— Иванова?.. — Антонина Григорьевна чуть нахмурилась, подумала и вполне уверенно ответила: — Дмитрием. Кажется, Николаевичем. Но точно сейчас не скажу... Так вот: кроме нашей батареи, была еще батарея под литером «Б». Она стояла во втором эшелоне, у Пулковских высот. С конца августа гитлеровская авиация по несколько раз в день бомбила наши позиции. Как врач батареи я бывала на всех огневых точках. Дел хватало. Никому не приходилось, наверное, столько двигаться, сколько мне. Возьму велосипед и еду по тропкам от пушки к пушке. Артустановки занимали фронт длиной в десять километров. Я знала многих

командиров и политработников. Комиссаром нашей батареи был политрук Андриан Скулачев. А комиссаром всего артдивизиона — батальонный комиссар, тоже Иванов. Только его имени я не знала. Но хорошо помню, это был мужественный человек и добрый.

Антонина Григорьевна взволнованно ходила по комнате. Я едва успевал записывать.

— ...В июле спешно оборудовались огневые точки. Краснофлотцы трудились днем и ночью. Помогала им бригада женщин, копавшая окопы и противотанковые рвы. Пушки были так ловко замаскированы — пройдешь рядом и не заметишь. На высоте стояла церковь. Эта высота так и называлась: Кирхгоф. Там наблюдательный пункт был устроен. Теперь-то от церкви остался лишь фундамент да кучи щебня... Медпункт наш размещался в деревянном домике, неподалеку от местной школы, у склона Вороньей горы. Ниже, под горой, находилась первая пушка батареи — правый фланг наших позиций...

— Я с одним товарищем ездил туда летом, — сказал я, — он показывал место, где стояло первое орудие.

Антонина Григорьевна посмотрела на меня внимательно.

— Я тоже бывала на местах боев. И в прошлом году, и раньше. Правда, каждый раз я возвращалась домой больная, совсем разбитая. И как врач понимаю, нельзя мне туда ездить. Нельзя.

Она надолго умолкла. Потом, словно пересилив себя, продолжала:

— Ствол первого орудия был нацелен в сторону поселка Тайцы, чтоб бить по Гатчине. В те дни на батарею прибыли две девушки: телефонистка и санитарка. Как сейчас помню санитарку, которой выпала судьба стать героиней. Это было светлое юное лицо, такое русское, такое чистое. Звали ее, — Антонина Григорьевна зажала виски ладонями и так стояла возле окна, глядя куда-то вдаль, — звали будто Танечкой, либо же Наташей... Нет, нет! Может быть, ни то и ни другое! Не могу утверждать... Почему я не помню ее имени? — спросила она сама себя. — Эта девочка только-только закончила школу. И прямо со школьной скамьи пришла на передовую. Добровольно. И оставалась возле орудия до самого конца с несколькими ранеными моряками. Они продолжали разить наступающих фашистов. О, какая страшная смерть была у нее!.. Нет, вы, кажется, просили о битве в последнюю очередь? Хорошо. Значит, о людях. Я назову еще одного человека, очень мне дорогого — Алешу Смаглия...

Антонина Григорьевна присела, дрожащими пальцами теребила бахромку скатерти.

— ...Это время неотвратимо надвигавшейся грозы запало мне в сердце навсегда. Мы готовились сражаться и не отступать ни на шаг... А еще для меня то были дни моей первой девичьей любви... Лейтенант Смаглий, как и я, тоже перед самой войной окончил военно-морское училище. Из Севастополя он приехал в Ленинград на стажировку. Тут его и застала война. Алеша был командиром расчета пятого орудия. Мы полюбили друг друга. Все наши товарищи на батарее видели нашу любовь и от души желали нам счастья. Неподалеку от пушек, в деревне Кавелахти и поныне стоит домик, в котором мы сыграли нашу свадьбу... В тот вечер я в первый раз и надела платье, которое мне сшили при выпуске из академии. Ну, а что было

Антонина Григорьевна Павлушкина

Алексей Смаглий

Майор Михайлов

потом, вы, наверное, уже знаете из рассказов других товарищей... О том, как Алексей Васильевич Смаглий... героически... — тут го-

лос Антонины Григорьевны осекая, губы задрожали.

— Да, Ника Касьяновна мне рассказывала...

— Извините, поговорим в другой раз, больше не могу... — сказала Антонина Григорьевна.

Письма, письма...

Поиски командира батареи «А» продолжались. Архивариус Шульбах пересматривал сотни документов, надеясь отыскать след старшего лейтенанта Иванова Дмитрия. Предположительно «Николаевича». Я искал дела Смаглия и Доценко. В кропотливую работу включились теперь уже многие.

Севастопольский военный комиссариат тщательно просматривал свои документы, военно-морское училище в этом же городе — свои. Не оставалось в стороне и Управление военно-морских учебных заведений.

Наконец, представитель военно-морского училища сообщил однажды, что ни одного офицера Иванова Дмитрия в их училище не было. Его следует искать в другом училище. До войны в Севастополе было еще одно, а именно Училище береговой обороны имени ЛКСМУ. Оно выпускало артиллеристов береговой обороны ВМФ. Весьма возможно, что Иванов как раз и был из того училища.

Неизвестно, сколько бы времени продолжался поиск, если бы не газета...

Ровно год прошел с того времени, когда я начал искать героев «авроровцев». В эту годовщину были наконец найдены дела Смаглия и Доценко. Появились фамилии офицеров Антонова и политука Скулачева. Однако найти след старшего лейтенанта Иванова все еще не удавалось. И здесь на помощь пришла редакция газеты «Слава Севастополя». В небольшой статье я рассказал о героических делах батарейцев, назвал известные мне имена.

«Может быть, в Севастополе, — писал я, — найдутся люди, знавшие Дмитрия Иванова, и сообщат о нем более подробные сведения».

И что же?... Почта принесла мне письмо. Обратный адрес меня так взволновал, что я долго не решался распечатать конверт.

«Город Севастополь. Панорамный переулок, дом № 1. Иванова Ольга Михайловна».

Кто она? Жена, сестра, мать, дальняя родственница?.. С волнением развернул сложенный листок. Читаю:

«Прошло двадцать лет, но неизгладимое горе не забыто и не забудется никогда. Прочитала я статью в местной газете и залилась слезами. Да ведь это он, которого вы ищете, — мой муж Дмитрий Николаевич. Это он защищал подступы к Ленинграду и пал смертью храбрых. С фронта он мне писал, что знаний военных получил много, а теперь проходит на фронте практику. И всякий раз Дмитрий повторял, что дело наше правое, проклятые захватчики будут разбиты».

Ольга Михайловна коротко рассказывала, что родился ее муж в Омске, в семье рабочего, в тринадцатом году. Девятнадцатилетним юношей пришел по комсомольской путевке на флот. Учился в Севастополе, и, как один из лучших выпускников того самого училища, где учился и Михаил Александрович Михайлов, был оставлен в должности преподавателя...

Какое стечение обстоятельств!.. Командир артдивизиона Михайлов и командир батареи «А» этого же дивизиона оказались не просто знакомыми, а друзьями.

Оба черноморцы. Оба находились перед началом войны на Балтике, на учениях...

Когда из архива пришли выписки из личных дел Смаглия и Доценко, выяснилось, что и эти офицеры тоже черноморцы. Славных же моряков воспитал Севастополь! Не щадя своей жизни, били они лютого врага на ближних и дальних подступах к городу Ленина.

Пока шли письма из Севастополя, я разыскивал адрес Доценко. Ибо этот офицер в списках убитых или пропавших без вести не значился. И вот однажды Ленинский районный комиссариат Севастополя сообщил, что «инженер-капитан I ранга запаса Доценко Александр Иванович проживает в Севастополе, ул. Большая Морская, дом 14, кв. 12».

Я немедленно написал Доценко.

И вот конверт со штемпелем «Севастополь». Пишет Доценко. Он рассказывает об Алексее Смаглии.

«Леша был чудесным парнем, прекрасным товарищем. И офицером он был хорошим, несмотря на свою молодость. Беспредельно оптимистичный человек. В училище мы, к сожалению, находились с ним в разных ротах. А в артдивизионе сошлись по-настоящему, стали друзьями. Алексей ничуть не сомневался в нашей конечной победе, хотя гитлеровцы были уже под Ленинградом, захватили всю Украину, Белоруссию, двигались к Москве... Никогда я не видел Смаглия хмурым или печальным. В боевой, напряженной обстановке всегда он был энергичный, бодрый, какой-то необычайно собранный и уверенный. Помню, Алексей любил позировать перед фотоаппаратом. Я много делал снимков там, под Вороньей горой. Алексей говорил: «Снимай больше, потом вспоминать будем». Он вовсе не думал о смерти. О большой долгой жизни мечтал...»

Письма, письма... Они теперь шли одно за другим.

Отыскалась мать Смаглия — Федора Тихоновна. Старишке без малого восемьдесят лет. Прислали письма младший брат Алексея и сестра. Они живут на Украине. Прислали немногие фотокарточки, сохранившиеся у них, вспоминали детство Алеши.

В одном из документов я наткнулся на строчки, которые снова удивили меня: военным учителем Смаглия был в Севастопольском училище не кто иной, как будущий командир батареи «Аврора» Дмитрий Николаевич Иванов.

Под Дудергофом сражалась с ненавистным врагом целая плеяда черноморцев во главе с командиром артдивизиона Михайловым.

Тем временем нашлись еще три участника обороны нашего города: бывший наводчик второго орудия Александр Попов, бывший старшина 2-й статьи Василий Семенов, а также еще один Иванов, краснофлотец, служивший на батарее «Б». Все они оказались ленинградцами и встретиться с каждым из них не представляло труда.

Наводчик пушки № 2 рассказал мне о своем командире орудия лейтенанте Антонове, выпускнике Ленинградского военно-морского училища имени Фрунзе. Рассказал о том, как в последние минуты битвы действовал этот храбрый молодой командир-артиллерист.

Врач Антонина Григорьевна вспомнила еще одного опытного комендора: старшину Кукушкина.

Алексей Кукушкин нашелся. Он работает много лет в ленинградской типографии «Красный печатник».

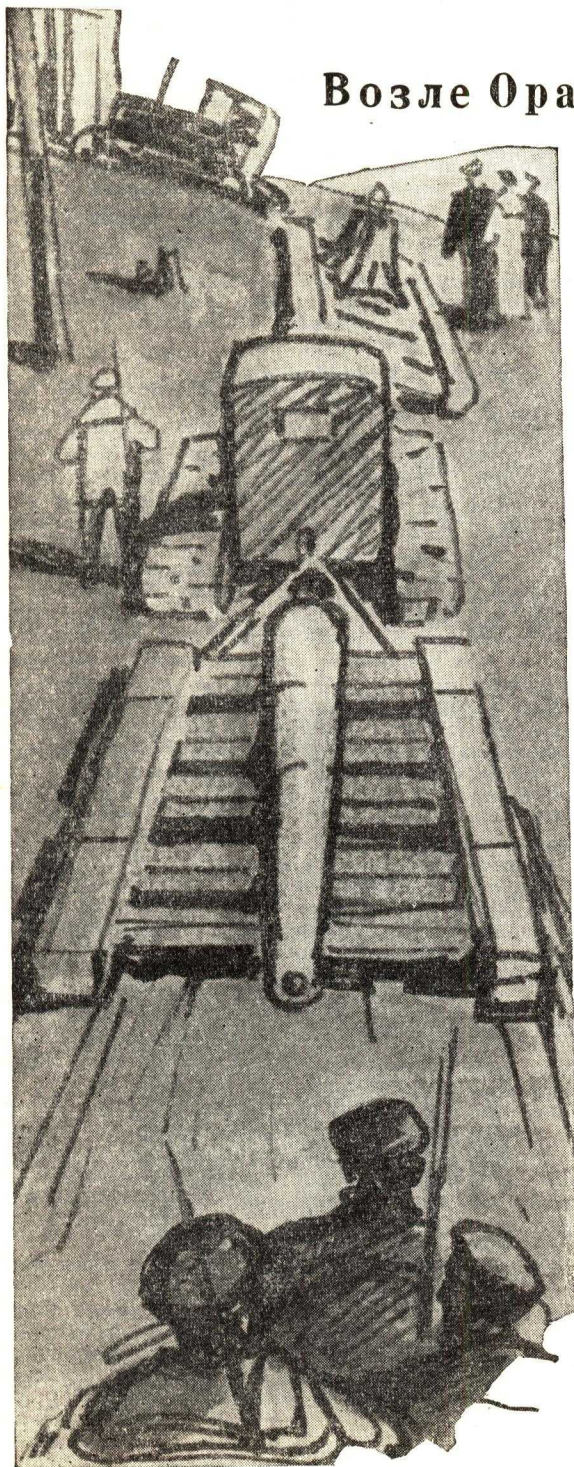
Так на исходе прошлого года я знал полтора десятка фамилий участников героической битвы, знал детали боя, видел панораму сражения в районе Дудергофа. И теперь уже не о поиске хочу рассказать. О самой битве.

«Их оставалась горстка. Среди них была девчонка с

санитарной сумкой. Их привязали к стволу орудия и облили бензином. Они запели «Интернационал»... Голоса их оборвались, когда пламя ярко вспыхнуло и осветило Воронью гору. Ночной ветер разметал пепел...»

Да, теперь я знал истоки легенды, живущей в народе.

БИТВА Возле Ораниенбаумского причала

Я разложил бумаги на столе, и не как попало, а в тщательной хронологической последовательности. Чтобы читатель вместе со мной мог увидеть картину подготовки к решающему сражению, увидеть эпизоды будничной обстановки батареи «А», а затем и последние минуты жизни ее героических бойцов.

Прежде всего, что я видел сам?..

Это было в июле сорок первого, близ Ораниенбаума. Наш разведотряд морской пехоты ожидал боевого задания. Будучи назначен командиром, я прибыл в отряд на катере. Помню, был душный вечер, небо на горизонте погасло, померкло, затем начало быстро темнеть. Барометр предсказывал приближение шторма. А вскоре подул ветер. С каждой минутой он усиливался.

Мы стояли на палубе катера.

— Почему здесь «Аврора»? — недоуменно спросил кто-то.

Возле Ораниенбаумского причала, действительно, стоял легендарный крейсер. На его флагштоке трепетал на ветру военно-морской флаг. Орудия были расчехлены и изготовлены к бою.

Я приставил к глазам бинокль. На палубе царило какое-то оживление. Но что там происходило, нельзя было понять. Почти все боевые корабли находились в это время в Таллине. А здесь, в Ораниенбаумском порту, несла службу лишь одинокая «Аврора», входившая в отряд учебных кораблей флота. Мы перебрасывались фразами, строили предположения, высказывали догадки. Ветер, меж тем, перешел в штормовой. Крупные капли ливня прошли море, забарабанили по нашему суденышку. Все затянулось сплошной седой завесой и погрузилось в тьму. Но так продолжалось недолго. Ветер быстро ослаб, вокруг посветлело, прекратился и дождь. Катер приблизился к крейсеру. Оглядывая горизонт, я машинально навел бинокль на корабль и увидел над палубой «Авроры» ствол орудия, захваченный и приподнятый стальной петлей автокрана.

В этот час и пришел нашему отряду приказ выступать. Мы распрощались с катером и двинулись к Петергофу. Ораниенбаум остался позади.

— Похоже, на «Авроре» меняют орудийные стволы, — проронил кто-то из бойцов.

Но это было не так.

Теперь беру один из лежащих на столе листов. Здесь запись беседы с бывшим комендором Алексеем Кукушкиным.

«Я был призван из запаса, — рассказывает Кукушкин, — и сразу направлен в Ораниенбаум. Туда пришла наша «Аврора». По приказу командования надо было снять с нее бортовые пушки. За дело взялись мы горячо. Да и поспешать приходилось. Даже супчишки некогда похлевать. Все бегом да бегом. Помню, в срок управились. С помощью лебедок и автокрана сняли стволы и лафеты, сложили их на набережной. Посмотрел я тогда на крейсер, и сердце сжалось: стоит знаменитый крейсер без пушек. Осталось, правда, носовое орудие. То самое, всему миру известное. В сем-

надцатом году оно по Зимнему бабахнуло. Несколько зениток осталось. Сиротливо глядят в небо. А небушко ясное. Ноченьки-то белые, ленинградские. Отдыхали мы, прогуливались по берегу, ждали ужина и еще ждали, когда придут тягачи и увезут разобранные пушки. Куда?.. Никто этого из нас, рядовых, тогда не знал. Стало быть — военная тайна.

Признаюсь, подумал я про себя такое: «А ну как прорвутся фашисты? Пушки-то в бездействии окажутся... Или, например, бомбардировщики прилетят, расшвыряют все, перекорежат». И страшновато становилось. Помню, только команду на ужин подали, как откуда-то сверху, будто с самой корабельной мачты, гыкнула сирена и протяжно, тошно завывала. Зенитчики

к своим местам кинулись. Мы в укрытие. Потом где-то далеко-далеко гроыхнуло раза три. И опять все умолкло. В одном месте небо засветлело, словно заря стала заниматься. «Пожар, — сказал кто-то. — Похоже, бензохранилища горят...» Вскоре был дан отбой воздушной тревоги. А вслед затем услышали мы рокот тракторов. Все ближе, ближе рокохут. И не один — много. Тут пришел замполит наш и говорит: «Кировцы идут. Не подвели, сдержали слово. Спасибо им большое, наше краснофлотское!» Тягачи притащили с собой стальные волокуши. Мы и погрузили наше хозяйство. На одни — стволы, на другие — лафеты. В тот вечер и поужинать не пришлось. Потому что спешили. К утру надобно было пушки на место доставить».

Утро на Вороньей горе

Вот что было дальше: на рассвете тягачи пришли к Вороньей горе. Остановились у подножья, на шоссе. Здесь тракторный поезд встретили командир.

— Первое орудие — сюда, — кивнул трактористу пожилой лейтенант. Он пошел по едва заметной тропочке вверх. Шаркая гусеницами по каменистой дороге, тягач развернулся и медленно пополз вверх, за лейтенантом. Позади него на стальных волокушах двигалось орудие. Вернее — пока лишь его ствол. Вслед тронулся второй тягач. Он тащил основание пушки.

Лейтенант Скоромников, призванный из запаса, поднимался наверх с одышкой. За время гражданской жизни у него стало неладно с сердцем. За командиром легко шли два краснофлотца, похожие друг на друга: оба рослые, широкие в плечах, в брезентовых робах. На ногах кованные моряцкие ботинки. Лейтенант оглядывался. Тягачи уверенно двигались вперед.

На дороге среди офицеров стоял чуть сутуловатый командир дивизиона военинженер 1-го ранга Сонкин. Несколько минут назад он объяснил обстановку. Огневые точки батареи «А» растянутся цепочкой в сторону города Пушкина. Расстояние между ними должно быть не менее и не более километра. Во втором эшелоне у Пулковских высот станет батарея «Б». Мощный огневой вал прикроет подступы к Ленинграду в большом радиусе...

Было часов пять утра. Поселок, раскинувшийся у подножья Вороньей горы, еще спал. Сверху хорошо просматривались его улочки.

Лейтенант присел на пенечек, достал карандаш, положил карту на планшетку и что-то стал отмечать. Потом сказал:

— Если прорвутся к Гатчине, мы их враз накроем!

Прикрываясь ладонями от поднявшегося солнца, моряки смотрели на голубое озеро. Возле кустиков ивняка сидел одинокий рыбак. Казалось, ничто не напоминало о войне. А между тем бои шли уже под Нарвой. С другого направления фашисты рвались к Луге.

Неподалеку от Вороньей горы была другая гора, поменьше. На ее ровной вершине стояла церквушка. Это место называлось Кирхгоф. Командир артдивизиона сказал, что на колокольне будет наблюдательный пункт батареи «А».

— А сейчас, — поднялся лейтенант, — надо как следует замаскировать разобранные орудия. Скажите остальным, — обернулся он к краснофлотцам, — пусть рубят молодой березняк и ольховник. Елки и сосенки не трогайте!

— Есть, — моряки кинулись под уклон, где ожидали их товарищи.

Через час по дороге поползли тракторы. Они своим ходом возвращались теперь домой. Трактористы высывались из своих горячих тесных кабин и махали на прощанье морякам своими промасленными кепками. Моряки снимали бескозырки и тоже махали.

Домик в Кавелахти

Дни и ночи работали балтийцы. Отрывали котлованы для орудий. Строили погреба для снарядов. Землянки для артрасчетов. Проводили скрытые хода сообщений. Им помогала бригада девушек из Дудергофа. Автомшины подвозили цементный раствор и арматуру. Специалисты по бетонированию заливали бревенчатые опоки раствором. На эти железобетонные фундаменты подлафетники устанавливали затем вновь собранные корабельные орудия.

От самой Вороньей горы, мимо Кирхгофа, деревеньки Кавелахти почти до Пушкина протянулись, словно пунктир, огневые точки мощной батареи. Орудия, землянки артиллеристов, погреба с боеприпасами — все было ловко замаскировано. Ни с земли, ни с воздуха не увидишь батареи. Только присутствие моряков могло дать повод для догадки, что здесь построен мощный оборонительный рубеж. Но где в это время не было военных? Под Гатчиной и Ропшей, в Красном Селе

и Лигове, на Нарвском шоссе и на побережье залива близ фортов — везде кипела работа. Одни строили доты и дзоты, другие устанавливали на зеленых, некошенных лугах, неубранных полях противотанковые надолбы. Тысячи людей рыли противотанковые рвы, углубляли овраги... Делали все, лишь бы остановить врага.

На батарее «А» всего на несколько дней установилась будничная, почти мирная жизнь. Здесь можно было услышать и песню девушек, пришедших в гости к морякам-батареям, и переливы гармошки.

Шел август — последний месяц лета. В один из этих дней на батарее и произошло необычное событие, о котором мы уже знаем: военфельдшер Тося Павлушина вышла замуж за лейтенанта, командира орудия Алексея Смагляя.

Свадьбу отпраздновали в маленьком домике, в деревне Кавелахти.

Будем сражаться вместе

Немцы уже в Луге. Пал Кингисепп. Гитлеровцы идут на Мгу, Гатчину, Пушкин. Наши воины еще удерживают Ропшу. Многие жители уезжают из Красного Села. Под угрозой Ораниенбаум.

Притаились искусно скрытые под Вороньей горой, Кирхгофом, Пулковскими высотами наши морские дальнобойные орудия. Ждут. Настороженная тишина повисла над Вороньей горой. С наблюдательного пункта в Кирхгофе, с колоколенки, идут донесения: «Враг не замечен. На дорогах части отступающей восьмой армии. Преимущественно пехота. Техники не видно».

Из штаба артдивизиона, из Пулкова, пришел по телефонным проводам приказ: приготовиться к бою. С часу на час вражеские колонны могут оказаться в зоне досягаемости артогня.

Все чаще проходили мимо батареи отступающие бойцы. В одиночку, группами брели из окружения. С перевязанными руками, забинтованными головами. Некоторые опирались на самодельные костыли. Лица худые, серые от пыли.

— Ждем, — спокойно и хмуро отвечали балтийцы.

Как-то раз пехотинцы заметили дуло стотридцатки, выглядывавшее из-за веток. Они словно вдруг преобразились. Взмолнованно озираясь, принялись расспрашивать, много ли тут таких пушек, много ли артиллеристов-моряков, надеются ли они удержать гитлеровцев.

— Удержим, — говорили моряки-балтийцы. — Давай к нам, крупя! За нами окапывайтесь!

И пехотинцы, много дней выбиравшиеся по лесам и болотам из-под Нарвы, сразу ожили. Побросали тощие вещевые мешки.

— Баста. Никуда больше не пойдем. За спиной Питер. Будем стоять вместе с вами...

Один за другим, словно щепки в половодье, натолкнувшись вдруг на плотину, останавливались, накапливались. Неподалеку от батареи «А» разрозненные одиночки сформировали первую часть нового подразделения и на равнине начали строить оборонительный ру-

— А вы что здесь делаете? — как-то спросил моряков один из окруженцев. В вопросе чувствовалось раздражение. Мол, такие здоровые, молодые, сытые, отсиживают здесь.

— Ждете, когда гитлеровцы в Ленинград войдут? — съязвил другой.

беж, готовиться к сражению. Солдаты рассказывали, что немало немцев полегло и в Прибалтике и на Псковской земле, что только ценою огромных потерь удается армиям фашистской группы «Норд» продвигаться вперед.

Паника в стане врага

Вздригнула Воронья гора. Задребезжали в домах стекла. Тяжелые раскаты, продолжительные, медленно утихающие, словно далекий гром, прокатились от Ду-

дергофа до Пушкина, огласили Пулковские высоты. Это заговорили пушки «Авроры».

Снаряды рвались в гуще немецких колонн, с запада

и юга приближавшихся к Красногвардейску, как тогда называлась Гатчина.

Начальник оперативного отдела штаба армии, самоуверенный, надменный Ферч, в то время еще ходивший в полковничьем чине, с яростью отбросил телефонную трубку. На шоссе, куда вынес его бронированный штабной автомобиль, уже творилось что-то невообразимое. Столбы огня и дыма поднимались то тут, то там, взметая разбитые вдребезги грузовики, снаряды поражали фашистскую пехоту. Страшный пожар разразился в колонне бензовозов. Танки кинулись с шоссе враспынную. Всюду валялись убитые, корчились и стонали раненые.

Ферч никак не мог понять, откуда обрушился на армию этот артиллерийский шквал. Ведь русские отступили, едва успев увезти ту боевую технику, что у них оставалась. Конечно, несколько дней назад командование армий группы «Норд» еще не предполагало, что удастся вскоре подойти к Гатчине. Ленинградское пехотное училище, вставшее на пути целой эсэсовской дивизии, не отступало ни на шаг. Двенадцать раз эсэсовцы, закатав рукава и упираясь затылками автоматов в живот, поднимались в атаку на позиции курсантов. И каждый раз, встретив убийственный огонь, бежали назад, оставляя сотни трупов. Доходили до рукопашной. Примкнув к винтовкам трехгранные штыки, красные курсанты кололи фашистов по всем правилам военной выучки. Эсэсовцы отступали, несмотря на свое численное превосходство. После каждого поражения в воздухе появлялись фашистские самолеты. Словно страшная оспой покрылась земля после непрерывных бомбежек.

Стоять насмерть!

Теперь я снова возвращаюсь к документам и записям. За каждым исписанным листком бумаги — живой человек, участник боев на подступах к Ленинграду.

«Когда я вышла замуж за Алешу Смагляя, — говорит бывший врач батареи Антонина Григорьевна Павлушкина, — он был командиром пятого орудия, стоявшего близ Кирхгофа. Всего три или четыре дня жили мы относительно мирно, готовясь к боям. Немцы рвались к городу. Когда враг оказался в зоне досягаемости нашего удара, из штаба артдивизиона, расположенного в Пулковской обсерватории, военинженер I-го ранга Сонкин отдал приказ открыть по фашистам огонь. Гитлеровцы ответили массированными налетами авиации. В то время как бомбардировщики беспорядочно сбрасывали бомбы, самолеты-корректировщики висели над нашими головами, пытались определить местонахождение огневых точек. Наши зенитчики, конечно, не дремали. Один за другим вражеские стервятники, объятые пламенем, падали на землю. Мой медпункт был размещен в деревянном домике, недалеко от местной школы. С первой пушки сообщили: тяжело ранен командир орудия. Схватив санитарную сумку, я кинулась туда. Прибывшая незадолго перед тем девочка-санитарка встретила меня со слезами на глазах. Лейтенант Скоромников уже умер. Тяжелый осколок пробил ему грудь...»

Я обняла девушку и почувствовала, как вздрагивают ее острые плечики. Она только что окончила краткосрочные медкурсы и по собственному желанию приехала на фронт. Можно сказать, почти трамваем и приехала. Вначале до Стрельны, а там добиралась к нам где пешком, где на попутном грузовике, пока не нашла батарею... Девушка только-только закончила десятилетку. Медицинских же знаний у нее было совсем немного. Помнится, она очень волновалась, когда

На полосу обороны, занимаемую училищем, были выброшены тысячи листовок. Геббельс обещал «красным юнкерам» командное положение в рядах немецкой армии, уговаривая прекратить сопротивление. Пехотное училище отошло, лишь когда нельзя было уже собрать и взвода нераненых курсантов. Большинство же их осталось навечно лежать на родной земле...

В это время командовавший артиллерией Балтики невысокий, сухопарый и, как все старые артиллеристы, немного глуховатый вице-адмирал Иван Иванович Грен стоял на эллинге судостроительного завода. Выслушав по телефону доклад из-под Пулкова, он медленно, подбирая точные фразы, говорил:

— Лавина вражеских танков катится на город Ленина. Их надо во что бы то ни стало задержать. Бейте по фрицам точно. Враг ваших позиций не знает.

Сотни бомбардировщиков, истребителей, штурмовиков и самолетов-разведчиков черной стаей ринулись на поиски тяжелых батарей «Аврора» и «Большевик». С воздуха им не удалось определить расположение огневых точек советской артиллерии. В штаб Ферча следовали одно за другим донесения. Дудергоф, Пушкин, Пулково... Вот где стоят русские пушки. Однако ни одну из них сверху не удалось увидеть, как бы самолеты ни снижались. Создавалось впечатление, что эти пушки спрятаны в земле. Даже кончика их стволов нельзя было заметить.

Разбитые на шоссе дорогах у Гатчины и Ропши моторизованные колонны фашистской армии укрывались в ложбинах, овражках, рощицах. Их наступление в этот день было остановлено.

в первый раз делала перевязку одному рослому моряку. Он улыбался и просил ее перевязывать смелее: рана, мол, пустяковая. Но из этой «пустяковой» раны сильно шла кровь. И наша девочка, оказалось, не очень-то и знала, как останавливать кровотечение. Но была она такой расторопной и самоотверженной, что даже никакого внимания не обращала на небо, в котором кружили десятки фашистских самолетов...

В следующую бомбежку шальным осколком был убит командир артдивизиона Сонкин. На его место был назначен старший лейтенант Михайлов. Я его знала со слов Алеши. Они вместе в Севастополе служили...

Новый командир артдивизиона приехал на нашу батарею на мотоцикле. Вела мотоцикл молодая женщина, а Михайлов был вроде пассажира. Я тогда еще не знала, эту женщину в форме краснофлотца. Это была Ника Касьяновна, жена старшего лейтенанта Михайлова. Он начал знакомиться с каждым командиром орудия, разговаривал с артиллеристами...

«Я помню, как к нам приезжал старший лейтенант Михайлов, — читаю я другую запись. — Наша пушка № 2 стояла недалеко от Вороньей горы. Она контролировала дорогу, ведущую в ложину. Я, Попов Александр Васильевич, был на этой пушке наводчиком. Командиром у нас был лейтенант Антонов. Несколько дней мы били по дальним целям, за десятки километров. Как сообщала наша разведка, морская батарея здорово досаждала врагу. Потому-то его авиация прямо-таки неистовствовала. Град осколков от тяжелых бомб обрушился на всю местность. День ото дня нам становилось труднее. Молчать мы не можем, потому что вражьи моторизованные части ползут к Ленинграду, несмотря ни на какие потери. А когда стреляем, виден огонь. Тут юнкеры и стараются бомбить прицельно... Мы били по скоплениям врага в юго-запад-

ном и южном направлениях. А гитлеровцы устремились на Красное Село, в наш тыл. Но я скажу, что в то время мы, артрасчет пушки № 2, этого и не знали, что немцы идут на Красное село. Мы вели огонь по тем войскам, которых и не видели. Огонь корректировали наши наблюдатели с колоколенки, что стояла на высоте Кирхгоф».

На исходе первой декады сентября передовые части 18-й армии врага вплотную подошли к Красному Селу. Стремясь развить наступление, они двинулись на Урицк, вышли на побережье залива, взяли Стрельну и Новый Петергоф. Связь батареи «А» с Красным Селом прервалась. А в Красном Селе находились основные запасы снарядов для морских пушек. Создалось тяжелое положение.

Командир батареи «А» старший лейтенант Иванов был срочно вызван на командный пункт артдивизиона в Пулковской обсерватории.

Поздним вечером он возвращался на батарею, получив подробный инструктаж у старшего лейтенанта Михайлова. Ехали на полutorке с выключенными фарами, почти наощупь.

— Садитесь в кабину, — предложил командиру батареи комиссар артдивизиона, его однофамилец.

— Нет уж, товарищ батальонный комиссар, — улыбнулся тот, — вы постарше меня и по возрасту и по званию. Вам и ехать в кабине.

Комиссар Иванов сел рядом с шофером, а старший лейтенант Иванов влез в кузов.

Проселочная дорога петляла у подножья Вороньей горы. Шофер напряженно всматривался, опасаясь захватить в кювет. Неожиданно на дороге обозначились силуэты людей с автоматами. Шофер затормозил. Комиссар приоткрыл дверцу кабины, шутливо крикнул:

— Эй, орлы, чего ночью бродите?

Люди остановились как вкопанные. Секундное молчание. Затем автоматные очереди в ответ.

Это была немецкая разведка, прокрававшаяся ночью к Дудергофу.

Шофер кубарем вывалился из кабины в кювет. Комиссар, схватившись за планшетку, тяжело застонал и тоже попытался выползти из кабины, но не смог. Пули

автоматчиков пробили командиру батареи бедро и руку. Однако он сумел выпрыгнуть из кузова и ползком добраться до придорожной канавы. Он слышал, как шофер крикнул:

— Кто жив, отходите к своим... Я их задержу, гадов!..

И отважный водитель полutorки ударил из автомата по гитлеровцам, которые было кинулись к машине.

Старший лейтенант долго полз, теряя последние силы. Стрельба все отдалялась. На десяток немецких автоматов отвечал лишь один. Иванов догадался, что шофер оттягивает врага на себя, отходя в другую сторону.

Почти два километра, ценой невероятных усилий, раненый командир батареи «А» пробирался через кустарники, бугры и рытвины к первому самому ближайшему орудью. Ослабевший от потери крови, он появился ночью у котлована орудия и поднял тревогу. Скоро вся батарея приготовилась к бою. Начпрод, временно командовавший пушкой № 1 вместо убитого лейтенанта Скоромникова, вызвал врача Тосю.

Когда старшему лейтенанту делали перевязку, удаляли пулю, он не кричал от боли. Сквозь едва сдерживаемые стоны говорил:

— Планшетка... Планшетка у комиссара была. В ней карта... Если они ее найдут, будет нам худо... Там обозначены наши орудия...

На короткое время старший лейтенант впал в забытие.

«Я не выходила из землянки командира батареи, — продолжает рассказ Антонина Григорьевна. — Сделала все, чтобы помочь раненому. Утром надеялась отправить его в госпиталь. Но не тут-то было, очень упорный оказался наш командир. Придя в себя, он сразу же начал отдавать распоряжения. Письменные и устные.

— Тосенька, — совсем не по-уставному вдруг обратился он ко мне. — Вызовите срочно Смаглия...

Между тем командиру батареи только что доложили, что по ту сторону горы фашисты, очевидно, готовятся к атаке.

Когда в землянку вбежал Алеша, мой муж, я стояла

в углу и с замиранием сердца смотрела на старшего лейтенанта Иванова. С трудом преодолевая боль, с бинтами, красными от просочившейся крови, он подождал лейтенанта Смагляя поближе, положил ему здоровую руку на плечо и слабым голосом сказал:

— Сними по три бойца с каждого орудия и пошли в усиление расчета первой пушки. Там сейчас узловая позиция нашей батареи. Там командиром интендант. Трудно ему. Учти, Алеша, позиция самая что ни на есть ключевая. По ней немцы ударят в первую очередь. Возьми под свою команду это орудие и людей...

— Есть, товарищ лейтенант! — вытянулся Алексей, — можете быть уверены, будем стоять как на корабле, до последнего. Отступать некуда. Разрешите идти?

— Исполняйте...

Я дрогнула, вдруг почувствовав, что никогда больше не увижу моего Алешу, что это последние минуты наши. Я кинулась следом за ним. Возле землянки он остановился, поглядел на меня как-то особенно и, коротко поцеловав, побежал тропкой...

Я вернулась в землянку. Командир батареи сказал: — Перебинтуюсь потом, после боя... Сейчас никак нельзя... Слышите, начинается... — он на минутку прислушался. Издали доносилась ружейно-пулеметная стрельба, громыхнуло какое-то из наших орудий, посыпался с потолка землянки мусор. — Вы, Павлушкина, — сказал он строго, — оставайтесь за командира пятого орудия. Помните, другого офицера у меня нет... Там в расчете старшина Кукушкин. Он опытный артиллерист. Поможет... Идите!»

«В это утро, — рассказывает наводчик Попов, — лейтенант Антонов послал меня на разведку. Нас двоих послал. Я был старшим, а еще один краснофлотец придан как бы вестовым. Едва рассвело, когда мы подня-

лись на вершину Вороньей горы... Вся долина внизу была в сплошном дыму. В Дудергофе уже находился враг. Оттуда доносился рокот подходивших танков и бронетранспортеров... Внезапно мой напарник толкнул меня в бок, указывая глазами на что-то. Я посмотрел в ту сторону и замер. Здоровенный детина с автоматом в одной руке и с биноклем в другой осторожно пробирался сквозь кустарник, поднимаясь в гору, нам навстречу. Время от времени он останавливался, чутко прислушивался, шарил биноклем по горе. Живого гитлеровца я видел в первый раз. Все закипело во мне от ярости. Осторожно высунул я винтовку, прицелился, нажал спусковой крючок... Это был первый вражеский солдат, которого я убил не из пушки... Среди общего гула мой одинокий винтовочный выстрел, кажется, не привлек особого внимания. Мы повернули назад. Через четверть часа я докладывал лейтенанту Антонову о результатах разведки. Рядом с лейтенантом стоял политрук батареи товарищ Скулачев. Он был в каске, с гранатной сумкой на поясе, в руках держал винтовку. Наши командиры готовились к прямой схватке с вражеской пехотой. Выслушав меня, лейтенант посмотрел на политрука, потом тихо сказал:

— Приготовиться, товарищи, к бою. Будем стоять насмерть!

Командир батареи «А»
старший лейтенант
Иванов

Интернационал

Битва началась вскоре. На дороге появились десятки фашистских танков. За танками бежали автоматчики. Как всегда, закатав рукава, упираясь затылками автоматов в живот. Что-то пьяно и ошалело горлашили.

Служивший до войны на «Авроре» лейтенант Александр Антонов должен был с неопытки снять каску, надел фуражку. Глядя на приближающиеся танки, он поднял руку...

Наводчик Попов прильнул к оптическому прицелу. Ствол орудия пришел в движение, ловя движущуюся цель.

— Огоны! — командовал лейтенант.

Тяжелый морской снаряд поднял в воздух фонтан земли. Когда земля осыпалась, а дым немного рассеялся, артиллеристы увидели искореженный танк. Однако другие танки бешено мчались вперед. Расстояние между орудием и вражескими броневыми машинами быстро сокращалось.

— Огоны!..

Новые фонтаны земли, дыма и пламени поднимались на дороге. Танки врага вели огонь по морскому орудью. Один из снарядов попал в броневую щит пушки, оглушил заряжающего, ранил наводчика Попова, повредил механизм наводки. Кто-то оттащил наводчика от пушки и положил в углу котлована, прикрыв веткой хвои. В это время десятка два гитлеровцев ринулись в котлован. Лейтенант Антонов и политрук Скулачев скрылись в снарядном погребе; немецкий офицер, заглянув в открытую дверь погреба, крикнул:

— Рус, сдавайся!..

В ответ раздался выстрел. Гитлеровец покачнувшись, неестественно изломившись, упал. Другие попятись назад.

Один из них подкрался к двери сбоку и припер ее шестом. Затем зажег дымовую шашку и бросил ее внутри убежища через вентиляционную трубу. Из погреба повалил густой вонючий дым.

— Не-ет, гады, не возьмете! — крикнули из погреба. Через минуту раздался тяжелый глухой взрыв. Антонов и Скулачев взорвали себя противотанковой гранатой.

Тщетно телефонист в штабе артдивизиона на Пулковской высоте вызывал батарею «А». Батарея не отвечала. Оставалось одно: послать к Иванову связного на мотоцикле. Но связной был ранен и лежал тут же с забинтованной ногой.

Тогда командир артдивизиона старший лейтенант Михайлов вызвал Нику Михайлову.

«Для моего мужа долг всегда и во всем был выше личных выгод и соображений, — вспоминает Ника Касьяновна. — Как только началась война, я упростила его взять меня с собой на фронт.

— Можешь быть уверен, Миша, — убеждала я его, — от твоих бойцов не отстану. Ведь я физкультурница.

Он усмехнулся. Знал мой характер. Сказал:

— Что ж, будем воевать вместе. Скидки тебе не будет. Как и все, будешь краснофлотцем...

Ника Михайлова

Мы жили дружно. Он любил меня. Но я знала: Михаил никогда не решится заменить меня другим, лишь бы уберечь от опасности из-за того, что я его жена... Так было и в тот день, в день битвы под Вороньей горой. Едва я вошла в штабную землянку, Михаил вручил мне пакет и приказал: что есть духу мчаться на батарею «А» к старшему лейтенанту Иванову. На прощанье шепнул:

— Смотри, родная, чтоб пакет ни за что не попал к врагу.

Я примчалась к Вороньей горе, когда там творилось что-то невообразимое. Где-то еще стреляли «стотридцатки», их голос я уже умела хорошо отличать от других. А вокруг рвались мины, трещали пулеметы и автоматы. В воздухе носились пикирующие бомбардировщики врага. На бреющем полете немецкие истребители обстреливали наших артиллеристов. Поселок был занят гитлеровцами. Но что-либо рассмотреть было трудно, все окрестности застилал густой дым. Несколько раз я натыкалась на немецких автоматчиков и только благодаря дымовой завесе успевала от них спастись. На батарею я так и не пробилась. Вернулась и, кажется, впервые разревелась от горя. Доложила, что хотя какие-то орудия батареи «А» и продолжают еще вести огонь, но они уже окружены врагом и, похоже, держатся последние минуты.

Вскоре мы на батарее «Б» получили приказ командования: немедленно взорвать орудия и отойти.

— Ляжем здесь костями как один, — ответили комэндоры, — но орудия не взорвем, пока есть хоть один снаряд...

В это время фашисты приблизились к позициям батареи «Б» на расстояние семисот метров. Батарея все еще молчала. Михаил что-то лихорадочно подсчитывал, непрерывно звонил по телефону. Затем поднялся и сказал:

— Будем бить прямой наводкой!.. Надо задержать немцев как можно дольше, пока Ленинград не подбросит свежие подкрепления...

И началась лихорадочная, сумасшедшая стрельба. По скоплениям танков и пехоте били прямой наводкой. Стоял сплошной рев орудий. Вдруг докладывают: иссяк запас боевых снарядов.

Михаил отдает команду:

— Стрелять холостыми в том же темпе. Немцы сразу не разберут! А тем временем и боевые подбросят...

И что удивительно, — говорит Ника Касьяновна, — противник действительно не разобрал, что мы перешли на холостые. Ведь грохот и пламя были такими же, как и при боевой стрельбе. Гитлеровцы лежали, прижавшись к земле, боялись голову поднять...

Но что же было на батарее «А», куда так и не смогла пробраться на мотоцикле связанная Ника?

Мы знаем уже о гибели лейтенанта Александра Антонова и политрука батареи Андриана Скулачева, о гибели многих краснофлотцев-артиллеристов.

Командир орудия лейтенант Доценко успел уничтожить механизмы пушки и выйти из окружения с группой бойцов. Вынесли из окружения и раненого командира батареи.

Старший лейтенант Иванов Дмитрий Николаевич пал смертью героя под Шлиссельбургом. На правом берегу Невы, возле деревни Мартыновки — его могила... Беспощадно бил врагов и майор Михайлов, отважный артиллерист. Он погиб, когда ему исполнилось всего лишь тридцать лет. В боях под Псковом, в 1944 году...

Но кто был на остальных пушках как «Авроры», кто погиб, а кто жив и ныне, пока остается неизвестным.

Трагично сложилась судьба артиллеристов первой пушки, которой командовал в этом страшном неравном бою Алексей Смаглий. Приведу рассказ одной из бывших жительниц Дудергофа Александры Медведевой. Я долго искал эту женщину. Наконец, след привел меня в Польшу, город Вроцлав, на улицу М. Складовской. Вот письмо Александры Медведевой-Мэндрек:

«Летом сорок первого года я работала на окопах. В бригаде было около сорока женщин. Мы строили оборонительный рубеж от Кирхгофа до Кавелахти. Вместе с моряками маскировали первую пушку. Моряков я знала почти всех в лицо... Мы часто бывали у них в гостях, они нередко угощали нас обедом, и, бывало, говорили: коль враг придет, защищаться будем вместе... В тот день, когда началась битва на батарее, очень много налетело фашистских самолетов. Мы прятались недалеко от первой пушки. Было очень страшно. Помню, вся земля гудела и горела, от дыма нельзя было продохнуть. Кто-то из наших женщин все же увидел, как гитлеровцы кинулись к пушке. Моряков оставалась горстка. Почти все они были ранены. И девочка-санитарка не успевала их перевязывать. Когда фашисты кинулись к пушке, моряки стали бросать в них гранаты. Потом они дрались врукопашную. Словно богатыри, били наши моряки фашистских вояк. Но их оставалось мало. А немцев много. Артиллеристов похватали, заламывали им руки, скручивали ремнями. Топтали сапогами, били прикладами, ломали ребра, вышибали зубы... Наши женщины как-то осмелели, выбежали из своего убежища, хотели прийти на подмогу морякам. Но нас встретили немецкие автоматчики... Потом моряков стали привязывать к стволу пушки и обливать бензином. И с ними вместе загубили санитарку. Мы все плакали. А они запели «Интернационал»... Их сожгли. И никого из жителей не подпускали к этой закопченной пушке...»

ОТ АВТОРА И ОТ РЕДАКЦИИ

Огневой щит пушек «Авроры» сковал инициативу гитлеровцев, помог выиграть драгоценное время, перегруппировать и подтянуть силы защитников Ленинграда.

Сейчас, когда город-герой по крупицам собирает все, что может дополнить летопись его беспримерной обороны, особенно важно узнать имена тех, кому Родина обязана счастьем победы. То, что удалось автору собрать, а редакции опубликовать, является лишь малой долей огромного материала, который еще скрыт от нас. Красные следопыты, пионеры, комсомольцы, бывшие воины — участники боев в районе Красного Села, Дудергофа, Пулкова — помогут найти и назвать имена славных защитников города Ленина, ныне пока еще безвестных.

ФРОНТ ПРИХОДИТ К НАМ

ПОВЕСТЬ

Посвящаю моему сыну Игорю

Булат Окуджава

Рисунки Т. Оболенской

Глава первая о том, как все началось

Мы живем в Январске уже вторую неделю. Январск — это город. Небольшой. На карте его найти очень нелегко. Но вы можете попробовать поискать.

Мой папа — пограничник, майор. Как только началась война, он, конечно, принялся воевать, а мы с мамой сидим здесь. И дернула же нас нелегкая ехать в этот Январск перед самой войной. Мама говорила: «Это моя родина. И хотя там никого из близких нет, но мы, Гена, снимем с тобой комнатку и поживем, а там и папа в отпуск к нам приедет...»

Вот и приехали! Теперь он воюет, а я брожу по улицам, а мама втихомолку плачет и ходит молчаливая, и лицо у нее пожелтело.

Хорошо, что есть Женька Ночкин. Ему тоже десять лет. Он москвич. Приехал сюда к дяде на каникулы и застрял. Хорошо еще, что есть Женька.

Женька рыжий, в белом воротничке, хотя жарится, но товарищ он очень хороший. Я такие стихи написал о нем:

Женька, Женька Ночкин,
С головой, как рыжий еж,
Даже среди ночи
Ни за что не пропадешь.
Женька, Женька Ночкин,
Все равно какой

Ты товарищ мой.

Одна строчка так у меня и не получилась. Но стихи были хорошие, правда, Женьке я их не читал.

В первый же день знакомства Женька меня спросил, нравится ли мне война.

Я сразу представил маму. Вот она ходит по комнате из угла в угол и молчит, и думает, и снова молчит. Я однажды сказал ей, что вот, наверно, здорово сейчас по степям конница Буденного мчится. А она так на меня посмотрела, так посмотрела, что мне захотелось на улицу. И она сказала:

— Глупый ты, Генка. Какая там конница! Наши отступают.

— А Буденный-то где? — спросил я.

Она отвернулась и поднесла к лицу скомканный платок.

«Женщины всегда так, — подумал я. — Что они понимают в войне».

А потом пришла к нам молочница и сказала, что молоко будет продавать по десять рублей. — Хотите берите — хотите нет.

А мама посмотрела ей вслед и сказала тихо: — Проклятая война...

Вот этого я никак понять не могу. Пушки гремят, фашисты бегут, красноармейцы наступают. Я же видел это в кино. Очень была хорошая картина. Называлась «Неустрасимые»...

Мы с Женькой целые дни толчемся около военкомата.

— Одного бы фашиста увидеть, ну хоть краешком глаза, ну хоть в щелочку, — говорит Женька. — А еще лучше — на фронт бы попасть.

— Мне что-то не очень война нравится, — говорю я, — мама плачет, молоко десять рублей стоит, папа писем не шлет.

Женька смотрит на меня с удивлением.

— Ты хнычешь, совсем как девчонка. Если мы будем хныкать, кто же будет воевать?

Я вижу: идет с рынка моя мама. Она все думает, думает и молчит. А навстречу маршируют красноармейцы. Они тоже молчат. Жарко, пыльно. Что-то застилает мне глаза. Женька говорит:

— Давай, Генка, шпиона поймаем? Их сейчас сколько хочешь.

— А ты откуда знаешь?

— Знаю. Шпиона сразу узнать можно: идет и оглядывается, и лицо у него от страха желтое...

У шпиона серый костюм и на локтях большие латки.

— Видишь? — шепчет Женька и толкает меня в бок.

Шпион достает платок и вытирает лицо. Он останавливается у витрины. Там — колбасы, ветчина, красные головки сыра. Все настоящее.

Шпион оборачивается.

— Ты что это, Женечка, в такую жару по городу ходишь? Шел бы в сад, на траве полежал бы.

Это Женькин дядя. Он зубной врач.

Женька живет в большом докторском доме

за высоким забором. В доме много комнат. Ставни закрыты. Мебель под чехлами.

— Ты смотри, на стул не сядь, — говорит Женька, — стулья здесь для красоты.

Мы идем в сад и устраиваемся на траве.

— Опротивел мне этот дом, — говорит Женька. — Ну и история!

В саду прохладно. Мне грустно.

— Отправили меня сюда, и война без меня пройдет, — продолжает Женька, — и ничего не поделаешь. А я бы маршалом хотел быть.

Он говорит об этом так, словно стать маршалом — это козу Машку за хвост потянуть. Но тут же поясняет:

— Я с рядового начну. Начну и пойду, пойду, пойду...

По щеке моей ползет букашка и щекочет.

Я говорю:

— Мне маму жалко. Я вот возьму и проберусь на фронт, разыщу отца...

— Ты фантазер, — говорит Женька, — этим маме не поможешь. Нужно идти в Красную Армию.

— Да, — говорю я и иду домой.

У мамы желтое лицо, синяки под глазами. А ведь она раньше была такая красивая, такая красивая...

— Видел почтальона, Гена? — спрашивает она. Я киваю. Она отворачивается.

Я проклиная почтальонов.

Мы молча едим пшеничную кашу.

— Ну как, — спрашивает мама, — ничего без молока?

И пробует улыбаться.

— Очень вкусная каша, — говорю я, — прямо замечательная.

Я проклиная молочницу. И, вообще, как хорошо было бы безо всякой еды. Выдумать бы такие пилюли: проглотил одну — и целый месяц есть не хочется.

...А писем все нет и нет.

Женька говорит:

— Ты не грусти. Что-нибудь придумаем..

Я верю: он на этот счет мастер.

Женькин план замечательно прост. Мы сами напишем письмо, так, словно это мой отец написал.

— Это чепуха, до чего просто, — говорит Женька, — я знаю, что с войны пишут.

Женька диктует. Я начинаю писать. Женька через плечо смотрит на бумагу.

— Эх, Гена, Гена... — вздыхает он, — разве взрослые так пишут?

И он пишет такое письмо:

«Здравствуйте, Ольга Андреевна и Гена!

Шлю вам горячий командирский привет из самого яростного сражения. Мы мчимся по степи на лихих скакунах и стреляем. Кругом рвутся снаряды. Кровь течет ручьями. Я скачу рядом с Буденным...»

Я перечитал написанное. Почерк у Женьки совсем как у взрослых. Я представил отца. У него добрые глаза, а на лбу складка, как шрам.

— Что бы еще написать? — спрашивает Женька.

— Нужно еще, чтобы мама не волновалась, — подсказываю я.

Женька высовывает кончик языка, и карандаш, подпрыгивая, бежит по бумаге.

«...За меня не волнуйтесь. Фашистские пули нам не страшны...»

Он думает, морщит лоб и добавляет:

...«Гену и Женю, его друга, нужно срочно отправить на фронт, к нам на подкрепление...»

Я говорю:

— Теперь нужно «целую и обнимаю».

Женька смеется.

— С фронта? Целую и обнимаю! Идет бой, Гена, какие могут быть поцелуйчики.

А я вспоминаю отца. Он часто целовал меня. Впрочем, Женька, конечно, прав: какие могут быть поцелуйчики.

Глава вторая о том, как мы с Женькой чуть было не стали маршалами

Спите спокойно, добрые жители Январска. Когда-нибудь вы узнаете о людях, прославивших вас, о событиях, которые начались вот здесь, на этих тихих улицах, поросших подорожником и ромашкой. Когда-нибудь вы вспомните добрым словом Женьку Ночкина и Генку Полунина, самых рядовых из рядовых мальчишек, будущих маршалов и героев.

Когда просыпаешься, но еще не проснулся, в голове рождаются самые умные мысли. Если

бы изобрести такую машинку, которая все это записывала бы, уже давно можно было бы прославиться.

Но Женька только посмеивается.

— Ты фантазер. Пока изобретут такую штуку — жизнь пройдет. Нечего выдумывать. Мы должны стать маршалами. Я в этом уверен. Я даже точно могу сказать тебе, когда это случится. Мы идем в армию. Прошло два года. Раз — мы младшие сержанты. Прошло

еще два года. Раз — мы сержанты... Считай все по два года... Через тридцать лет мы — маршалы.

— Здорово. А если убьют?

— Не убьют...

— А если нас не возьмут сейчас?

— Чудак. Какой же им расчет не брать нас? Если мы в день будем хлопать только по одному фашисту, и то за год получится семьсот штук, а за десять лет — целая дивизия... Здорово?

Я не умею спорить с Женькой. Он все знает, все умеет, у него сразу готовы доказательства.

Я не могу не верить ему, и все-таки мне грустно. Женька станет маршалом раньше. Пока я буду изобретать свою глупую машинку для записывания мыслей, он добьется своего. А может быть, и машинку он изобретет раньше меня, потому что он знает секрет. Он сказал:

— Это тоже очень просто. Я уже знаю, как ее сделать, только у меня нет нужных инструментов.

— А какие инструменты нужны, Женька?

— О, это очень редкий инструмент. Он называется дрель. Слышал ты? Его берут вот так, нажимают кнопку и раз... раз...

Где бы достать эту таинственную дрель?

Но Женька держит твердый курс.

— Машинка — ерунда. Хочешь быть маршалом?

— Хочу, — говорю я печально.

— Тогда завтра с утра в военкомат.

Я видел маршалов на портретах — умные, мужественные лица и звезды в петличках.

Но почему-то, когда Женька говорит о маршалах, мне представляются шляпы с перьями, ботфорты и плащи, и шпаги, и гнедые арабские скакуны...

Ночью сон долго не приходил ко мне. Где-то звучал оркестр. Провожали войска. Я думал, как сам буду шагать по улицам, не глядя на плачущих женщин, а потом стану маршалом и въеду в город Январск на гнедом скакуне. И снова будет играть оркестр, и никто уже не будет плакать. Я думал обо всем этом. А за окнами плыла ночь. Играл оркестр. Где-то, наверное, плакали. И я сочинил такие стихи:

С победой пройдут все бои,
И встанут геройские маршалы
Пред светлые очи твои.

Первая строчка не получалась. Но утром я прочел их Женьке. Женька закричал даже:

— Ты великий поэт! — И он громко и нараспев прочел:

И встанут геройские маршалы
Пред светлые очи твои!

— Здорово! Это будет наш гимн. Ты его только подлинней сделай... И потом это... тебе совсем не нужно быть маршалом. Ты будешь великим поэтом, и мы всегда будем дружить с тобой.

Мне стало грустно. Женька сказал:

— Я бы никогда так не смог:

И встанут геройские маршалы
Пред светлые очи твои.

Один раз попробовал, и ничего не вышло. Все умею, а стихи не получаются.

Он подумал и спросил:

— А что это за светлые очи?

— Так всегда говорят в стихах, — сказал я. — Это даже объяснить нельзя... очи и очи.

— Светлые очи, — повторил Женька, — красиво.

В военкомате нас почему-то никто не хотел выслушать. По коридорам сновали люди. Хлопали двери, и крепко пахло махоркой. Во всех комнатах трудно было протолкнуться, и только в последней за столом сидел лейтенант, а больше никого не было.

Мы стояли на пороге. Мы не знали, с чего начинать.

— Ну, что вам, пацаны? — устало спросил лейтенант.

Он отложил книгу, которую читал, и смотрел на нас, нахмурившись.

Я понял, что еще миг — и все провалится. Тогда Женька подошел к столу, сел напротив лейтенанта и сказал так:

— Вы, конечно, понимаете, что пришли мы неспроста...

Лейтенант подобрел.

— Шпиона поймали? — спросил он.

— Нам нужно срочно записаться в Красную Армию, — сказал Женька, — потому что...

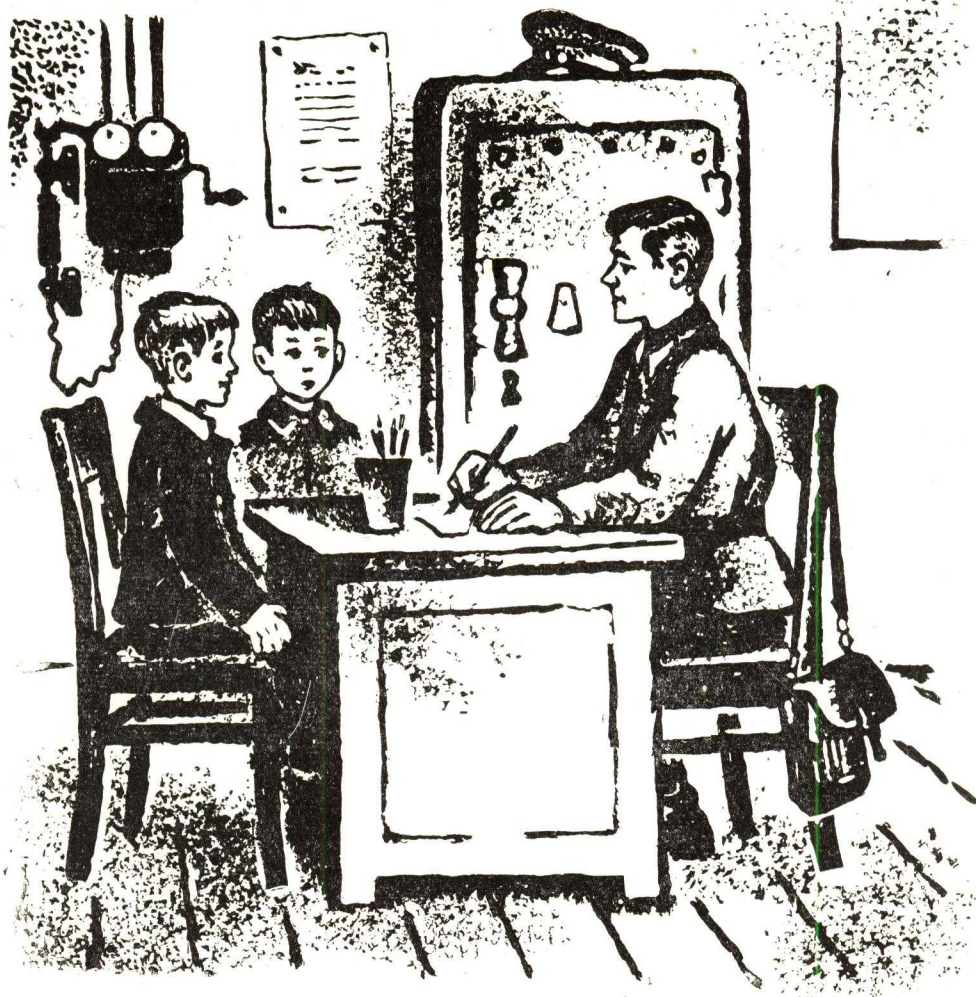
— Все ясно, — сказал лейтенант, и по лицу его я понял, что он говорит серьезно.

— Сейчас посмотрим, куда вас можно определить, — сказал он и углубился в книжку.

— Беда, маршальские должности у нас все заняты... — медленно проговорил он, — генеральские... генералами пойдете?

— Пойдем, — хором ответили мы с Женькой.

— Ах, досада, — сказал лейтенант, полистав книжку, — в генеральских нет. Только вот одно место полковника и одно подполковника осталось...

— Я согласен полковником, — выпалил Женька.

Лицо лейтенанта было серьезным. Значит, не шутит.

— А справитесь, ребята?

— Ну конечно, — заверили мы хором.

Лейтенант взял лист бумаги, спросил у Женьки имя и фамилию и написал так:

«Настоящим удостоверяется, что Евгений Ночкин является полковником Красного героического мальчишечьего воинства и имеет право носить серебряную саблю и бинокль, добытые в жестоком бою с врагами Родины.

Лейтенант Безруков».

То же самое было выдано мне, только я стал подполковником.

Женька сильно покраснел и долго читал удостоверение, шевеля губами. Я тоже читал.

— А наган? — спросил Женька.

— А наган — это само собой разумеется, об

этом писать и не нужно, — пояснил лейтенант. — А теперь начинается главное. Теперь мы вас будем проверять самыми удивительными способами.

И он ушел из комнаты.

Сердце мое билось. Женька ударил меня по плечу.

— Ну, Генка, теперь все ясно. Теперь мы помчимся на фронт и будем отбивать у врага серебряные сабли. Вот увидишь. Или поручат нам взять в плен немецкого генерала, или взорвать штаб...

Лейтенант вернулся. В руке он держал пачку ровных квадратных листков. Он разделил пачку пополам и дал каждому из нас по половине.

— Так вот, товарищи командиры, — сказал он, — первое задание будет таким: эти повестки в максимально сжатые сроки нужно доставить по адресам. Готовы ли вы выполнить это ответственное задание?

— Готовы, — грустно проговорил я.

— Так точно! — крикнул Женька.

На улице Женька сказал мне:

— Ты не горюй, Генка. Так всегда провелят. Будто бы пустячок поручили. Другой подумает: что, мол, с таким пустячком мучиться, да и выполнит как-нибудь. А эти, которые поручили, они смотрят: пустячок плохо выполнил? Плохо. А как же ему серьезное доверить? Вот увидишь, следующее задание будет такое, что держись... Я знаю.

Уже стемнело, когда мы вернулись к моему дому. В комнате горела лампа. Мы подошли к окну. Мама читала письмо и плакала.

— От папы письмо? — крикнул я.

Она вытерла слезы, улыбнулась и кивнула мне.

Мы влетели в комнату.

— Что он пишет? — спросил я.

Мама развернула письмо.

— Пишет, что скачет с Буденным по степям, стреляет, а кругом кровь течет рекой... Я тотчас все понял.

— Молодец твой папа, — сказал Женька, — с самим Буденным рядом скачет.

— Только вот одного не могу понять, — сказала мама, — почему это он меня по имени-отчеству называет и почему так много ошибок в письме сделал?

У меня горели уши, и я смотрел в окно.

А Женька сказал:

— Там такое сражение, что он, наверное, все правила грамматики позабыл.

...Мы сидим во дворе. А в окно видно, как мама плачет. Она нас не видит, а мы ее видим. Вот она платок к глазам подносит.

Женька молчит и сопит.

Зачем мы только это письмо писали!

Глава третья

о том, как трудно все-таки быть самостоятельным

Уже неделю я живу без мамы в доме Женькиного дяди, зубного врача. На воротах его дома одна под другой надписи:

«ОСТОРОЖНО!

В ДОМЕ ЗЛАЯ СОБАКА!!!

ЗУБНОЙ ВРАЧ.

Ю. А. Корольков»

Мы с Женькой спим на раскладушке на веранде. Ложимся «валетом». Как это все получилось?

Вдруг пришло известие, что мой папа тяжело ранен. Он где-то далеко в госпитале. И мама сказала мне:

— Женин дядя знал меня еще девчонкой. Он согласен, чтобы ты пару недель прожил у них. Ты их слушайся, Геночка, слушайся, пожалуйста... ты же видишь, что делается кругом.

И слезы текли по ее лицу.

Конечно, она волновалась за папу.

Женька, когда узнал, что папу ранило, сказал:

— Здорово, наверное, было! Такое, наверное, сражение, что пули, наверное, как дождь сыпались.

Вот мы с мамой попрощались.

Дядя Юра сказал:

— Вы ему скажите, чтобы слушался меня и тетю Аню...

А тетя Аня потрогала свою черную бородку на щеке, похожую на жука, и сказала:

— И чтобы яблоки без спроса не рвал в саду...

И вот мне так не захотелось оставаться! Но я ничего маме не сказал.

А Женька стоял все время рядом.

— Ничего, — сказал он, — со мной Генка не пропадет.

И мама уехала.

Дядя Юра с утра надевает серый пиджак с латками и идет на рынок с корзиной всяких вещей. А потом принимает больных, и они кричат у него в кабинете и ахают.

Во дворе гуляет коза Машка, куры, гуси, в сарае два борова топчутся. И тетя Аня целый день варит им всякую бурду.

А мы с Женькой разносим повестки, и лейтенант Безруков сказал, что еще чуть-чуть, и все решится.

По вечерам мы пьем чай и едим хлеб с патокой. Это мировая вещь — патока. Побольше бы ее было. Когда кончится война, буду есть только патоку, только с белыми булками, да еще в чай буду класть пять... и шесть кусков сахара. Когда мы пьем чай, дядя Юра читает газету и говорит:

— Ну-ка, ну-ка, поглядим, как тут воюки наши отличаются? Ай-яй-яй... опять город оставили...

И потом спрашивает у меня:

— Что же это твой отец плохо воюет?

Я молчу.

А Женька говорит за меня:

— Его отец тяжело ранен.

А мне уже совсем не хочется есть патоку. Но я молчу.

Вечером мы лежим с Женькой и думаем каждый о своем. Вот звезда упала. За стеной пробили часы. В саду деревья шуршат листьями. Женька сопит носом.

«Мама, мамочка... вот лежу я один, твой сын, и думаю о тебе. Вот неделя прошла, и мне без тебя очень трудно. Я не люблю этот дом. Здесь смеются над папой».

Падают звезды. И у меня получают такие стихи:

Звезды сыплются нам в лица,
Мы лежим, и мы молчим.
Почему же нам не спится?..

А четвертая строчка не вышла. Почему? Женьке понравились стихи. И он даже продолжение придумал.

— Потому что нас не берут в Красную Армию.

— Это нескладно, — сказал я.

— Зато правильно, — ответил Женька, — завтра пойдем к лейтенанту, и никаких.

— Женька, а если нас обманули? Если нас никуда не возьмут?

— Возьмут.

— А если?

— Тогда мы сами уйдем. Сядем в поезд. Доедем до Москвы. Из Москвы на каком-нибудь грузовике — и прямо на фронт. Заедем по пути к твоему отцу. Уж я не растеряюсь.

Падают звезды. Как много звезд! Интересно, куда они падают? Почему ни одна во двор не упадет? Вот бы придумать такую машину, чтобы звезды притягивала. Повесил звезду под потолком, и она горит, и светло, и за керосином в очереди не стоять.

Как это Женька сказал? «Тогда сами уедем»? Едем, едем — и вот я и маму и папу увижу? Прощай, Январск, прощайте пыльные улицы, прощай, лейтенант Безруков.

А Женька говорит:

— Вот бы распрощаться с дядькой моим и перед отъездом в буфет, в банку с патокой, мину положить. Как ударила бы — все вдребезги.

— Хорошо бы, — говорю я, — давай так и сделаем.

— Завтра же, — говорит Женька, — начнем мину делать. Я знаю, как это нужно. Пара пустяков.

С утра мы делаем мину. Женька командует. Мне не обидно. Я все равно не умею командовать. Я смешиваю уголь с песком, а Женька набивает этой смесью старую консервную банку. Потом мы прикрепляем к банке два ржавых провода.

— Теперь, — говорит Женька, — остается раздобыть капсюль.

Я поднимаю мину.

— Осторожно! — кричит Женька и отскакивает в сторону. — Если провода соединятся — нам крышка!

— Без капсюля?

— А вот и без капсюля... Эта штука капризная.

Мы прячем мину за кусты. Мы идем в военкомат.

На углу стоят соседки. Я слышу, как одна говорит:

— Вот ведь живут ребята, как у Христа за пазухой. Этот вон вишь какой всегда гладкий, с воротничком всегда...

Мы проходим мимо.

— Тебя бы в эту пазуху, — шипит Женька.

Мне очень хочется есть. Я говорю:

— Однажды мама зажарила гуся. Я отрезал вот такой ломоть без единой косточки. Мягкий-мягкий, и жир так и капал...

Женька вдруг рассердился.

— Ты перестань о шамовке говорить. Тут и без твоих воспоминаний тошно.

В комнате лейтенанта Безрукова нету. Вместо него сидит капитан с усиками.

— Где лейтенант Безруков? — спрашивает Женька.

— Он на фронте, — отвечает капитан, а потом поднимает голову и видит нас. — Вы кто такие?

У меня сосет под ложечкой. Все рушится.

— Мы разносим повестки, — говорит Женька.

— Ну и что же?

— Лейтенант Безруков обещал отправить нас на фронт.

— Ах, обещал... — говорит капитан и таращит глаза, — а если я вас домой отправлю и там вас выпорют?

Женька подходит к столу и говорит:

— Во-первых, вы не имеете права так с нами разговаривать, а во-вторых...

— А во-вторых, — произносит капитан, — убирайтесь отсюда, и чтобы я вас больше не видел.

Мы выходим оплеванные и униженные.

Мне хочется плакать. Я вообще никак не могу отвыкнуть от этой глупой привычки. Чуть что — и в слезы.

Женька говорит:

— Ладно, запомним. Идем, Генка. Теперь у нас одна дорога. Неделю на подготовку и все. Ты напиши про это стихи, напиши. Мы их пошлем в газету, и все узнают, как нам было трудно. Идем.

И встанут геройские маршалы
Пред светлые очи твои...

Мы приедем в Январск. Все кругом бегают. Дядя Юра банку с патокой несет, тетя Аня говорит: «Ешьте хлеба вволю, пожалуйста. Извините меня, дуру, что я вас тогда за пустяки ругала...» А мы пройдем мимо. Ну-ка, где тут капитан с усиками? Капитан прибежит. «Это ты?» — «Так точно, товарищи маршалы!» — «А помнишь?...» — «Помню, помню, товарищи маршалы». — «Разжаловать и на кухню картошку чистить!» Уж тогда он пожалеет.

В Январске появились эвакуированные. Это очень трудное слово. Сразу не выговоришь. Сначала я думал о них разное, а потом оказалось, что это беженцы.

— Счастливы, — говорил Женька, — види, как бомбы взрываются.

Они селились кто где, а некоторые не находили себе жилья. И женщины целыми днями бродили по улицам, а за ними волочились дети.

Я видел, как они, усевшись где-нибудь на лавочке или прямо на траве, ели хлеб с луком, или сухари, или еще что-нибудь.

Дядя Юра сказал вечером:

— Понаехали тут...

А тетя Аня шипнула свою бородавку и сказала:

— Теперь и на улицу не выйдешь — все чужие кругом.

— Какие же они чужие? — удивился Женька, — они наши...

Но дядя Юра рассердился. И все замолчали.

Патока залепила мне нёбо. Есть не хотелось.

— Генка, — сказал мне Женька на веранде, — Генка, сил больше нет терпеть. Или мы выполняем свой план или... или разорвем наши удостоверения и найдемся к моему дядьке сторожевыми собаками.

— Лучше на фронт, — сказал я.

Мы решили взять с собой противогазные сумки и уложить в них еду. В кладовке висели два противогаза дяди Юры и тети Ани.

— За неделю вполне соберемся, — сказал Женька.

Когда дяди Юры не было дома, а тетя Аня причитала над свиньями, мы тщательно исследовали кладовку. Мы набрали жареной кукурузной круды, сухарей, взяли большой кусок соленого сала, который был приготовлен для базара; мы уложили все это в сумки от противогазов, а сами противогазы запрятали за мешок с кукурузой.

Мы спрятали припасы в кустах, рядом с миной.

— Не забыть бы компас, — сказал Женька, — а то на фронте вдруг в разведку идти, а куда идти — неизвестно.

Мы взяли компас со стола дяди Юры. Стрелки в нем не было, но ведь ее всегда можно сделать.

Закончили приготовления, вышли на улицу, уселись на бревно напротив ворот, стали совещаться.

По улице шла женщина с черной кошелкой в руке, а за ней плелись маленькие мальчик и девочка.

Женщина очень напоминала мою маму. Вот почему я ее заметил.

— Эвакуированные, — сказал Женька.

Женщина остановилась возле наших ворот и долго читала про собаку. Потом заглянула в щелку. Потом снова прочла.

— Вы к нам? — спросил Женька. И беженцы разом оглянулись на него.

— Ты здесь живешь, мальчик? — спросила женщина. — А комната у вас не сдаётся?

У нее было очень измученное лицо. Она говорила тихо и просительно, а ее маленький сын смотрел то на мать, то на Женьку, приоткрыв рот.

— Это не мой дом, это моего дядьки дом, — сказал Женька, нахмурившись, — комната свободных у него сколько угодно, но только он не любит эвакуированных, и, вообще, таких, как он, взрывать надо.

— Что ты, что ты, мальчик... — удивилась женщина, — я думаю, что нас он пустит, — она беспомощно развела руками, — как же иначе... куда же я с детишками денусь? Ведь правда? Их папа на фронте воюет... Я сейчас сама поговорю с твоим дядей, ты только поддержи собак, хорошо?

— Собак никаких нету, — сказал я.

— Смело идите вперед, — сказал Женька.

Но тут отворилась калитка, и вышла тетя Аня.

— Пожалуйста, пожалуйста, — сказала она, — доктор принимает. Заходите, пожалуйста.

— Мы не к доктору, — тихо проговорила женщина, — мы ищем комнату... я с детьми... нам очень мало места нужно, мы все трое можем на одном тюфяке уместиться... Видите? Они такие малыши...

Тетя Аня очень удивилась, ее бородавка взмахнула волосиками, как крылышками.

— Извините, — проговорила она, — но у нас у самих дети, и мы сами в тесноте мукаемся. Извините.

Калитка захлопнулась.

Женщина пожала плечами, потом вдруг подняла голову и долго вглядывалась в номер нашего дома.

Девочка заплакала.

Женька похлопал мальчика по плечу и сказал:

— Ничего, не расстраивайся. Скоро мы взорвем их.

— Бомбой? — спросил мальчик.

— Миной, — сказал я.

Они пошли по улице, а Женька сказал:

— Все, Генка, терпенье мое лопнуло.

Вечером, когда мы доедали патоку, а дядя Юра подсчитывал, сколько наши сдали городов, кто-то принес письмо.

— Ну, вот, — проговорил он, глядя на Женьку, — твоя мать и забирать тебя не хочет. Пишет, что в Москве очень трудно... А мне что же, легко?

Я увидел, как покраснел Женька. Это он разозлился.

— А твоя мать и писать не думает, — сказал дядя Юра мне, — подкинула сыночка и айда...

Я тоже, наверное, покраснел, потому что лицу стало горячо. И мне представились два провода от мины, и как я их свожу...

— Ничего она не подкидывала, — сказал я.

— Нет, подкинула, — сказал дядя Юра.

Мина грохнула, и все полетело кувырком, и запахло порохом, и от дяди Юры остались рожки да ножки.

— Нет, не подкинула! — крикнул я.

— Нечего с ними церемониться... — откуда-то издали пискнула тетя Аня.

За дверью что-то хлопнуло. И стало тихо.

— Кто там? — спросил дядя Юра.

Мы увидели, как в комнату вошел капитан из военкомата, тот самый, с усиками, а за ним знакомая нам женщина с двумя детьми.

— Вы доктор Корольков? — сердито спросил капитан.

Дядя Юра встал и улыбнулся.

— Это жена и дети командира Красной Армии, — сказал капитан, — предоставьте им комнату с отдельным входом и чтобы никаких попреков и придираков! — И он погрозил пальцем.

— Пожалуйста, — сказал дядя Юра, — разве я возражаю? Мы должны помогать друг другу.

— Мы вас не будем беспокоить, — устало проговорила женщина, — дети очень тихие.

— Нечего извиняться, — очень сердито сказал капитан женщине, — это мы вас вселяем, мы... — и он повернулся опять к дяде Юре, — и чтобы никаких... понятно?

— Все понятно, — пропел дядя Юра, — пожалуйста, мы будем очень рады.

Женька толкнул меня в бок. А мне так захотелось обнять капитана, так захотелось... Но я сдержался.

Позже с веранды мы заглянули в окно. На подоконнике горела коптилка. Стоял котелок. Женщина доставала оттуда картофелины, разламывала их и давала малышам и

сама ела. Женька куда-то вдруг исчез. А потом я увидел, как он появился в комнате и протянул женщине кружку с патокой. Она удивилась сначала и стала отказываться. Но Женька бил себя в грудь и что-то шепотом говорил. Тогда она потрепала его по щеке, взяла кружку и сразу же маленькой ложкой стала давать патоку малышам, и они широко раскрывали рты, как скворчата, и жмурились.

Когда мы легли, я спросил Женьку:

— А что если мина взорвется и они погибнут? Как же так, Женька?

Но он успокоил меня:

— Я все обдумал. Их даже осколочком не заденет.

Утром на двери кладовки висел большой замок.

Женька сказал:

— Больше ждать нельзя, Генка. Сегодня ночью мы отправимся. Ты не боишься?

— Нет, — сказал я.

Кроме цепей, терять нам нечего.

День тянулся страшно долго.

Глава четвертая

о том, как началось наше путешествие и как оно протекало

Наконец все заснули. Тихо-тихо. Только где-то кричит паровоз. Вот только сейчас, когда нужно идти, мне стало страшно. Все спят. Куда мы пойдем?

— Женька, давай сегодня поспим, а завтра еще раз все обдумаем, а уж потом, на другую ночь...

Женька встает и на меня не смотрит. Он сопит. Он надевает ботинки...

— Если трусишь, — говорит он, — я один пойду.

Я встаю и надеваю ботинки.

Мы осторожно выходим во двор. У забора за кустами наши богатства. На листьях роса.

— Хорошо, что успели пиджаки взять, — говорит Женька.

Пиджаки лежат здесь же. Мы надеваем их, надеваем сумки.

Луна смотрит на нас. Поблескивает консервная банка — наша мина. Капсюля нет, кладовка на замке.

Женька бьет ногой по банке.

— Осторожно, — говорю я, — взорвется.

Женька снова бьет ногой по банке.

— Ты фантазер, — говорит он, — разве может песок взорваться?

Мы идем по улице, по спящей, по росистой. Луна крадется за нами. Ночью все мо-

жет случиться. Вдруг поймает нас патруль. Вдруг вернут нас к дяде Юре. Мы идем быстро. Как только можно. Женька впереди, я за ним. И у меня получаются такие стихи:

Прощай, Январск! Прощай, Январск!

Пробил последний час.

Пушай веселый паровоз

Умчит в сраженья нас.

Я читаю их Женьке. Стихи ему нравятся.

Где-то у самого уха кричит паровоз. И перед нами вырастает вокзал.

— Как же мы без билетов поедем? — спрашиваю я.

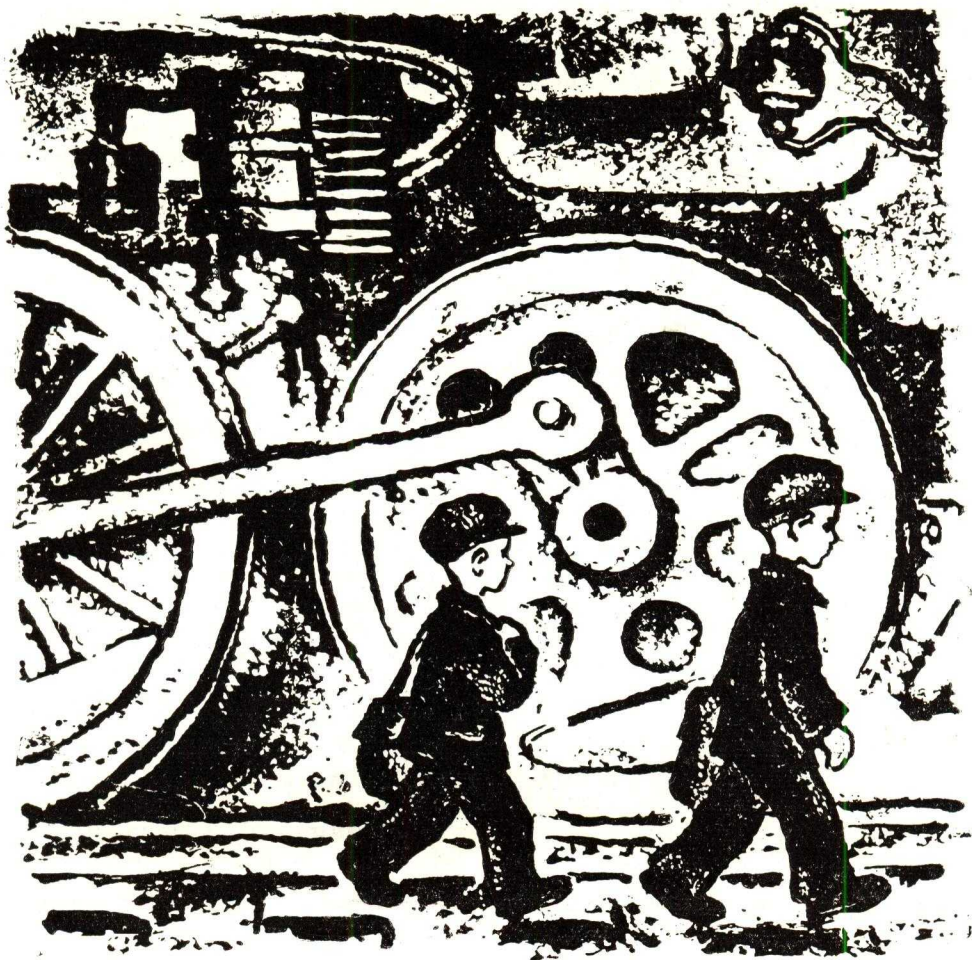
Но Женька все знает. Он говорит:

— Какие же билеты во время войны? Когда война, ездят только военные или невоенные по военным делам.

— А мы?

— А мы едем на фронт. Сейчас вот идем, сядем в вагон. Выспимся. Утром проводник крикнет: «Граждане, Москва!» Мы идем по Москве. Я там всех ребят знаю. Котья облизнется от зависти.

На вокзале свет тусклый, желтый. Встать некуда. Лежат люди. Плачет девочка на руках у матери. Кто-то ругается. А мы лезем

через мешки, через чемоданы. Нас толкают. А мы лезем, лезем.

— Идем на перрон, — тянет меня Женька, — скорей, а то поезд уйдет.

На перроне народу еще больше. Но никто не лежит, все бегают, кричат, толкают друг друга.

«Курский подали!» — и толпа бежит в темноту за перрон.

«А где тут на Ряжск?» — спрашивает кто-то, и кто-то другой кричит: «Да что я вам, справочная?»

И снова крик: «Эй, куда бежите-то? Вон где на Курск сажают!»

И опять бежит толпа, только в другую сторону. Сыплются крышки от чайников, разбиваются бутылки, плачут дети.

— Хорошо, что мы не дети, — говорит Женька. — Ты, Генка, постой здесь. Сейчас я все узнаю.

Потом он возвращается и говорит:

— Вот что я узнал. Нам нужно ехать до

Курска, а потом пересадка. Сейчас будут сажать.

И опять мимо нас проносится в темноте толпа.

— Бежим! — кричит Женька.

И мы бежим. Мне жарко в пиджаке. Сумка бьет по боку. Потом все останавливаются. Все стоят и сопят. Кто-то говорит:

— Ну чего вы, как бешеные. Вон же состав подают.

Ближе, ближе белый глаз паровоза. Тук-тук... колеса.

— Всё, — смеется Женька, — сейчас поедем. А ты говоришь, — билеты.

Мы лезем в вагон. Три ступеньки, а как долго. Каждому хочется первым. Какая-то тетка поставила корзинку свою на ступеньку, а я вот-вот свалюсь.

— Тетя, — говорю я, — вы своей корзинкой меня сейчас столкнете...

Но она и не думает убирать корзинку, она кричит:

— А что мне, по-твоему, корзину свою выбросить?!

Кто-то толкает меня сзади, и я через эту корзинку влетаю в вагон. Там темно.

— Женька! — кричу я. Но разве что-нибудь услышишь в такой толкотне?

— Проводник, давай огня! — требует кто-то.

— Женька!

Я пробираюсь по проходу, спотыкаюсь о чемоданы и мешки, меня толкают ногами, сумками, локтями.

— Женька!

Вспыхивает желтый фонарик спички. Я вижу пустую полку. Ну что ж, из вагона не выберешься. Спичка гаснет, а я уже лезу на полку.

— Женька! Женечка!

Кто-то хватается за ногу.

— Это ты, Егор?

— Это я, — говорю я.

— Кто я? — кричит человек.

— Генка, — отвечаю я.

— Какой там, к чертям, Генка, давай слазь! Занято место.

Я лезу куда-то вниз, на чью-то корзину.

— Да что же вы с мальчиком-то делаете? — говорит женский голос. Это, наверное, меня защищают. Мамочка, вот хоть один человек нашелся, который за меня заступился. Мамочка, вот я совсем один...

— Ты не плачь, мальчик, где мама твоя?

Но я не могу ответить. У меня в горле застряло что-то.

И вдруг цепкая рука хватается за воротник и толкает в проход. Женщина сердится.

— Да что ж вы мальчонку-то затискали совсем!

И вдруг поезд трогается. И вдруг зажигается желтый-желтый свет. А кругом столько людей, столько людей, что пробраться некуда.

И вдруг я вижу — по проходу лезет Женька, лезет по чужим чемоданам, по чужим мешкам.

— Женька!

— Генка!

Он лезет ко мне, а я — к нему. А голова его под желтым светом такая рыжая, прямо золотая.

Прощай, Январск! Прощай, Январск!

Пробил последний час.

Пусть веселый паровоз

Умчит в сраженья нас...

Все устраиваются спать. Кто где. Женщины говорят нам:

— Вы, ребята, вот здесь в проходе на мешке приспосабливайтесь. Это мягкий мешок.

Мы пробовали лечь, но лечь никак нельзя.

— Нужно отвыкать от удобств, — говорит Женька, — и сидя поспим, ничего не случится...

Вагон скрипит. Желтый свет подмигивает. С верхней полки свешивается бородатая голова.

— Это которого же Генку я с полки спихнул? — спрашивает голова.

Женщина показывает на меня.

— Не ушибся? — гудит борода.

Я молчу. Женька зевает и говорит вверх:

— Ладно, утром поговорим.

Вдруг в вагоне стало светло-светло, просторно-просторно, а по проходу идет Женька. На нем маршальская форма и усы, как у Буденного, только штаны короткие.

— Смотри, — показывает он в окно.

Окно большое-большое. Там луга, поля, и леса, и холмы. И там по этим холмам и лесам идет женщина и на ней зеленый плащ — длинный-длинный. И она смотрит на нас большими грустными глазами и что-то говорит, губами тихонько шевелит и кивает нам, кивает... И голова ее где-то над облаками, а глаза прямо совсем рядом — большие и грустные.

И мы с Женькой бежим прямо к ней. Не бежим, а летим быстро-быстро.

И вдруг ничего нет. И ее нет. И только мы с Женькой летим неведомо куда. И выходит из ворот дядя Юра и спрашивает:

— А билеты у вас где? А пропуск?

И он толкает меня в плечо. Я открываю глаза. Какие-то люди стоят над нами. Большой фонарь качается передо мной.

— Билеты, пропуска! — гудят люди. — Поживее.

— Женька, Женька, билеты спрашивают. Он никак не хочет открывать глаза.

Потом он все-таки просыпается.

— Вы с кем, ребята, едете? — спрашивает военный.

— С папой, — говорит Женька, — он там — впереди...

Впереди? — хмурится военный, — там вагонов нету, там паровоз.

— Он как раз на паровозе, — говорит Женька.

— Это, наверное, Игната Михайловича племянник. Он говорил нам, — произносит другой военный, — ты племян, что ли, Игната Михайловича?

— Конечно, племян, — говорит Женька.

— А это кто же?

— Я тоже племян, — говорю я.

— Так ведь у него один племянник-то.

— Нет, два, — спорит Женька.

Поезд вдруг останавливается. За окнами ночь. За окнами крики и суета.

— Вот что, ребятки, — говорит военный, — давайте начистоту. Машинист вам не дядя? Правда?

— Правда... — вздыхает Женька.

— А вы ведь сами едете, одни?

— Одни...

— Вам ведь на фронт нужно?

— Конечно, — говорит Женька.

— Петров, — приказывает военный, — до-
ставка ребят в комендатуру. Пусть там раз-
берутся.

И он уходит. А красноармеец Петров ве-
дет нас к выходу.

— Женька, — шепчу я, — что же теперь бу-
дет?

— Нужно бежать, — говорит он, — не от-
ставай от меня.

На лестнице висят люди с корзинами, меш-
ками. Их не пускают. Мы еле протискиваемся
на платформу. Слышен резкий свисток. Бегут
люди. У здания вокзала толпа. Шум.

— Стоять здесь, — говорит Петров, — что-
бы никуда. Все равно найду — хуже будет.

И он бежит в толпу.

— За мной! — командует Женька. И мы
бежим в другую сторону. Останавливаемся за
вокзалом в каком-то сквере. Садимся на ска-
меечку. Скоро рассвет. Мы сидим и молчим.
Что это за город такой? Далеко ли до
Москвы?

Глава пятая

о том, как продолжалось наше путешествие и чем оно закончилось

Мы бродили с Женькой по железнодорож-
ным путям, мимо всяких стрелок и семафоров,
вагонов и паровозов и, наконец, дождались
следующего поезда.

Мы уже научились пролезать в вагоны.
Устроились в тамбуре и поехали.

Женька оставил меня с сумками, а сам
полез по вагону. Он очень любопытный. По-
том он вернулся.

— Я, — говорит, — весь вагон облазил.
Люди друг на друге сидят. И все беженцы.
Никто не хочет у фашистов оставаться.

— Правильно, — говорю я, — только по-
чему они, Женька, в нашу сторону бегут? Им
бы надо обратно, а они к фронту...

— Я тоже об этом думал, — отвечает
Женька, — наверное, так перепугались, что
все стороны перепутали... Одна старушка го-
ворит: «Вот приеду в Январск — отдышусь не-
много. Уж туда-то войне не добраться...» Она,
наверное, сумасшедшая. Сейчас много сума-
сшедших.

Женька сидит и свистит. Смотрит в окно и
свистит. У него это здорово выходит. Как лес-
ная птица.

В тамбур пролезает какой-то дяденька. Он
смотрит на Женьку и шевелит усами.

Я говорю:

— Он все, что хотите, может просвистеть.

Но дяденька не смотрит на меня. Он го-
ворит Женьке:

— Заткни-ка свой свисток.

Стучат колеса. Мелькают столбы.

— Скоро Москва, — говорит Женька.

Мамочка, а помнишь, как хорошо бывало
по утрам, совсем-совсем недавно. Ты встава-
ла, а я забирался в теплую твою постель и
притворялся, что сплю. А ты меня будила,
шекотала и смеялась, и тут уж никак нельзя
было сдержаться. И в комнате было почему-
то всегда солнечно-солнечно. А свежего хлеба
было столько, что ешь, ешь и все равно не
съешь, и масла было много, и сахару. А я, та-
кой глупый, капризничал, обижался, что ты
меня есть заставляешь.

— Женька, — говорю я, — ты съел бы сей-
час французскую булку, и даже без масла?

Но Женьки нет. Он опять лазит по вагону.
Конечно, он съел бы, даже спрашивать не-
чего.

Стучат колеса. Мелькают столбы. Но их
различить уже не просто. Наступает вечер.

Вдруг вагон сильно дергает. Мы валимся
на пол.

— Бомба! — кричит Женька.

Плачут дети. Над вагоном что-то скрипит.
Поезд останавливается в степи.

— Бомба, — говорит Женька, — честное
слово, бомбу бросили. С самолета, наверное.
Пошли смотреть.

Он открывает дверь, перелезает через спя-
щих людей и спускается по лесенке. Я ползу
за ним. А вдруг и вправду бомба? От нее ведь
не спрячешься. Ходят какие-то люди, говорят
вполголоса. Ничего понять нельзя. Идет мел-
кий дождь. Впереди виднеется большое за-
рево. Оно колеблется. То расползается, то ис-
чезает. Оно то яркое-яркое, то розовое-
розовое.

Кто-то говорит:

— Это Январск бомбили. Уже и сюда добрались, сволочи.

А я думаю: «Как же это Январск? Ехали-ехали и все еще Январск? Может быть, это Москва?»

И вдруг мы слышим со стороны зарева глухо: «бум, бум, бум...»

— Это Москва? — спрашиваю я.

— Это Январск, — отвечает Женька. — Старушка-то совсем не сумасшедшая была. Ехали мы с тобой в обратную сторону. Опять к дяде Юре приехали.

Идет дождь. И снова слышно: «бум, бум, бум...»

Женька шепчет мне:

— Генка, а что если это наша мина грохнула?

— Она же не настоящая, — тоже шепотом отвечаю я.

— Мало ли что не настоящая, а вот как рванула, и все на кусочки...

Вдруг кто-то противным голосом закричал:

— Ой, ой, ой... разбегайтесь все... сюда летят!..

И сразу все побежали, заголосили.

— Ложись!

Все бросились кто куда. Мы с Женькой тоже упали в траву. Вдруг стало тихо-тихо. И тогда мы услышали прямо над головой: «Уууу... уууу... уууу...»

— Вот они, — сказал Женька.

Кто-то ткнул его в бок:

— Тише ты, черт...

Невидимые самолеты погудели над нами и затихли.

— Пожалели, — всхлипнул женский голос, а какой-то хриплый мужской ответил:

— Бомбы кончились, а то бы они тебя пожалели.

Медленно-медленно приполз наш поезд в Январск. Вот какие мы путешественники — заблудились. Кто-нибудь узнает, смеяться будет.

На перроне вокзала полным-полно красноармейцев, и все с винтовками, с сумками, со скатками. К нашему поезду сразу подбежали какие-то военные люди.

— Товарищи, город на осадном положении. Предлагаем всем эвакуироваться дальше!

Тут поднялся страшный шум. Все кричали что-то, а что — не поймешь. Мы с Женькой соскочили и побежали в город. Нас никто не заметил.

Мы остановились у самого дома дяди Юры. Отдыхались.

— Войдем? — спросил я.

Женька закрутил головой.

— Нельзя. Посидим-ка, посмотрим.

На другой стороне улицы — кусты, лавочка. Вот мы садимся на эту лавочку и смотрим. На улице ни души. Тихо. Жарко. Где-то далеко все время: «бум, бум, бум». Вот открываются наши ворота и выходит дядя Юра. Он в том же сером, потрепанном пиджаке и в старых рыжих брюках. Он оглядывается по сторонам и медленно идет вдоль забора и скрывается. Проходит, наверное, час, а может быть, и больше. Снова скрипят ворота, и мы видим тех самых беженцев, женщину с детьми, которых поселили в нашем доме. Женщина несет вещи, а дети бегут за ней следом.

— Снова эвакуируются, — шепчет Женька. А у меня получаются такие стихи:

Уходят они без оглядки,

Спешат неизвестно куда...

Их путь ожидает негладкий...

Одна строчка опять не получилась.

Женька сказал:

— Но они все перенесут, а Красная Армия скоро разобьет врагов и поможет всем женщинам и детям.

Я засмеялся.

— Это же не стихи.

— Ну и пусть не стихи, зато правда. Ты думаешь, что твоими стихами можно врага разбить?

— Я не думаю, — сказал я, но мне стало грустно. Женьке очень нравились раньше мои стихи, а теперь почему-то нет.

— Ты видел, как самый маленький за матерью бежал? — спрашивает Женька. — И куда они пойдут?

— Наверное, сядут в поезд и подальше уедут.

— В поезд... — ворчит Женька, — а если поезда больше нет? А если вот-вот танки в город ворвутся? Тогда?

— Не знаю, — говорю я.

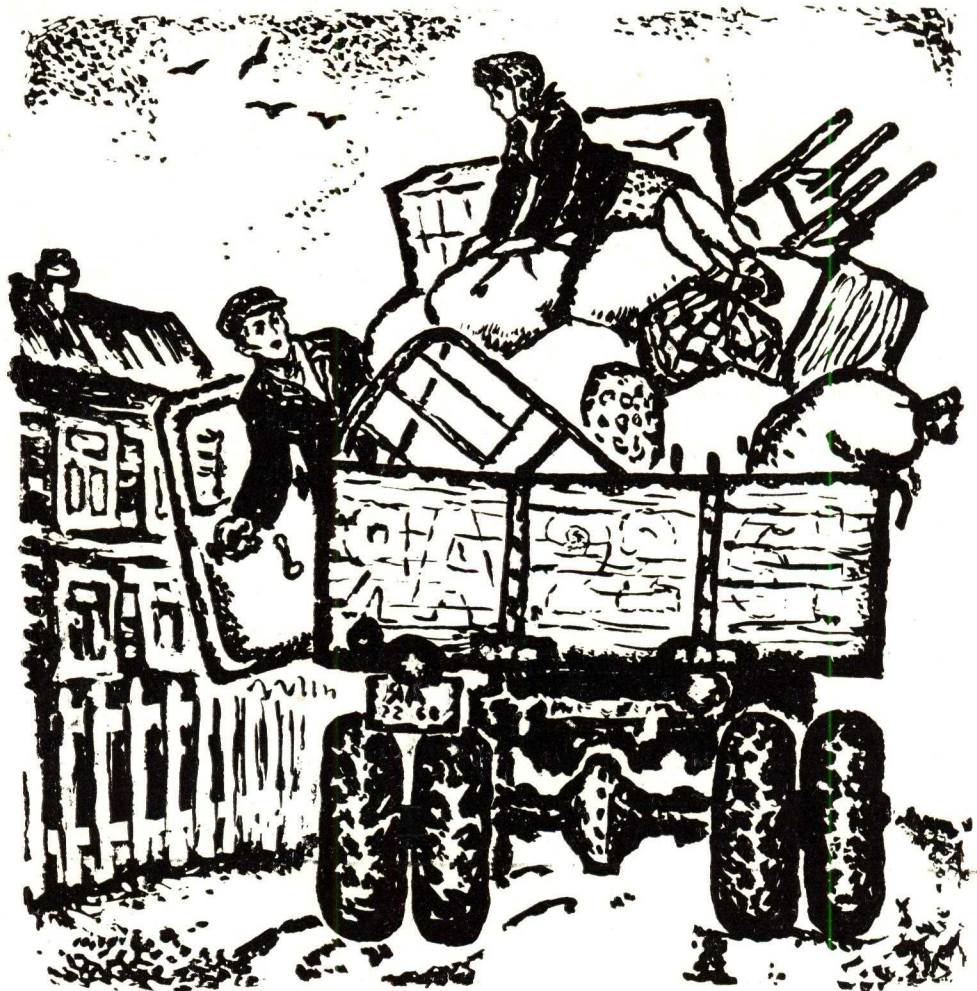
— А я знаю, — говорит Женька, — им прямая дорога в партизанский отряд. Женщина будет стряпать, а дети — в разведку.

Я не поверил. Женька обиделся.

— Как же они такие маленькие в разведку будут ходить?

— А вот и будут, — сказал он, — вот и хорошо, что маленькие...

Мы молчим. Долго молчим. Мы видим, как возвращается дядя Юра и исчезает в воротах. Потом мимо нас тархтит грузовик, до краев нагруженный всякой мебелью и узлами, а на самом верху сидит девушка с перепуганным лицом.

Вдруг грузовик останавливается. Шофер вылезает и начинает быстро-быстро бегать вокруг машины, то в мотор лезет, то к колесу бросается.

Мы слышим уже совсем близко: «бум, бум бум...» Девушка волнуется и спускается вниз и ходит вслеп за шофером. Да разве этим можешь...

Проходит какая-то женщина, останавливается, говорит:

— Много добра везешь.

— Да разве это мое, — оборачивается девушка, — это же детского дома, а тут вот с мотором ерунда.

— А ты плюнь да беги, — говорит женщина, — сейчас страна гибнет, а ты столы спасаешь.

У девушки такое печальное лицо.

— Куда же я побегу? — спрашивает она.

И вдруг снова «бумм!» Да так сильно, что я пригнулся.

— Вываливай, слышишь! — закричал шофер и снова полез в мотор. Но мотор молчал. Шофер увидел нас.

— Ребятки, — сказал он, — подтолкнем машину, а?

— Давай, — сказал Женька.

Мы толкали, толкали, и все впустую. И мы отошли. А шофер заругался и полез в кузов и стал сбрасывать мебель.

Я никогда раньше не думал, что столы могут взрываться, а вот ведь взрываются. Такой небольшой обыкновенный стол, и едва он коснулся земли, как что-то треснуло, охнуло, и меня толкнуло в плечо, и я ничего больше не видел, а когда открыл глаза — понял, что лежу возле кустов. Колыхался черный дым. Возле машины лежал шофер. Неподвижно.

— Генка, — услышал я, — ты живой?

Ко мне полз Женька. Я показал на шофера. У Женьки скривилось лицо.

— Давай куда-нибудь залезем, — сказал он.

— Боишься?

Он рассердился:

— Чего мне бояться!.. Не хочу глупо умирать...

А шофер лежит. Вот только что ругался, ходил. Нам сказал «ребятки...» А сейчас лежит. Под ним на траве — пятно.

— Давай за кусты лезь, — говорит Женька. А лицо у него бледное-бледное.

— Женья!...

— Лезь!..

А шофер лежит.

Дым рассеялся. Вместо нашего забора мелкие кусочки валяются. И там стоит дядя Юра.

— Идите в погреб, — печально проговорил он и даже не спросил, где это мы пропадали.

Глава шестая

о том, как мы с Женькой все-таки на фронт попали

Добрые жители Январска! Вас мало осталось в городе. Большинство кочует где-то по дорогам, просится где-нибудь на ночлег, ждет кого-то, кого-то оплакивает.

Вас мало в городе, и мы с Женькой не знаем, какие вы.

Все перепуталось, перемешалось. Вот мы хотели на фронт, а он сам к нам пришел. И очень скоро. Может быть, это потому, что без нас никак нельзя, а может быть, мы просто не научились от него спасаться.

В погребе я придумал такие стихи:

Фронт приходит к нам,
догоняет нас война

.....

Ждет геройских дел страна,
А в погребе течет вода,
И мы уйдем, уйдем,
И не вернемся мы сюда
Ни ночью и ни днем.

— В погребе сухо, — сказал Женька. — И все ты выдумывашь.

А я промолчал. Я ему эти стихи и не показывал. Это он просто через мое плечо заглянул. Вошел дядя Юра, сказал:

— Никуда не выходить. — И ушел.

А мы с Женькой переглянулись, погасили копилку и полезли в дверь. На дворе никого не было.

— Лезем на чердак, — предложил Женька.

На чердаке душно. Пахнет пылью. Чердак большой и темный. Там всякие закоулки, столбы, балки и трудно сразу привыкнуть. Но мы торопимся к слуховому окну. Под нами — двор и разбитый забор. На улице тот же грузовик. И тот же шофер лежит возле. Неподвижно. И дядя Юра торопится к дому, увешанный узлами и стульями.

— Грабит, — шепчет Женька, — это называется мародерство.

А за дядей Юрой торопится с узлами Федор Тышкин. Фельдшер. Дурак ужасный.

В городе тихо-тихо. Никто не стреляет, не кричит. Только очень противно пахнет гарью. А шофер лежит.

А мы с Женькой смотрим из слухового окна на желтые листья. Они кувыркаются на ветру, как акробаты в цирке. И все через голову, через голову.

Летят себе листья, как в Москве осенью. Тишина, и небо голубое. И как будто никакой войны и нету. Но шофер лежит.

Женька сопит и роется в карманах.

— Хочешь, Женья, про Москву поговорим?

Но он не слышит. Он роется в карманах. Потом достает бумажки — смятые, жалкие.

— Вот, — говорит он, — это наши удостоверения. А ты, товарищ подполковник, сидишь на чердаке и ни о чем не думаешь...

И он качает головой. Совсем как взрослый.

— А была бы граната хоть какая-нибудь, — говорит Женька, — мы бы с тобой, Гена, эту злую собаку Ю. А. Королькова грохнули бы за мародерство, а?

Я молчу.

— Давай думать, — бубнит Женька, — давай думать. А то скоро война кончится, а мы с тобой так и просидим на чердаке.

Мы садимся спинами друг к другу. Ветер гонит сухие листья. И вдруг мы слышим грустный, одинокий крик паровоза.

Паровозы очень жалобно кричат,

Убежать отсюда все они хотят,

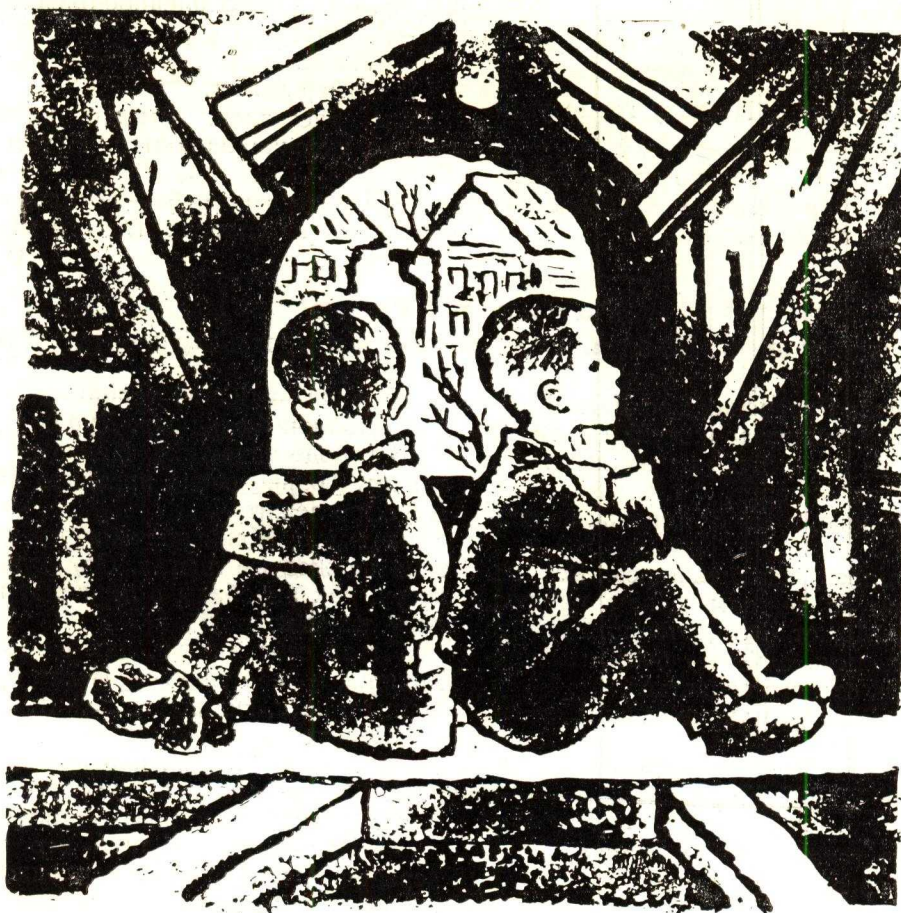
Нам бы тоже вместе с ними убежать,

Партизанскую судьбу свою начать...

В городе тихо. Женька говорит:

— Наши ушли, Генка. Смотри, вот-вот фашисты появятся. Ворвутся на мотоциклах и давай расстреливать, и давай, и давай...

Я молчу. Страшно. Женька выглядывает в слуховое окно.

— Пока никого не видно. Пусто.

Мы спускаемся в дом. Мне все время кажется, что кто-то стоит за моей спиной. Дядя Юра в новом костюме стоит у окна, тетя Аня в новом платье — у другого. Они смотрят на улицу. На столе лежит румяный каравай, на нем — солонка с солью. Я глотаю слюни. Мы стоим с Женькой на пороге и боимся сделать шаг. Хоть бы кто-нибудь крикнул или топнул бы. Дали бы нам с Женькой по большому куску от этого каравая. А еще бы хорошо с колбасой.

Женька тихонечко поворачивается. Я — за ним. Мы идем в кухню. Мы молча едим все, что нам попадает: корки какие-то, капустные листья и остатки пшенной каши. Капустные листья с солью — это здорово. Кончится война, возьму целый кочан, пачку соли, сяду где-нибудь в удобном месте и все съем. Медленно буду есть. Долго.

— Ты боишься? — спрашивает Женька.

— Нет, — говорю я, — совсем мне и не страшно.

Это я его подбодрить хочу.

— А мне страшно, — говорит он, — как поймают, как головой об столб дадут...

Вот и вечер наступил. И опять эта тишина. Мы снова заглядываем в комнату. Там никаких изменений.

— Может, они умерли? — спрашиваю я.

Женька манит меня за собой. Мы выходим на крыльцо. Дождичек идет, а на скамеечке прямо под дождичком, в зимней шапке, в начищенных сапогах, сидит Тышкин и молчит, и тоже смотрит куда-то далеко, и чуть голову наклонил, словно прислушивается.

— Товарищ Тышкин, — спрашивает Женька, — вы что это в зимнее нарядились?

— Гусь свинье не товарищ, — не оборачиваясь, отвечает Тышкин. А лицо у него важное-важное.

— Ах, извините, — говорит Женька, — а вы за красных или за белых?

— А мне все равно, — говорит Тышкин, — мне хоть синие.

Он встает и начинает ходить по двору, а Женька говорит:

— Слушай, Генка, я придумал такую штуку, что немцы не рады будут, что в Январск сунулись. Мы их всех, и злую собаку Королькова, и Тышкина, — в дохлятину превратим. Мы с тобой, Гена, пустяками занимались, в маршалы играли, мину дурацкую делали. Ты ведь знал, что она не взорвется, ведь знал? Что ж не говорил ничего?

— Я думал, взорвется... — говорю я.

Женька смотрит на меня с презрением.

Тышкин ходит и ходит.

Женька шепчет:

— Возьмем веревку, сделаем петлю, намылим и вечером у дверей повесим, и порог намылим. Злая собака приходит — и головой в петлю. Хочет подняться, а под ногами скользко. А Федьку Тышкина немцы расстреляют: подумают, что он виноват. А потом разберутся, в чем дело, и начнут друг в друга стрелять.

Я вспоминаю его слова: «Что ж не говорил, что мина не взорвется?»

— Ничего не получится, Женья. Смешно даже, чтобы взрослый человек сам себя повесил...

— Ах, смешно?!

У него злые глаза.

— Ты только и умеешь стишки писать! Пиши, пиши!

С Женькой спорить нельзя. А может быть, он и прав.

— Товарищ Тышкин, — спрашивает Женька, — что лучше — осень или лето?

— А мне все равно, — бормочет Тышкин, а сам все прислушивается, даже ногу отставляет в сторону, как гончая собака.

В Январске тишина. А мы сидим с Женькой за сараем и намыливаем петлю.

— Вот уж петелька, ну и петелька, — шепчет Женька, — головой попадешь — не воро-тишься.

— Женька, — говорю я, — а вдруг он и в самом деле удавится? Ведь страшно, а?

— Страшно, — говорит Женька. — А мы смотреть не будем, мы на станцию убежим.

Уже совсем ночь.

Я смотрю на белую рубаху Тышкина и придумываю такие стихи:

Ходит Тышкин вдоль забора, сторожит.

Сторожит он, сторожит он и дрожит.

А вокруг его башки петля кружит.

Женьке очень нравятся эти стихи. Он даже последнюю строчку придумывает:

— А было бы побольше веревки, мы бы для каждого фашиста сделали бы по петле. А злая собака Корольков все равно попадетсЯ.

Глава седьмая

о том, как все это закончилось

Всю ночь была тишина. Мы с Женькой сидели, сидели. Все сторожили, не заметили и заснули. А утром услышали — тарахтит что-то.

Подбегаем к окнам. По улице — пыль столбом. Пыль столбом. Грохот стоит. Танки идут. Самые настоящие. С пушками. Я смотрю на них, а сам почему-то думаю о Тышкине: «Бедный фельдшер! Ждал-ждал фашистов, встретить хотел, да проспал». Тышкина-то во дворе нету.

А танки фашистские идут. И небо серое-серое.

А дядя Юра у окна стоит, словно всю ночь так и не отходил. Только костюмчик на нем не парадный, старенький, потертый. А тетя Аня у другого окна стоит. Тоже в стареньком.

Женька тычет меня в бок. Я пожимаю плечами. Мы ничего не понимаем. А танки идут и идут. А за ними грузовики. И в них солдаты сидят, все в стальных касках, а некоторые даже в пилотках, как наши. Я прижимаюсь к Женьке. А он говорит мне шепотом:

— Перестань ты трястись.

А я не трясусь. Это он трясется. Я только что сам ему об этом сказать хотел.

А танки идут. И грузовики идут. Тогда я оборачиваюсь и смотрю на стол. А на столе — ни каравая, ни скатерти.

— Женья, — шепчу я, — каравай-то съели.

Он смотрит на меня с сожалением. Наверное, я опять что-то не так сказал.

А танки идут. И мы ничего сделать не можем. Ничего. Вот будем так стоять и ждать. Пока не войдут фашисты... А когда они войдут, дядя Юра укажет на нас: «Вот они...»

— Бежим на чердак, — говорит Женька, — бежим...

Вдруг один из грузовиков останавливается у нашего дома! За ним другие... Выпрыгивают фашисты, показывают на наш дом руками...

— Бежим! — говорит Женька. — Поздно будет.

...Фашисты бегут к нашему дому... Вот сейчас все и произойдет. Сейчас, сейчас...

— Слава богу, — говорит дядя Юра, — дождались своих.

Каких своих?.. Ну да, он ведь ждал их...

Женька дергает меня за руку и толкает совсем к окну. Я прямо лбом в стекло упираюсь.

— Смотри, смотри!..

...Что «смотри»?.. Фашисты к крыльцу подбегают, и дядя Юра выходит к ним навстречу.

И вдруг, как будто туман рассеялся, и я вижу на касках у солдат — звезды пятиконечные!

— Женька, да это же наши!

Но Женька уже выбежал на крыльцо, и я — за ним. И кричу:

— Давай, давай!

А первый (командир, наверное) говорит мне:

— Ты чего кричишь, пацан? Доктор-то здесь живет?

— Здесь, — говорит дядя Юра.

А я ничего не понимаю. Какой доктор? Ах, да это же Корольков — доктор. Злая собака Корольков. Но он ведь предатель!

— Я зубной врач, — улыбается дядя Юра.

Командир говорит:

— Это неважно. Перевязки делать умеете?

— Ну, конечно, — мычит Корольков.

— Вот мы у вас пока раненых и разместим. Скоро госпиталь прибудет, тогда заберем.

— Да что вы, — говорит дядя Юра, — выходим. Это наш долг. Ради вашего возвращения хотя бы. На радостях.

А командир идет к машинам, а оттуда уже несут носилки с ранеными красноармейцами. А мы с Женькой бежим за командиром.

— Товарищ командир, — говорит Женька...

Но тот отмахивается:

— Некогда, пацаны, некогда.

«Так ведь они предатели!» — хочу крикнуть я. Женька молчит. Я вижу: удаляется командир. А раненых несут, несут. И Тышкин несет. И тетя Аня несет. Носилки втекают в двери.

Мы с Женькой стоим в стороне. Всем словно не до нас. И ходит командир возле машины. Что-то говорит. И не знает ведь, что это предатели раненых на носилках носят. Вот дядя Юра держит носилки и идет на цыпочках, украдкой идет.

— Женька, — говорю я, — как же это никто их не схватит?

Женька бледный стоит. Губы у него дрожат. Он, наверное, придумает сейчас что-нибудь. Он ведь все может. Сейчас, сейчас... Вот только еще немного разозлится...

— А ну-ка, ребятки, — говорит нам дядя

Юра, — бегите-ка в дом, подежурьте-ка. Может, дать кому чего нужно. Ну-ка быстренько.

Раненые лежат в комнате прямо на полу, на своих шинелях. Они стонут. Мы с Женькой носим воду, помогаем делать перевязки. И мы молчим. А раненые стонут.

— Женька, — говорю я, — как же их никто не схватит? Ведь они — предатели...

Но Женька молчит. И губы у него дрожат. А что, если подойду я к командиру и все ему расскажу?.. Но командир, оказывается, уже уехал. И все уехали. Только дядя Юра делает перевязки и тетя Аня ему помогает... А Тышкин исчез неизвестно куда.

— Может быть, другого командира найти? А, Жень? Как ты думаешь?..

— Для чего? — как во сне спрашивает Женька.

— Все ему рассказать про них. Как они немцев ждали. Как каравай пекли...

— А откуда тебе известно, что для немцев?

— Как откуда? А ты разве не видел?

— Я-то видел... Да никто больше не видел...

— Мы докажем, докажем...

Но Женька не отвечает мне. Что-то я, наверное, опять не так сказал. И вот ведь что удивительно: ничего не могу придумать такого, чтобы доказать. Ничего.

— А как они нарядились. Все фашистов ждали.

— А может, наших ждали.

— И каравай нашим пекли?

— Может быть, и нашим.

— А смеялись, что наши отступают... Смеялись ведь?

— Ну, смеялись, ну, смеялись... А наши-то отступали? Отступали или нет?..

Но я еще поспорю. Не может быть, чтобы так вот и прошло все...

Три дня спустя мы стояли с Женькой на крылечке. Раненых давно уже увезли в тыловую госпиталь. Командование объявило дяде Юре благодарность.

Но немцы снова подходили к Январску. И опять артиллерийская канонада. И листья уже летели с деревьев не на шутку. Вот какая-то звезда упала, словно подбитый самолет. И снова ударил глухой разрыв. И снова лист полетел с дерева. Это уже, кажется, последний лист. И снова звезда упала... А может быть, это была вовсе и не звезда, а ракета.

— Знаешь, — сказал Женька, — вот не я буду, а Королькова на чистую воду выведу.

— И я не я буду, а тоже постараюсь хорошошенько, — сказал я.

— Мы еще повоюем, Генка.

— Мы еще повоюем, — сказал я.

ЮНКОРЫ ЛЕНИНСКОМУ СМОТРУ

МОЙ ДОМ МОЯ ШКОЛА МОЯ СЕМЬЯ

Ты не забыл, что означают эти слова? Если забыл, загляни на 61 страницу первого номера этого года и на 1 страницу десятого номера прошлого года.

Новая экспедиция «Костра» началась успешно.

Получено более 500 донесений.

Поступают материалы для будущей книги юнкоров, которую мы решили выпустить к 50-летию Советской власти.

Многие ребята уже ответили на вопросы КОСТИ ТЕРКИНА. Вот некоторые ответы. На вопрос — КАК НАЗВАТЬ КНИГУ

«Мы шагаем по планете», «Пусть всегда будет солнце», «Рассказы о наших домах, школах и семьях», «Бостер», «Путь к коммунизму», «По родной стране», «Наша родина глазами ребят», «Слушайте, говорит экспедиция», «Мой дом, моя школа, моя семья», «Юная пионерия», «Мы живем в краю родном», «Люди и время», «Жизнь пионера», «Пионеры о своей жизни», «Собрание сочинений веселого народа, том 1» ...

На вопрос — КОМУ ПОСВЯТИТЬ КНИГУ

«Ленину», «Людям, погибшим в борьбе за нашу страну», «Детям всей земли», «Стране Советов», «Посвятить нашему старшему поколению, то есть бабушкам, дедкам, матерям и отцам», «Пионерам, октябратам», «Пионерам всего мира», «Нашим учителям», «Пусть она будет подарком взрослым от ребят», «Посвятить космонавтам», «Коммунистической партии», «Посвятить замечательному советскому писателю-фантасту Александру Беляеву» ...

А ты свое мнение высказал? Если нет — поспеши. И помни: мы ждем твоих рассказов, фельетонов, стихов, рисунков, фотографий о жизни дома, семьи и школы. Ты можешь стать одним из авторов книги юнкоров, у которой пока еще нет названия. Может быть, твое окажется самым интересным?

Поэт Борис Слуцкий во время Отечественной войны был разведчиком, политработником. За участие в борьбе с фашизмом награжден орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды, болгарским орденом «За храбрость».

КАК ДЕЛАЮТ СТИХИ

Стих встает, как солдат.
 Нет. Он — как политрук,
 что обязан возглавить бросок,
 отрывая от двух обмороженных рук
 землю (всю),
 глину (всю),
 весь песок.
 Стих встает, а слова, как солдаты, лежат.
 Стих встает, а кругом — ни души:
 вспоминают про избы, про жен, про ребят.
 Подними их,
 развороши!
 И тогда политрук (впрочем, что же я вам
 говорю) —

стих

хватает наган,
 бьет слова рукояткою по головам,
 сапогом бьет слова по ногам.
 И слова из словесных окопов встают,
 выползают из-под словарей,
 и бегут за стихом, и при этом — поют,
 и бегут — все скорей и скорей.
 И, хватаясь (зачеркнутые) за живот,
 умирают, смиренные и тихие.
 Вот как роту в атаку поднимают,

и вот

как слагают стихи.

* * *

Сгорели в танках мои товарищи —
 до пепла, до золы, дотла.
 Трава, полмира покрывающая,
 из них, конечно, произросла.
 Мои товарищи на минах
 подорвались,

взлетели ввысь,
 и много звезд, далеких, мирных
 из них,

моих друзей,

зажглись.

Они сияют, словно праздники,
 показывают их в кино,
 и однокурсники, и одноклассники
 стихами стали уже давно.

Борис Слуцкий

ДНЕВНИК ЖИЗНИ

Рисунки Ю. Шабанова

Это не повесть, это дневник. Его писали для себя и ни для кого больше.

Дневник был отобран.

Мне известно, как это случилось и что произошло потом. Об этом я расскажу сам, остальное расскажет дневник.

Вот последняя запись.

10/1 1965 г.

«Сегодня мы смотрели в Доме пионеров пьесу «Золушка». Она мне очень понравилась. Золушкой была Таня Прохорова. Она учится в 21 школе, в шестом классе».

Итак, Пантелеев, будем так называть автора дневника: он просил не упоминать его настоящую фамилию, пришел в Дом пионеров. Он долго стоял в раздевалке и хотел уже уйти, но гардеробщица спросила:

— Тебе кого?

— Драматический кружок.

— Раздевайся — и на второй этаж.

Пантелеева попросили прочитать стихи. Прочитал. Потом кто-то из артистов сказал:

— Этуод пусть сделает с печкой.

Пусть растопит печь в холодной комнате.

Режиссер, молодая женщина, объяснила:

— Представьте себе, что вы в холодной комнате и вам надо растопить печь. Мы вам не дадим вещей: ни печки, ни дров, но надо сыграть сцену так, чтобы все поверили — вы растапливаете печь в холодной комнате.

Пантелеев сделал, что просили. Режиссер сказала:

— Приходите на занятия. После завтра в семь вечера.

Попробуйте сказать с первого раза: «Корабли лавировали, лавировали да не вылавировали». А Пантелеев сказал. И другое сказал: «Наш пономарь вашего пономаря перепономарит, перевыпономарит».

Все кружковцы, даже те, кто ходил с самого начала, четвертый год, и сыграл уже по десять ролей, признали Пантелеева своим.

Золушка была хорошая. Не ломака. Она принесла Пантелееву книгу о Черкасове, а он ей о Петре I.

В воскресенье всем кружком ходили в кино. Золушка села возле Пантелеева, и он сказал ей, что пишет стихи. Она попросила почитать. Стихи Пантелеев записывал в дневник, только с обратной стороны. Принес на следующее занятие.

Дневник на глазах у всех передать не решился. Придумал так: кончатся занятия, на улице он догонит Золушку и отдаст ей дневник.

Занятия кончились. Ребята стали уходить, и Золушка ушла. А Пантелеева задержала режиссер. Объясняла, как надо переписывать роль.

Когда он выбежал на улицу, никого уже не было. Завернул за угол, к дому Золушки, и замер.

Она стояла, прижавшись щекой к стене. Вокруг мальчишки. Человек пять.

Пантелееву говорили, что драмкружковцев не любят парни из Большой общаги. Так называли старый дом, построенный лет сто назад местным фабрикантом. Пантелеева предупреждали, чтобы он с этими парнями не связывался, но Золушка была в беде. Он разбросал мальчишек:

— Беги!

Она убежала, а его прижали к стене.

Он забыл о дневнике и тут вдруг увидел его в руках мальчишки. Парень вышел к свету, прочитал: «Дневник жизни».

— Сейчас мы тебе устроим жизнь, — сказал он и махнул дневником перед носом Пантелеева.

Вдруг из темноты появился человек.

— Дай-ка мне!

Взял дневник, посмотрел на Пантелеева.

— Я его почитаю. А этих, — он показал на мальчишек, — не бойся. Они твои друзья. Скажи им: сделайте то, сделают. А теперь, хочешь идти, иди.

Так «Дневник жизни» попал к первому читателю.

Владислав Бахревский

10 июня

Прочитать зоологию до «Сельскохозяйственные млекопитающие».

Решить по геометрии и по алгебре 100 задач.

Литература. Прочитать полное собрание сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

Немецкий. Выучить словарь учебника 7-го класса до буквы «М».

По химии делать опыты.

По истории прочитать книги о Петре I, Богдане Хмельницком, Иване Грозном и Чингис-хане.

По географии — знать карту Мира.

2 сентября

Открыл дневник и смешно стало. Летнее задание свое не выполнил. Правда, «Зоологию» прочитал, и даже до конца. Но это потому, что на даче не было других книжек.

Учебный год начался. Долой смешки! Серьезно берусь за учебу.

4 сентября

Окончательно решил стать хорошим учеником. Это не трудно. Надо учить все уроки, читать дополнительную литературу и ходить

в кружки. Только бы учителя не помешали! Если ты у нашей Ниловны троечник, то так и будешь троечником, хоть лопни. Но я постараюсь доказать!

5 сентября

Еще не спрашивали. А мне хочется, чтоб спросили. Особенно Ниловна. Сегодня Витька Трепаков написал во всю доску П+К. Все смеялись и смотрели на нашу парту. Могли бы и на себя посмотреть. Власов установил мировой рекорд. Рынок — 170,5. Жим — 196. Толчок — 215,5. В троеборье — 580!

Записался в литературный кружок.

7 сентября

В школе начинают розыгрыш первенства по футболу. Машков не взял меня в команду. Своих дружков набрал. Ну и пусть!

В СССР гастролирует итальянский театр «Ла Скала».

8 сентября

Записался в физический кружок. Говорили про космос. Лично я вот что думаю. Ракету можно запускать проще. Я специально ходил на базар и смотрел, как работает точильное колесо. Даю чертеж. Колесо, на котором помещена ракета, раскручивают до космической скорости. Как только скорость достигнута, ракета автоматически соскальзывает с колеса и летит в пространство. Мне кажется, ученым здесь есть над чем подумать.

9 сентября

Спросили по литературе. Первая пятерочка! Дела идут, контора пишет!

О футболе. Итак, Машков не взял меня в свою команду.

В седьмом «а» учится всего восемь мальчиков. Я предложил им собрать общую команду. Они согласились. Я взял из нашего класса Володю Дашевского и Григу из седьмого «г». Подали заявку. Первая игра с шестым «в». У них самые сильные ребята.

Все думали, что они возьмут первенство, а над нами смеялись. Теперь уже не смеются. Грига устает быстро, но удар у него точный. На первой минуте гол забил. А второй гол забил Дашевский. Техники у него совсем нет. Лупит куда попало. Ну и вмазал. 3:1 выиграли. Сам я, правда, не забил, но одна штука была с моей подачи.

12 сентября

Вчера получил пятерку по истории. Ираида Лукинишна сделала большие глаза. Я у нее в прошлом году тоже троечником был.

16 сентября

Опять напишу про спорт.

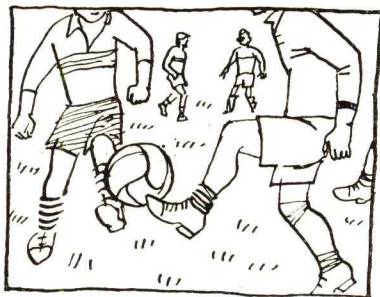
Я пришел записаться в гимнастическую секцию, а меня не приняли. Туда надо ходить с пятого класса, потому что после восьмого мы уйдем в другую школу, и семиклассника обучать невыгодно. Я разозлился и сказал нашему преподавателю,

что докажу на спартакиаде, а он сказал: «Докажешь — приму». На спартакиаде мы прыгали в высоту, бегали на один километр и на сто метров, делали вольные упражнения и подтягивались на перекладине. Чтобы получить зачетный балл, надо было взять сто десять сантиметров. Я и взял 110. Сто метров пробежал плохо, а километр хорошо — четвертое место по школе. И подтягивался хорошо.

Авдошкин из восьмого подтянулся 15 раз, а я 14. Почти даже 15. Чуть-чуть до перекладины подбородком не достал. Физкультурнику делать нечего: принял меня в секцию, а больше из седьмых никого не принял.

17 сентября

Сегодня географию преподавал новый учитель. И мы чихали. Он вошел, а мы давай чихать. По очереди. Он встал у двери и говорит: «Прочихайтесь, я подожду». Стал объяснять новый урок, а мы говорим, что не поняли старый. Он нам объяснил старый, и мы отстали от других классов на один урок. Вот какие молодцы! (дураки!)

18 сентября

Как жалко, что я уже большой. По-моему, одно из несчастий человека в том, что он делается взрослым.

Кажется, любовь больше разрушает, чем создает.

22 сентября

Ужасно. Умер Отто Гротеволь. Какая потеря для нас и особенно для ГДР.

25 сентября

Трепаков насыпал в чернила карбид. Чернила вылезли и дышать в классе было нечем. Пока наливали новые, прошло минут десять. Ниловна сердилась, а ребята хоть бы хны.

2 октября

Не писал целую неделю.

Были на уборке картофеля, в совхозе. По литературе получил еще одну пятерку. Тамара Александровна, наверное, проверяла меня. А я теперь все учу. В конце концов мы учимся для себя.

3 октября

Почти все мальчишки в нашем классе ненавидят меня. Сегодня моя команда обыграла их команду, и они подали протест. Мы им забили два гола. Все забил я. Уж как они хотели покалечить меня. Не вышло. А Трепаков сам валялся. Они нам забили один гол. До конца второго тайма оставалось семь минут. Но тут пришли заводские футболисты и не дали нам закончить игру. Ну что ж, переиграем.

Мое космическое колесо — глупость.

4 октября

Я спросил вчера, кто мне поможет по дойчу усечь перфект сильных глаголов. А Трепаков сразу заорал: «Косарева тебе поможет. Она лучше всех знает дойч».

Я ни у кого не стал спрашивать. Целый вечер просидел над уроком, даже телевизор не смотрел. А сегодня меня вызвали. Я все отлично понимал, но я же не трещалка. У меня язык не ворочается так быстро, как у Сметаниной. Я думал и отвечал. И мне поставили тройку. За что?! За то, что, отвечая, думаю? А потом спросили Дашевского. Ему поставили отлично. Все ребята возмутились, но учительница закричала на них. На перемене я подошел к Дашевскому и сказал: «Ты отвечал плохо. Тебе поставили пять несправедливо». А он ответил: «А я виноват?» Тогда я пошел к

учительской, дождался М. Ф. и сказал ей: «Вы мне неправильно поставили оценку». Она страшно рассердилась. «Это еще что за разговоры! Учите лучше!» Я уверен — завтра она меня спросит.

7 октября

Угадал! Поставила четвере. А мне ее четверка не нужна. Спросил: «Какие я сделал ошибки. За что сни-

зили?» Она сказала: «Ошибок нет. Но ответ был неуверенный».

Я крикнул:

— Но я же не пулемет?

Она меня за это выставила из класса.

Что теперь делать, сам не знаю.

У нас болел классный руководитель. Теперь она выздоровела, и в субботу будут выборы старосты, председателя совета отряда и звенье-

вых. В футбол моя команда проиграла. Сыграли вничью, но перед футболом бежали эстафету, и моя команда пробежала хуже.

С географией все еще неладно. Рук никто не поднимает. Вопросы Анатолию Михайловичу задают с места. Дашевский сказал: «Если я захочу, у нас его не будет!» Хвальба! Отец в горно — вот и хвастается.

Я совсем не пишу о книгах. А книги я читал. С

начала учебного года на моем счету шесть произведений. Я решил теперь обязательно читать в день не меньше 180 страниц. За месяц это будет 5400 страниц, и за год 64 800.

Какие же книги я прочитал.

«Юконский Ворон» С. Маркова. В книге показан произвол царского самодержавия

над лучшими сынами Отчизны. «Остров Тамбуку» Марко Марчевского. Читал стихи Маяковского. Половину I-го тома Пушкина А. С., «Кармен» Мериме. А сегодня дочитал «Гобсека».

8 октября

Мы занимались в кабинете биологии. Там стоял скелет. Трепаков, Дашевский и Косарева нарядили его. На шею повязали платочек, на голову надели кепку Дашевского и на ней нарисовали свастику. В зубы ручку — вместо сигары. Ноги вместо рук подвесили, а одну руку на копчиковую кость.

Пришла наша Антонина. Сначала засмеялась, а потом как закричит.

— Кто это сделал? Сознвайтесь! А не сознаетесь, директора позову.

Никто не встает.

— Староста, встаньте. Кто сделал?

Наташа Алиновская молчит.

— Председатель совета отряда! Кто сделал?

Василькин тоже молчит.

— Значит, вы укрываете нарушителей порядка. Оценка за поведение вам будет снижена. И в субботу мы выберем других, достойных ребят.

Как это мерзко! Виноватые молчат, а невинным оценку снижают. Да и вообще это неправильно. Кто же своих выдает?

Антонина ушла. Урок сорвался. Мы насели на Дашевского, Косареву и Трепакова. Косарева и Дашевский пошли и сознались, а Трепаков не пошел. Самый здоровый парень в классе, а трус!

9 октября

Все кончено. Отличник Пантелеев лопнул. Двойка. Ниловна поставила двойку.

Я не решил задачу, которую задавали на дом. Она меня спросила, и я сказал, что не смог решить. Вызвала к доске. Я и у доски не решил. Посадила, поставила двойку. Но ведь я же старался!

Ладно. Хватит с меня долбежки. Уж хорошо хорошим хотел стать. А никому этого не надо. Ну и мне этого не надо. Мне и в троечниках хорошо. Не соскучишься.

10 октября

Были выборы. Дашевский мне сказал: «Вот увидишь, председателем совета отряда меня выберут». И правда. Антонина сказала: «Предлагаю избрать пред. сов. отряда Володю Дашевского. Он хороший товарищ, хорошо учится. Он активный». Мы его выбрали. Старостой выбрали Сметанину, потому что она отличница. А звеньевыми тех, кто сидит на первой парте. Двух девчонок, одного мальчишку.

15 октября

Да здравствует СССР! Новая победа! В космосе трое: командир Комаров, ученый Феоктистов, врач Егоров. Летят на ракете «Восход»!

12 октября — СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ НАШЕЙ СТРАНЫ!

Вот это да! Мы стали проходить Африку, а Анатолий Михайлович, оказывается, был в Африке! Он там работал и совсем недавно вернулся в СССР. Я записался в географический кружок. А в литературном кружке меня избрали старостой.

20 октября

Да! Это случилось. Я не могу рассказать о моей тайне даже Володе Дашевскому. Только тебе я доверяю, дневник. Нет! Не буду писать ее имя. Но я расскажу обо всем, что произошло. В перемену я стоял в очереди за булочками. Она два раза поворачивалась ко мне и улыбалась. В первый раз я отвернулся, а потом вытаращил глаза и смотрел так, чтобы не моргнуть. И она смеялась. Не вслух, но я видел, как дрожат у нее плечи. Я понимаю, что не достоин, чтобы на меня обращали внимание... Сегодня она была в кино. У меня не хватило четырех копеек. И я стоял на улице. Наконец, кино закончилось. Все ста-

ли выходить, и я увидел ее. Я пошел за ней. Хотел узнать, где она живет, но она вдруг обернулась. Я прыгнул за угол и долго стоял как вкопанный. Дальше я не пошел и не знаю, где она живет. Я ничего не знаю. Но — это случилось!

Продолжение следует

ПАРТИЗАНСКИЙ ВРАЧ

О Лидии Семеновне Радевич
рассказывает спецкор „Костра“ С. Владимиров

В конце июля сорок первого года эсэсовцы пронюхали, что у врача участковой Железницкой больницы бывают подозрительные «гости» из леса. Немецкий переводчик, латыш, предупредил, что не сегодня-завтра в больницу нагрянут каратели.

И вот на третьи сутки в больницу привезли раненного в ногу политрука Николая Ивановича Исаева. Лидия Семеновна перевязала рану, уложила политрука в постель. И только успела накрыть на стол, как за окном раздался грохот. Выглянула — гитлеровцы!

На легковой машине подъехал длинный, тощий эсэсовский генерал. Два автоматчика промаршировали по всему зданию, заглядывали под кровати, осмотрели чердак. И лишь после этого генерал переступил через порог.

Лидия Семеновна нервничала, но виду не подавала. А над ухом у нее жужжал размеренный голос генерала:

— Я понимаю, вы женщина. Вас могли и не спросить. Может быть, вас просто заставили оказывать помощь русским раненым?

Улучив минутку, Радевич шепнула оказавшейся рядом санитарке Наташе Столяровой:

— Живей неси в пятую судно и хлорку.

И когда эсэсовцы направились было к дверям палаты,

без особой поспешности предупредила:

— Там брюшной тиф.

В нос ударил резкий запах хлорки. Генерал передернулся, повернул в ординаторскую. И в палаты больше не возвращался.

* * *

Вскоре Железницкая больница опустела. А Лидия Семеновна встретила свою первую военную зиму в партизанской землянке, наспех превращенной в полевой лазарет.

Больше полугода Лидия Семеновна была единственным врачом на весь Партизанский край.

Как-то глубокой ночью санчасть завезли в самый дальний угол Белебелковского района, в деревню Рябые Роги. Не было керосина, а Лидии Семеновне предстояла срочная операция: ампутировать ногу с раздробленным коленным суставом. У врача оставалась еще бутылка эфира для наркоза, для дезинфекции — крепкий самогон. В котелке над костром, как могла, прокипятила свой инструмент — старую дровяную пилу. Какая уж тут стерильность, когда в котелок то и дело лезет копать!

При лучине она перепилила раненому кость, наложила швы простыми нитками, прокипяченными в том же котелке. Парнишка потерял много крови. Необходимо переливание. Лидия Семеновна быстро за-

Лидия Семеновна Радевич

катала рукав, положила свою руку вплотную к безжизненно свисавшей руке раненого. На ходу обучила новенькую медсестру, показала, как надо держать иглу. Кровь перелила непосредственно из вены в вену...

Не было, наверно, в крае ни одного партизана, который бы не знал Лидию Семеновну Радевич.

Ф. Нафтумьев

Фото Л. Полякова

утверждает, что в центре мироздания как раз не Земля, а Солнце.

Так бы мы поднимались — шаг за шагом.

И где-то на тридцатой ступеньке повеяло бы на нас горьким чадом костра, на котором жгут еретика Джордано Бруно.

А на сороковой — бородач Галилей вскричал бы свое легендарное: «А все-таки она вертится!»

И так далее, и так далее.

Мы восходили бы выше и выше. Вспоминали бы многое и многих: и Кеплера, отца небесной механики, и Бредихина, ловца комет, и Ганского, знатока солнечных пятен.

Мы переговаривались бы тихонько. А больше бы уважительно молчали.

И вот, наконец, над близким — из-за крутизны — горизонтом возникли бы перед нами башни и купола Пулковской обсерватории.

— Так мы работаем, — сказал научный сотрудник Геннадий Семенович Косин.

Мы стояли, словно внутри коробки из-под торта. В полутьме желтым латунным блеском блестел телескоп, похожий на длинноствольную пушку.

— Ловим звезду в перекрестье, — сказал Косин. — Засаедем угол, под которым наклонен тубус.

— А потом?

— Еще три раза, для точности.

— А потом?

— Заносим в журнал.

Я перелистал журнал. Там были цифры. Ряды цифр. Колонки. Россыпи.

* * *

Через час мне показывали другой телескоп. Он уже походил на толстенькую мортиру.

— Ловим звезду, — объяснили мне. — Засекать ничего не надо, это сделает фотокамера.

— А потом? — спросил я.

Мне дали в руки рулон пленки. На кадрах ее были цифры. Колонки цифр. Россыпи. Множества.

Еще часом позже я знакомился с телескопом совершенно новой, небывалой конструкции.

— Здесь сидит наблюдатель, — говорили мне. — Не мерзнет, пьет кофе...

За окном кабины, в павильоне, лежали на опорах две колоссальные трубы, а между ними посверкивало зеркало.

Луч звезды ударится в зеркало, замкнет ток и все начнет двигаться, целиться, измеряться само собой.

Здесь, на пульте, лишь запляшут разноцветные огоньки.

— А потом что? — спросил я.

— Цифры — ответили мне. — Россыпи цифр. Множества. Мириады.

Я из-за этих цифр прямо уснуть не мог.

Я старался думать о Галилее и Кеплере, о том, какая это великолепная наука астрономия. Но проклятые цифры мельтешили, маячили, множились и складывались, играли в чехарду. И уже стало казаться, что за стеной кто-то нудно щелкает на конторских счетах.

К утру я решил вот что.

Я решил, что явлюсь к самому главному пулковскому фантазеру, автору многих известных вам приключенческих книг.

К Борису Стругацкому явлюсь и спрошу:

— Неужто?! Неужели суть астрономии — сплошная сухая цифирь? И телескопы, выходит, для цифири? И Пулково для цифири?!

Стругацкий сидел за столом. Он был занят. Он считал на арифмометре.

И в окошечках арифмометра прыгали цифры. Те самые. Мириады. Множества. Россыпи. Колонки. Ряды...

... И случилось в Пулкове чудо.

Невесть откуда пожаловал в Пулково межзвездный гость.

Он очень гордился, что пролетел такие огромные расстояния и добрался, наконец, до братьев по разуму.

— Я с планетной системы звезды 34ЛВЖМ, — начал было он рекомендоваться. Но его тут же перебили вежливо:

— Знаем, знаем! Большая планета, с дюжину наших Юпитеров. Наклон оси такой-то, год длится столько-то земных месяцев, на небе два солнца, голубое и желтое.

— Позвольте! — изумился гость. — Откуда знаете?!

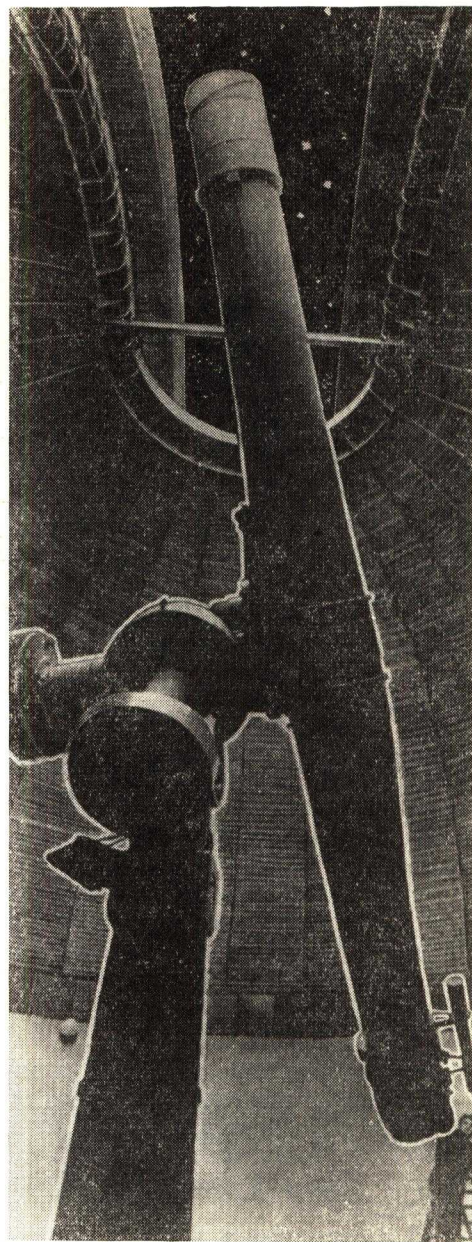
И тогда его повели по обсерватории.

Дали взглянуть в окуляр огромного двадцатishестидюймового рефрактора: во-он твоя 34ЛВЖМ!

— Допустим, — согласился гость.

Показали под увеличением фотоснимок той самой звезды: видите, там не одна, а две звездочки рядом? Значит, на вашем небе два солнца!

— Допустим, — кивнул гость.

26-дюймовый пулковский рефрактор

Предъявили результаты спектрального анализа: у одного солнца температура выше, у другого ниже. Значит, и цвета их разные — голубой и желтый!

— Допустим, — рассердился гость. — Что вы мне о моих солнца рассказываете? Их-то хоть чуточку, да видно, а как насчет планеты? Ее ни в один ваш телескоп не умотришь!

Вот тут и достали астрометристы свои цифры.

Те самые, собранные за многие годы, уточненные на КИМе — координатно-измерительной машине. Обработанные на электронных устройствах.

— Видите? Расстояние между вашими «солнцами» колеблется: то больше оно, то меньше. Почему такая неправильность? Не вмешалось ли притяжение какого-то третьего тела?

Принесли новые справочники.

— Теперь смотрите, — силу этого притяжения можно рассчитать. А раз так, — можно рассчитать и размеры третьего тела! И диаметр его! И орбиту И наклон оси!

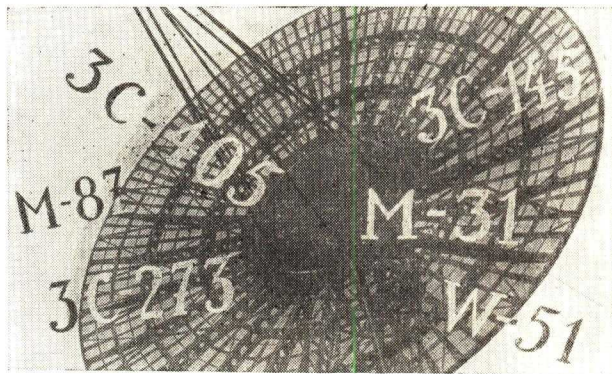
Трудно сказать, как смотрел на эти цифры космический пришелец.

Возможно, он сразу все понял и радостно вскричал: «Ага!»

А может, он глядел в них глубоко-мысленно и был как тот мальчик из анекдота, который притворялся, что умеет читать, а сам держал книгу вверх ногами.

Но я точно знаю: он в конце-концов стукнул по столу и воскликнул:

— Молодцы! Вы тоже настоящие космонавты!

До самой далекой

Ничего такого не случилось, конечно. Никаких гостей из космоса к нам пока что не прилетало.

Но не видимую с Земли планету пулковцы и вправду открыли — сравнительно недавно и, в общем, тем способом, о каком в предыдущей главе рассказано.

И пусть не грохал восхищенно тот гость-звездолетчик по столу кулаком, — это делаю за него я. И провозглашаю:

— Молодцы пулковцы!

Огромное небесное тело плыло в иллюминаторе.

Космическим холодом веяло от черных пропастей, от хребтов падали зубчатые тени.

Похоже, пора искать место для посадки. Может, вот сюда, в район моря Ясности? Или сюда, близ кратера Архимеда?

Это Николай Федорович Купревич наблюдал Луну с помощью телевизионной аппаратуры.

А в соседнем здании, в корпусе радиоастрономии, Игорь Владимирович Госачинский взял в руки звездный атлас. И обвел карандашом белое пятнышко на черном фоне — снимок дальней-предальной Галактики. Обвел кружком раз в пять бóльшим, — словно штурман исправил корабельную карту.

— Откуда вы знаете, что размеры Галактики такие?

— По радио сообщили, — шутит Госачинский. — На короткой волне. Нет, действительно, — на волне 21 сантиметр, если хотите.

А еще в другом здании, под окуляром инструмента, на деревянной скамье лежит мой знакомец Косин. Под его головой — жесткая подушка: чтобы шея не затекала.

Косин диктует помощнику очередные, такие скучные и такие всемогущие цифры: создается по зернышку новый звездный каталог, логия космических океанов.

Леонид Алексеевич Сухарев мудрит над новыми усовершенствованиями инструмента, чтобы был он надежней и удобней, чтобы не пришлось наблюдателю исхитряться, подкладывать подушку под затылок.

Ольга Николаевна Чудовичева заложила очередной снимок в координатно-измеритель-

ный прибор. Александр Николаевич Дейч — открыватель темного спутника звезды 61 Лебеда — задумался с авторучкой...

Все они здесь, рядом, им можно позвонить по телефону, навестить запросто, без пропуска. И в то же время их нет здесь. Они странствуют среди холодных лунных пустынь и среди красноватых марсианских кустарников.

Они ведут разведку. Разведку перед атакой.

По коридору шел Николай Александрович Козырев, талантливый ученый, автор многих остроумных гипотез.

планеты не так уж, друзья, далеко!

Он шел с чайником, прямой, как жердь, абсолютно негероический с виду.

— Здравствуйте, Николай Александрович, — поздоровался я.

И прибавил тихонько:

— Счастливых полетов, капитан.

Через центр Круглого зала обсерватории проходит Пулковский меридиан. Я встал на меридиан и пошел по нему на север. Открылись и закрылись, пропустив меня, тяжелые двери.

Я уходил, — но астрономия не хотела меня отпускать.

Снова и снова вспоминался огромный, как цирковая арена, павильон рефрактора, тиканье звездных часов, атласы звездных фотографий...

Я присел на скамеечке у самого края Пулковского холма.

Справа, под горкой, виднелась ограда, — там кладбище астрономов. Там плиты с латинскими надписями и свежие столбики со звездой. Там спят люди, всю жизнь отдавшие планетам и галактикам.

А рядом со мной — обелиск над братской могилой. Здесь похоронены бойцы, оборонявшие Пулково в годы войны.

В те дни небо было враждебно. Вспыхивали сверхновые звезды ракет, метеорами падали подбитые «хейнкели». Обсерватория лежала в стеклянной крошке и битом кирпиче.

А сегодня она еще прекрасней, чем прежде.

* * *

Низко-низко, поднявшись с аэродрома, пролетел на Москву самолет. Аэронавигация была бы невозможна без астрономии.

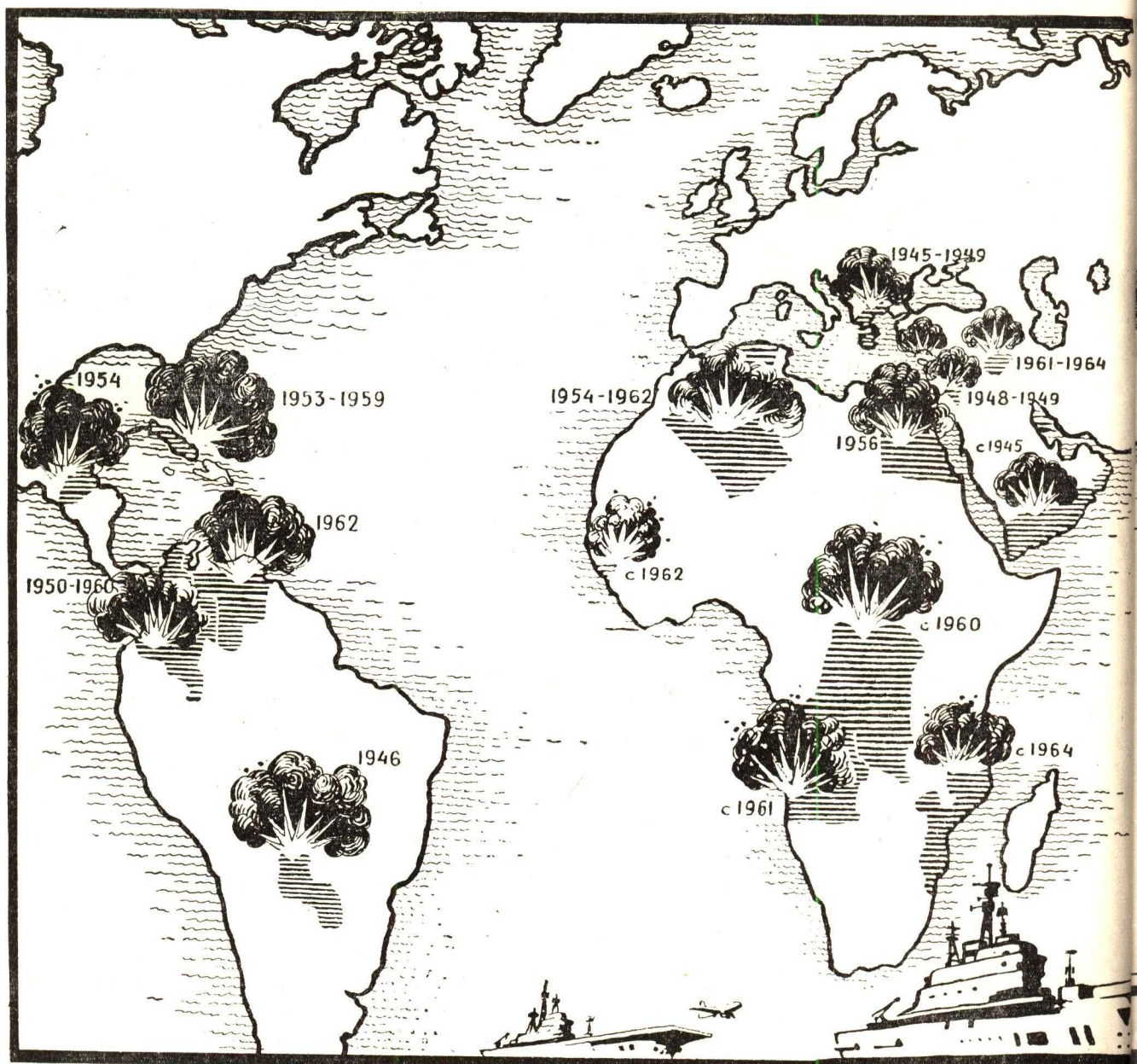
Бегут автомобили по прямой, как струна, дороге. Дорогу прокладывали геодезисты. Им помогала астрономия.

Донесся издала радиосигнал точного времени, и я сверил с ним свои часы. И это тоже астрономия.

Наука тем и замечательней, чем меньше заметна внешне. Значит, настолько она вошла в нашу жизнь, настолько пропитала ее, что мы ее и не замечаем.

Не замечаем — и не можем без нее обойтись.

ПОСМОТРИ ВНИМА

Двадцать лет назад кончилась вторая мировая война. Но пламя так называемых „малых войн“ не стихает.

Почему? В чем причина?

ТЕЛЬНО НА ЭТУ КАРТУ

Рисунок В. Свешникова

**Венесуэла... Куба... Ангола... Конго...
Кипр... Вьетнам... Корея... Лаос... Палести-
на... Малайя...**

Переверни страницу!

... 1946 г., Греция. Не успел народ избавиться от фашистов-немцев, явились другие оккупанты. Высадились англичане. Вернулся король Георг VI со своими министрами. Тех, кто боролся с гитлеровцами, снова стали бросать в тюрьмы. Снова патриоты вынуждены оставлять плуги и браться за оружие.

... 1947 г., Филиппины, страна семи тысяч островов. Совсем другой край света, а картина та же! Убрались японские завоеватели — нагрянули американские.

... 1956 г., Гватемала, маленькая «банановая» республика Центральной Америки. 18 июня над столицей Гватемалы, ведя пулеметный огонь, пронеслись американские самолеты. Отряды наемников, под командой тщедушного полковника с гитлеровскими усиками — Кастильо Армаса, — перешли гватемальскую границу. Кто этот Армас? Известно кто — слуга американской «Юнайтед Фрут Компани».

Именно эта компания в начале XX века, под прикрытием пушек американских крейсеров, скупала в Гватемале — по одному центу (копейка) за гектар — все лучшие земли. Теперь правительство Гватемалы решило отдать эти земли крестьянам — и вот результат. Реформа отменена. Республика растерзана. Зато владельцы «Юнайтед Фрут Компани» с удовлетворением потирают руки. Они-то довольны!

... Осень 1956 г., Египет. Почти девяносто лет английские и французские капиталисты эксплуатировали Суэцкий канал и заработали на этом колоссальные деньги. Наконец, египетское правительство сказала: «Хватит! Отныне канал — собственность египетского народа». «Не бывать этому!» — возразили бывшие владельцы.

Поздно ночью 31 октября над Порт-Саидом и другими крупнейшими египетскими городами истошно завывали сирены. Через несколько мгновений появились первые воронки от авиабомб. Вскоре высадились десанты, пехота, танки, артиллерия... Только к 22 декабря оккупантов вынудили убраться восвояси.

... Зима 1965 г., юго-восточная Азия. Опять в небе сотни американских самолетов. Горят города и села Вьетнама и Лаоса, низко стелется дым пожаров. Вот маленький городок Донг-Хои на территории Демократической Республики Вьетнам. Только что окончился налет. Разрушены дома мирных жителей, больница, фабрики. Несколько стервятников сбиты. Один летчик выбросился на парашюте. Высокий, светловолосый. Смотрит угрюмо, исподлобья. «Зачем вы бомбили мирных жителей, Роберт Шомейкр?» Молчит. «Кто вас послал?» Молчит.

Ну и пусть молчит. Виновники известны. И прошли времена, когда они могли делать все, что хотели.

Черным днем для английских империалистов стало 3 июля 1947 г. В этот день ровно в двенадцать часов по флагштоку президентского дворца в Дели взвился оранжево-бело-зеленый флаг независимой республики Индии.

Черным днем для американских империалистов стало и 1 октября 1949 года — день провозглашения Китайской Народной Республики.

Весной 1954 г. корабли с остатками французских войск отдали концы в портах Индокитая, а в июле 1962 г. французам пришлось навсегда оставить Алжир.

Вслед за Индонезией голландские толстосумы вынуждены были расстаться с Западным Ирианом, а португальские — со своей колонией Гоа. Борются за свободу африканские колонии Португалии — Ангола, Гвинея, Мозамбик. По-прежнему беспокойно на Филиппинах. Упорная партизанская борьба продолжается в Гватемале. Никак не удастся американцам проглотить героический остров Кубу.

Планета ведет бой за свободу.

На цветной странице — плакат художника **В. Травина**

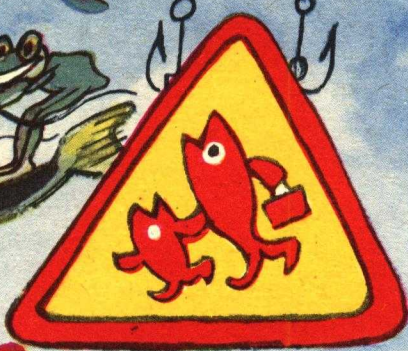
Да, срок немалый —
двадцать лет,
Но палачам прощенья нет!

Кто им дает охранный лист,
Тот сам преступник
и фашист!

ПЕРЕПЛЫВ

КОМНАТА
МАТЕРИ
И РЫБЕНКА

ТАКСИ-
КАРАСИ

3. ОХОТА

Начало см. в «Костре» № 2, 3.

Тишь да гладь...
Как раз сюда-то
компас бомбой и упал.
Словно молнии, легки,
сиганули прочь мальки.
Стали вдруг четыре рака
четырёх чертей страшней:
каждый тащит компас!
Драка!
Все четыре — без клешней!
Старый окунь, как ракета,
начал рушить тишь и гладь,
плавники свои по цвету
с красной стрелкою сверять.
Для плотвы игра нова —
в компас смотрится плотва.
А уклейки, а уклейки,
очень дружные семейки,
ходят веером вокруг,
серебром блестят...
И вдруг
из-за кочек, где глубины,
где холодный ил и мгла,
вся зеленая, как тина,

Курсом двадцать — до
канавы,
дальше — курсом пятьдесят,
без тропы, через дубравы
шел
по компасу
отряд!
Песня шла за ними следом,
оставалась на пути...
и ждала ребят победа
впе-ре-ди!

Продолжение следует

КУРС НА БЕРЛИН

О дружбе летчиков и подводников
рассказывает спецкор „Костра“ Л. Ваганова

Евгений Николаевич
Преображенский

— А ну, взгляни, у тебя глаза помоложе. Облако или аэростат?

Теперь они оба, и пилот, и штурман, в четыре глаза при-

стально всматривались в мутную кашу за стеклом. Самолет встряхнуло.

— Облако, товарищ полковник.

— А справа?

— Да кто его разберет, — пожал плечами штурман.

Бомбардировщик круто пошел вверх. Нужно остерегаться: немцы всюду понаставили заградительные аэростаты. Того и гляди, налетишь в темноте. Тогда — крышка.

В кабине стало еще холоднее. Зябли руки. Сплошные облака, а тут еще зарядил дождь.

Внизу сквозь редкие просветы проплывали огни городов. Немцы не заботились о маскировке. Они предвкушали скорую победу. И никому из них в голову не могло прийти, что в их глубоком тылу, за почти непроходимой стеной облаков идут советские самолеты.

На аэродроме в Штеттине их любезно пригласили на посадку — приняли за «своих».

Не хватало воздуха. Сырость, казалось, сочилась из стен кабины. Стала гуще заградительная зона аэростатов. Самолеты взяли высоту в 7 тысяч метров.

Этим ночным полетом руководил командир Первого минно-торпедного авиаполка Евгений Николаевич Преображенский. Полковник вел двенадцать дальних бомбардиро-

виков «ДБ-3». Они шли на залитый яркими ночными огнями Берлин.

А теперь — слово капитану 1-го ранга Петру Денисовичу Грищенко.

— Товарищ капитан 2-го ранга, разрешите доложить?

— Докладывайте!

— Получен приказ от командира соединения, — шифровальщик протянул мне только что принятое сообщение.

За годы службы на флоте я хорошо знал характер Героя Советского Союза Николая Павловича Египко и по тону шифровки понял: приказ очень строг. Умри, а выполни.

На первый взгляд шифровка могла показаться не совсем понятной. Нашей подводной лодке было приказано в ночь с 7 на 8 августа 1941 года встать на якорь в указанной точке. Ровно в час ночи мы должны были зажечь прожектор и светить им в зенит. Прямо в небо. Целые пять минут.

Штурман Алексей Петров быстро нашел эту точку на карте. Балтийское море, неподалеку немецкий остров Рюген. До берега миль семь, нет, пожалуй, восемь...

Взгляд скользнул ниже по карте. Вот оно что — здесь проходил меридиан Берлина.

Ранним утром лодка легла на заданный курс.

Еще за несколько часов до

прихода в нужный район прозвучала команда:

— Перейти на моторы подкрадывания.

Они работают тихо, еле слышно. Движемся медленно, но зато можно быть спокойным — враг не услышит.

Мы пробирались в достаточной обжитой район. Над нами проплывали корабли, но никто не подозревал, что под самым носом у немцев появилась советская подводная лодка «Фрунзовец».

В этот день у перископа дежурил самый глазастый вахтенный офицер — лейтенант Дубинский.

В открытом море трудно определить местоположение. Нашими единственными ориентирами могли служить маяки. Один — Аркона на острове Рюген, другой — Рэне на датском острове Борнхольм.

Когда, по нашим подсчетам, наш минный заградитель пришел в заданный район, подняли перископ. Через несколько секунд Дубинский радостно закричал:

— Вижу маяк.

Я заглянул в окуляр: ясно видна высокая башня с темными поперечными полосами. Конечно, это маяк Аркона.

— Курс 120, — прозвучала команда.

Пройдя 4 мили, лодка отдала подводный якорь. Мы были на месте. Теперь оставалось только ждать.

Ровно в 24 часа 15 минут был дан сигнал тревоги:

— По местам стоять! К всплытию!

Потом:

— Прослушать горизонт!

«Уши корабля», акустик Дмитрий Жердь (он сейчас живет в Ленинграде) доложил:

— Горизонт чист.

И тогда еще одно приказание:

— Продуть среднее!

Это значит, что воздух выдает сейчас груз из цистерны, находящейся посередине лодки, и мы всплывем.

— Прожектор наверх!

Боцман Константин Настюхин осторожно выносит на палубу прожектор. Нас на палубе двое. Я то и дело подхожу к открытому люку, поглядываю на часы. Небо все в облаках, чуть крапает дождь.

До часу ночи остается семь минут... пять... две...

— Зажечь прожектор, — шепчу я.

Ослепительный столб света прорезал облака.

В руке у меня зажата «груша» (сигнализатор срочного погружения). Нажму кнопку, и через 30 секунд лодка стремительно уйдет под воду. Только успевай впрыгнуть в люк. Но этого делать нельзя ни в коем случае. Пять минут, ровно пять, должен светить прожектор.

Слышен далекий гул самолетов. Все. Можно уходить под воду и ложиться на обратный курс.

В 6 утра радист поймал родную Москву, и мы услышали сводку Информбюро:

«В ночь с 7 на 8 августа группа наших самолетов произвела разведывательный полет в Германию и сбросила некоторое количество зажига-

Петр Денисович Грищенко

тельных и фугасных бомб в районе Берлина.

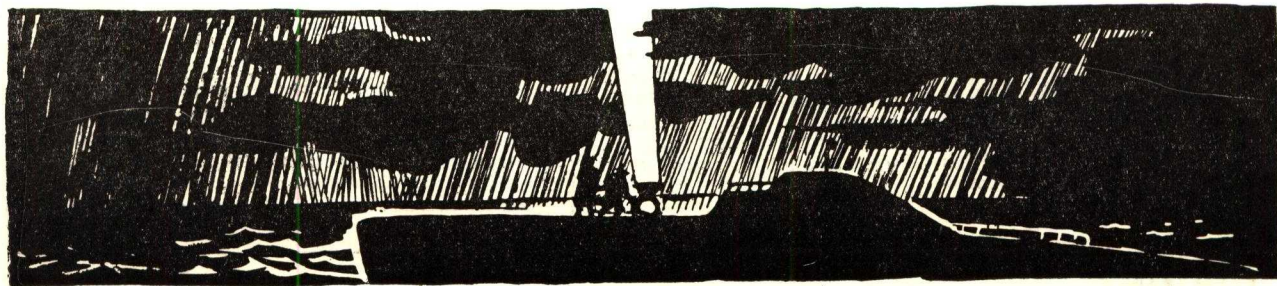
В результате бомбежки возникли пожары и наблюдались взрывы...

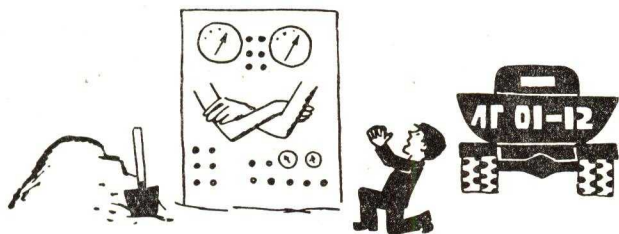
В этот день команда собралась в самом большом, первом отсеке. Комиссар поздравил всех с отлично выполненным заданием.

Еще 9 налетов на Берлин и на крупные города Германии совершили наши летчики той осенью. Больше им уже никто не «подсвечивал»: они летали по знакомому пути.

А наша лодка всю войну сражалась на Балтике, потопила 15 кораблей. Команда «Фрунзовца» получила 423 ордена и медали.

Ее макет ленинградские ребята могут увидеть в Военно-морском музее.

Упрямая машина

Однажды в вычислительном центре случилось чрезвычайное происшествие. Быстродействующая электронно-счетная машина отказалась вести обычный расчет маршрутов грузовых машин.

Операторы снова и снова закладывали перфокарты с заданием, машина «прочитывала» условия и... продолжала забастовку.

В чем же дело?

Математикам пришлось изрядно поломать голову, хотя ларчик просто открывался. По ошибке количество грузов было сильно занижено. Обделит какой-нибудь завод? Но ведь это против правил: расчет должен быть не только точным, но и разумным. Вот почему и заупрямилась машина.

Строительство под крышей

Трудно приходится строителям зимой: замерзает бетон, стынут руки, снег и ветер спят глаза.

Польские инженеры предложили накрывать строительство пленкой, как парники.

Над домом или возводимым цехом надувается сфера из прозрачной очень прочной пленки. Своеобразная искусственная крыша. Снег на такой крыше не задерживается: он или сдувается, или тает от теплого воздуха, который нагревают в сфере специальные установки. Даже в тридцатиградусный мороз в такой сфере можно работать в легком комбинезоне. У сферы есть ворота для подвоза материалов.

Такой способ строительства особенно хорош в районах с суровым климатом.

Призрак да и только: то появится, то исчезнет. В 1927 году «призрак» не дал о себе знать, а через несколько лет опять исчез. И на его месте на-

ся на острове. Ноги по щиколотку погружались в горячий шлак. Но нигде не было видно ни дыма, ни пара, указывающих на работу вулкана. Слегка серебристая поверхность острова была совершенно пуста и ослепительно сияла в лучах солнца. Никаких условий для жизни животных или растений. Каким-то чудом росла на Соколином острове карликовая пальма...

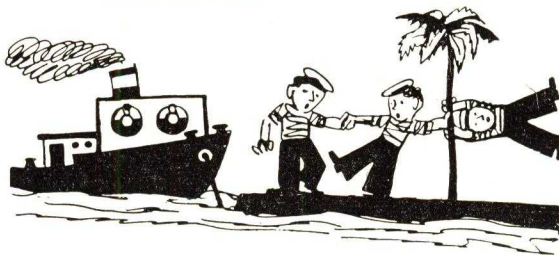
Сейчас призрачный остров опять скрыт волнами. Его дальнейшая судьба зависит от загадочных сил природы, формирующих уклад моря и суши на нашей планете.

Перевел с польского
И. Квятковский

Соколиный остров

В Тихом океане есть исчезающий остров.

Европейские моряки впервые увидели его сто лет назад с борта корабля «Falcon», что значит сокол. Отсюда и название острова — Соколиный. В апреле 1894 года острова уже не было, над водой сохранилась лишь небольшая полоска суши. В том же году она поднялась на высоту пятнадцати метров, достигла

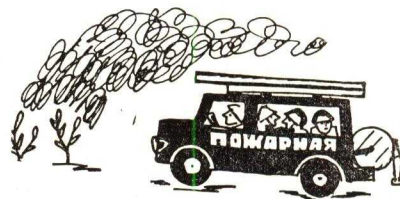
в длину пяти километров, а в ширину более двух метров. Уже через четыре года после этого остров опять перестал существовать.

ходила гряда вулканического пепла и песка высотой около девяти метров. Несмотря на опасность, нескольким смельчакам удалось высадить-

Пипин и его меч

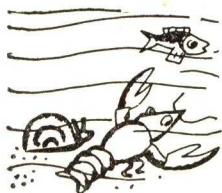
Слыхали, конечно, про французского короля Пипина Короткого? Росту этот Пипин был один метр тридцать семь сантиметров. Малый рост, однако, не мешал королю отлично владеть в битвах своим мечом. А длина меча Пипина — один метр 80 сантиметров. Вот что значит тренировка!

Температура больного растения

Больное растение так же лихорадит, как и больных животных. У такого растения температура тела выше, а дыхание чаще, чем у здорового растения того же вида, находящегося в тех же условиях.

У кого синяя кровь?

У большинства животных кровь красного цвета. Но не у всех. У некоторых видов морского червя кровь зеленая, у речных раков, скорпионов, пауков, ракушек, осьминогов и каракатиц — синяя. От чего же зависит цвет крови?

В состав гемоглобина — красящего вещества крови — входит железо. От его окисления и зависит цвет крови.

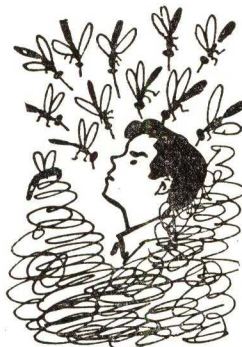
У животных, в крови которых вместо гемоглобина хлорокруорин, содержащий закисное железо, кровь зеленая. Если вместо гемоглобина — гемоцианин, содержащий медь, кровь окрашена в синий цвет.

Комариный вопрос

Специальные мази, дымовые шашки, окуливание и опыление с самолетов и вертолетов! Изобрели даже мощные гаубицы для обстрела комариных туч... Все эти средства обороны помогают от комаров мало: плодятся кровососущие насекомые чрезвычайно быстро. Биологи занялись изучением повадок комаров. Комары ведь

«переговариваются» друг с другом, правда, комариные сигналы человеческое ухо не воспринимает. Есть два сигнала, наиболее определенные по значению: «Безопасно! Можно кусать!» — один и «Сос! Опасность!» — второй.

Сконструирован прибор, непрерывно испускающий сигнал опасности. На руку надевают диск,

похожий на часы, и — пожалуйста, загорайте в тундре среди болот: ни один комар к вам не подступится. Но пока еще мало таких приборов и стоят они дорого. Ученые работают сейчас над созданием ткани, которая неуловимым для человека запахом отпугивала бы насекомых. Одежду из этой ткани ждут и в Сибири, и в Заполярье.

Мощность двигателя современной космической ракеты превышает мощность всех машин, которые существовали в начале XIX века.

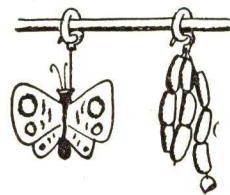
Горюн-трава

Ясенец растет в сибирских лесах. У этого небольшого куста неприятный запах и жгучие листья. Нечаянно прикоснулся к ним, и у тебя на коже — мучительные ожоги.

Но не жгучесть отличительная черта ясенца, а его способность воспламеняться, как только поднесут к нему зажженную спичку. Куст горит несколько мгновений, но не сгорает, на нем даже не остается следов огня. Отсюда и народное название горюн-трава. Сгорают лишь эфирные масла. Те, что выделяют его листья и сообщают растению тяжелый запах. Они-то и обжигают кожу человека.

Гигантские бабочки

В Северной Австралии и на Новой Гвинее водятся гигантские бабочки. Размах крыльев — 26 сантиметров. Местные жители употребляют мясо этих бабочек в пищу.

Цветной снег

Однажды жители поселка в Ферганской долине были поражены, выйдя на улицу. Дорога, тротуары, крыши домов были покрыты коричневым снегом. Цветной снегопад образовал покров толщиной в десять сантиметров.

Метеорологи установили, что это природное явление вызвано пылевой бурей, свирепствовав-

шей в Кызыл-Кумах, пустыне красных песков. Огромные массы мельчайших частиц пыли были подняты в атмосферу и вошли в снежное облако.

Цветные снегопады и дожди — явление нередкое в Средней Азии, где огромные пространства заняты пустынями.

ГОЛУБОЕ

или ОДИН ОТВЕТ

Н. Владимирская

Можно ли, сев в Ленинграде на большой морской теплоход, объехать по водным путям вокруг европейской части Советского Союза? Иными словами, совершить «кругосветное» плавание по родной стране?

Можно ли за одну всего неделю доплыть из Херсона, что на берегу Черного моря, прямо в порт Клайпеду на балтийском побережье? Не забудьте, плавание из Херсона в Клайпеду через Средиземное море и Атлантический океан длится более двух недель.

Можно ли заболоченные низменности Полесья и Литвы превратить в цветущие плодородные земли?

Удастся ли в водоемах Украины и Белоруссии разводить такое множество рыб, чтобы эти водоемы стали настоящими рыбными фабриками?

Возможно ли перевозить с Севера нашей страны хлеб, химикаты, руду и металлы в прибалтийские страны и в ГДР быстрее и намного дешевле?

Можно ли старинный путь «из варяг в греки», то есть от берегов Балтики до самого Черного моря, полностью электрифицировать?

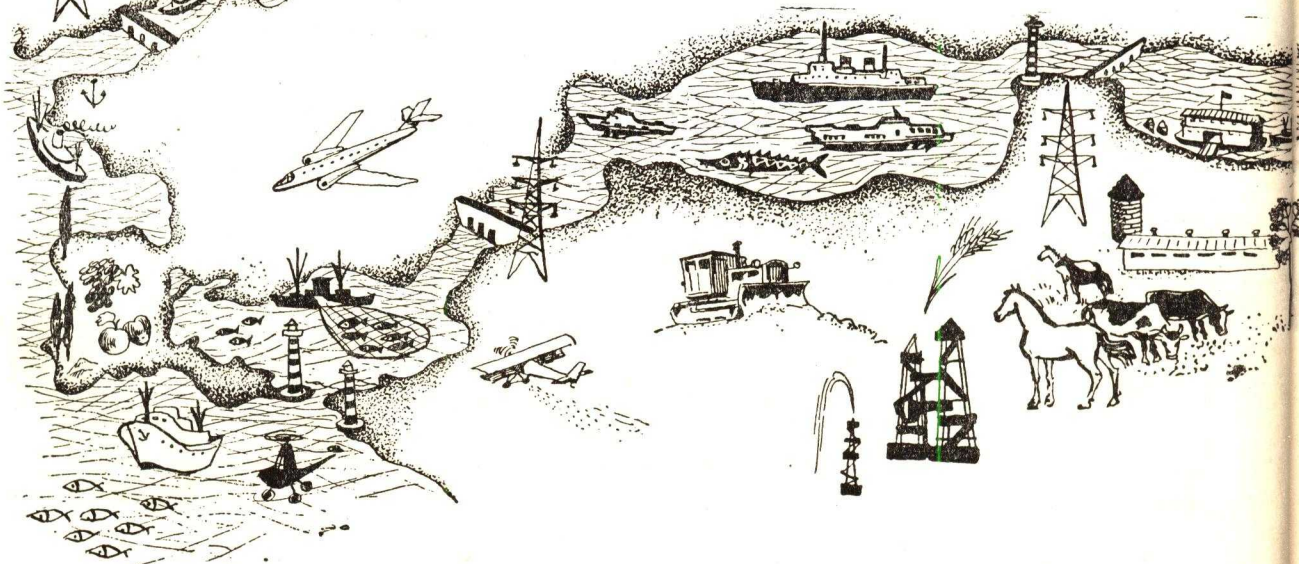
Можно ли?..

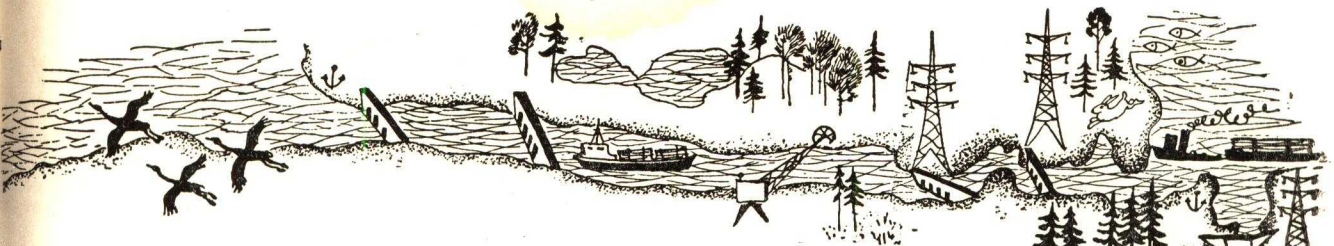
Ответ на все эти и многие другие вопросы один: все это будет вполне выполнимо, когда замкнется круг Голубого кольца — единой глубоководной системы водных путей, объединяющих собой природные водные пути — реки Волгу, Дон, Днепр, Припять и Неман.

Восточная ветвь Голубого кольца проложена и освоена. Известна она и вам — это Волго-Балтийский водный путь. О путешествии по Волго-Балту вы могли прочесть в «Костре» № 9 1963 года. А ее продолжение — Большая Волга вместе с Волго-Донским каналом давно уже работает.

Западная же ветвь Голубого кольца — Черноморско-Балтийская — пока еще строится. Вот когда она протянется от Балтийского моря по рекам Неману, Ясельде, Шарье, Припяти и Днепру — длиной около 2500 километров — к Черному морю, тогда отправляйся в круговое плавание по нашей стране.

Сначала по Волго-Балту, затем по Волге и Волго-Донскому каналу, в Азовское море, потом в Черное море и, обогнув Крымский полу-

КОЛЬЦО,

НА САМЫЕ РАЗНЫЕ ВОПРОСЫ

Рисунок А. Януса

остров, входи в Днепр и по новому водному пути добирайся до балтийских берегов. Это и будет «кругосветным» плаванием в пределах европейской части Советского Союза.

В это путешествие можно будет пуститься на настоящем морском судне, потому что все реки Черно-Балта будут углублены, а некоторые, как извилистая Припять, и уширены, и распрямлены.

Когда будет завершено строительство всех гидроузлов новой водной магистрали, тогда в новых огромных водоемах, а их в Белоруссии и на Украине будет создано 34, можно будет разводить сколько угодно рыбы.

Тогда же будут осушены и низинные заболоченные земли Полесья, ведь водоемы во время паводков примут излишнюю воду. Поля, которым не доставало влаги, будут орошены. Так Черно-Балт превратит земли непригодные для земледелия в плодородные.

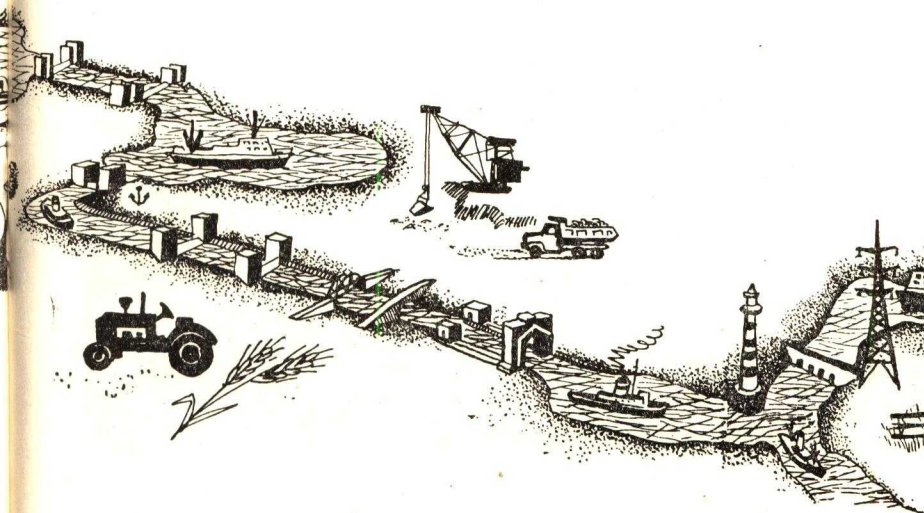
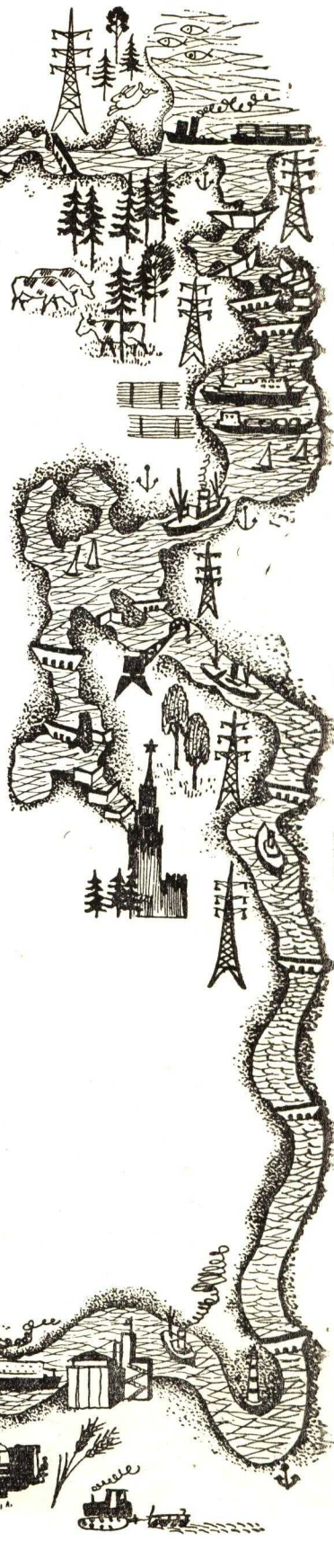
Тогда Литва, Белоруссия и Украина получат вдоволь электрической энергии и для промышленных целей и для бытовых нужд. 12 крупных ГЭС Черно-Балта (среди них и уже действующие — Каунасская, Кременчугская, Запорожская, Каховская, и строящиеся — Киевская и Днепро-дзержинская и ряд новых) насытят эти республики электричеством. Все вместе эти ГЭС дадут около 4 миллионов киловатт, примерно столько же, сколько вырабатывает Братская ГЭС.

С открытием Черноморско-Балтийского водного пути можно будет быстро перебрасывать грузы, сплавлять лес с Севера нашей страны в прибалтийские страны, на Украину и в ГДР. И будут делать это не только быстрее, но и раза в три дешевле, нежели при перевозках по железной дороге.

Вот когда плавание из Херсона в Клайпеду займет всего неделю и не придется идти длинным путем через Средиземное море и Атлантический океан.

Если же кто-нибудь захочет начать путешествие не из Ленинграда, а из Белого моря, то и это станет осуществимым, так реконструированный Беломорско-Балтийский канал будет доступен и для плавания морских судов.

Вот сколько пользы принесет стране создание западной ветви Черноморско-Балтийского пути, замыкающей круг Голубого кольца.

Семен Иванович Донсков

Произошло это осенью 1942 года.

В одном из клубов Невского района собралось новое пополнение Красной Армии — юноши-призывники. Им предстояло защищать Ленинград и участвовать в прорыве вражеской блокады.

На сцене стоял микрофон. В полном составе вышел хор радиокомитета — худые, из-

ТАК ГОВОРИЛ ЛЕНИНГРАД

О днях блокады
рассказывает спецкор „Костра“ Ю. Алянский

можденные, не по-концертному одетые люди. Место у рояля заняла композитор Наталья Леви. А к микрофону подошел ленинградский радиожурналист Лазарь Маграчев.

— Мы хотим познакомить вас с необычной песней, — начал он, обращаясь к сидевшим в зале призывникам. — Ее слова написал поэт Владимир Лифшиц. Это песня о дивизии генерала Донскова, в которой вам предстоит сражаться.

И тут, прервав ведущего, вступил хор:

*Здравствуй, парень, слушай
наше слово:
Ты пришел в хорошую семью,
Ты пришел в дивизию Донскова
Постоять за Родину свою...*

Парни в зале взволнованно притихли. Ведущий, остановив хор жестом руки, сказал:

— Перед вами выступает генерал Донсков! Пожалуйста, Семен Иванович...

Генерал вышел на сцену. Оглядел своих новых бойцов. И рассказал им о тяжелых боях за Ивановский пятачок.

Поселок Ивановский находился при впадении реки Тосно в Неву. Здесь, на клочке советской земли, образовался, по выражению генерала, «слоеный пирог»: наши и фашистские траншеи перемежались. В конце лета сорок второго года начались тяжелые траншейные бои. Вел их полк, которым командовал опытный командир Александр Клюканов...

Рассказ генерала подхватил хор:

*Мы умеем драться, как
Клюканов,
Как Спринцон умеем мы
стоять!*

— С вами, товарищи, будет говорить офицер Клюканов.

У микрофона появился курносый, скуластый человек с покрасневшими от недосыпания глазами, лейтенант Клюканов.

— Я расскажу вам о подвиге радиста сержанта Рувима Спринцона, который не выйдет на эту сцену — его уже нет в живых.

Радист Спринцон пробрался со своей рацией в развалины кирпичного завода, чтобы корректировать оттуда огонь нашей артиллерии. Фашисты стали окружать завод. И тогда на КП поступила радиogramма: «Огонь на меня!»

Полковая артиллерия обрушила на кирпичный завод огненную бурю. Сквозь грохот разрывов мы еще несколько раз слышали: «Огонь на меня!..»

И опять запел хор.

Ленинград, армия, Балтийский флот слушали по радио, как рождалась песня о солдатах героической дивизии. Сотни уличных динамиков разносили ее над крышами домов, над Невой, где стояли боевые корабли, над садами, желтевшими в кольце осады так же прекрасно, как и в мирные дни...

ДЕЛАЙ ТАК!

Эти упражнения можно включать в тренировочные занятия, разминку перед соревнованием и утреннюю зарядку. Они помогут вам развивать силу, быстроту, гибкость, ловкость, помогут овладеть правильной техникой бега.

БЕГ С ВЫСОКИМ ПОДНИМАНИЕМ БЕДРА. Упражнение для развития быстроты. Выполняется в среднем или быстром темпе на отрезке 20—30 м. Заканчивая упражнение, переходите на обычный бег. Положение рук может быть различным: свободно опущены, на поясе или заложены за спину. Упражнение можно выполнять и со скакалкой. При отталкивании добивайтесь, чтобы опорная нога полностью выпрямлялась. Не разводите колени в стороны, не отклоняйте туловища назад. Пятки не должны касаться земли. (См. фото 1.)

СЕМЯЩИЙ БЕГ. Исключительно полезное упражнение, развивающее быстроту и свободу движений. Выполнять его следует на ровной дорожке, можно с легким уклоном. Дистанция — 30—40 м. Темп средний, затем быстрый и, наконец, переходит на обычный бег. Шажки маленькие. Мышцы корпуса и рук следует расслабить. При опускании опорной ноги полностью выпрямляйте ее в коленном суставе. Держитесь прямо, не гнитесь. Стопы ставьте параллельно. (См. фото 2.)

БЕГ С ЗАХЛЕСТЫВАНИЕМ ГОЛЕНИ. Упражнение, мало чем отличающееся от обычного быстрого бега. Надо только после отталкивания голень толчковой ноги полностью расслабить: тогда она будет захлестываться назад, касаясь бедра. Это упражнение также развивает быстроту и придает движениям бегуна непринужденность и естественность. Хорошо чередовать его с семящим бегом и бегом с высоким подниманием бедра. (См. фото 3.)

БЕГ В УПОРЕ. Руками упритесь о стенку или перекладину на уровне плеч. Туловище наклоните вперед. Во время бега высоко поднимайте бедро. Спина не должна выгибаться назад. Опорную ногу следует выпрямлять до отказа. Не торопитесь, главное внимание обращайте на непринужденность движений. Прodelайте три-четыре раза по 10—15 секунд. (См. фото 4.)

ПРИСЕДАНИЕ НА ОДНОЙ НОГЕ — «ПИСТОЛЕТ». Станьте по стойке «смирно». Поднимите ногу вперед под прямым углом (см. фото 5). Глубоко присядьте, не касаясь вытянутой ногой пола (см. фото 6). Выпрямитесь. Постепенно увеличивайте число приседаний и быстроту их выполнения. Добивайтесь, чтобы делать это упражнение одинаково легко на каждой из ног.

Фото 1.

Фото 2.

Фото 3.

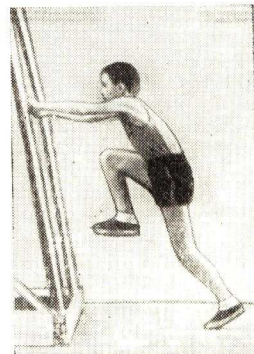

Фото 4.

Фото 5.

Фото 6.

— В наше время, дорогие друзья, — начал *Архивариус*, — все реже на крышах новых строений можно увидеть трубы. В обиход входит паровое и центральное отопление. А вот для наших предков труба была обязательной деталью любого здания. Мой друг архитектор Э. Леви-на рассказала мне любопытные сведения из истории печных труб.

КАК ВЫЛЕТАЛИ В ТРУБУ

Представьте себе пожар в конце XIX — начале XX века. С шумом и гиканьем примчались пожарные тройки. Пожарные взбираются на крышу и начинается борьба... за трубу. Появляется человек, шепчется с брандмайором. Пожарные перестают оборонять трубу и бросаются спасать дом. Появляется второй человек, также шепчется с начальником команды, и пожарные опять лезут на крышу защищать от огня трубу.

Часто на крышах появлялись две компании дюжих парней. Одни спасали трубу, другие пытались ее разрушить. Ни тем, ни другим не было дела до горящего дома. Вокруг трубы разыгрывались настоящие боевые схватки.

А происходило это вот почему. В правилах страховых компаний значилось: если дом застрахован от пожара, страховая премия выплачивается и дом считается сгоревшим только тогда, когда пожаром разрушена труба.

Представители страховой компании, не желая выплачивать деньги, обороняли трубу, хозяин дома, желая получить страховую премию, старался разрушить трубу, обе стороны

пытались подкупить пожарных, затем вступали в рукопашную между собой. А дом горел, огонь не знакомился с текстом страховых правил.

В том случае, когда среди обломков сгоревшего дома стояла целая труба, говорили: «Еще один хозяин вылетел в трубу».

ШУТЯТ ЗАРУБЕЖНЫЕ ШКОЛЬНИКИ

Дети XX века

Учитель физики объясняет ученикам закон земного тяготения.

— Все, что поднимается вверх, непременно опускается на землю...

— А если выйдет на орбиту? — раздается голос из-за парты.

Пассажирка

Бабушка едет на автомашине, за рулем которой сидит ее внук-ученик. Юный водитель то одну, то другую руку высовывает из машины, указывая тем самым повороты. Встревоженная бабушка поняла это по-своему и говорит:

— Миленький, ты крепче двумя руками держись за баранку! Если пойдет дождь, я тебе скажу об этом.

Спортсмен

— Мой брат на школьных соревнованиях пробежал дистанцию в две тысячи метров за одну минуту...

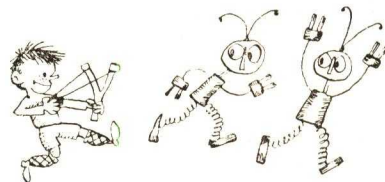
— Ну?! Этот результат — лучшее мирового рекорда!

— Но он знает прямой путь!

Призрак будущего

Мать говорит соседке о своем сыне-ученике:

— Кто знает, может, мой мальчик первым высадится на Марсе и встретится там с марсианами...

— Очень жаль, что их нельзя уведомить об этом.

Вызывает Директора

РАССКАЗ

В. Суслов

Рисунок Н. Муратова

Вероника Павловна положила на стол журнал и сказала:

— Ласточкин, Лизанчук и Торопков, после урока зайдите к директору.

— Я ничего не делал! — подскочил за партой Севка.

Но Вероника Павловна даже внимания на Лизанчука не обратила. Она у нас всегда так: скажет — и точка. И никаких наводящих вопросов. Сиди и сам шевели извилинами головного мозга.

Главное непонятно: за что?

Если это насчет того, что я в раздевалке толкался, так причем тут Олег Ласточкин? А если это насчет того, что мы Лисовскому в портфель черепаху из живого уголка записали, так Севки не было. Он не видел. Нет, что-то не то: ведь всех троих вызывают...

Директор у нас знаете какой строгий!.. Он на войне командиром батальона был. У него

все точно по порядку: в коридоре замечание сделает — это ничего; в класс придет — значит, вызывай родителей; а уж если в кабинет вызовет — тогда всё! Мало не будет! В прошлой четверти одного мальчишку из седьмого «б» вызвал — и исключил на целую неделю.

И надо же было Веронике Павловне перед уроком такое сообщить! Какая же теперь история в голову ползет? Слушаю про Александра Македонского, а сам об Александре Максимовиче думаю. И за что он нас?.. Может быть, за то, что на прошлой неделе Севка в трамвае без билета ехал? А мы тут причем? Просто Севка — жмот, жадина, мы ему все про это говорим. Или это за то, что Олег тряпку на печку забросил? За это не исключит. Родителей вызвать может или на завод шефам сообщить. Это у нас запросто.

Сижу, переживаю. А Севке, видно, хоть бы что: руку тянет.

— У тебя вопрос, Лизанчук? — спрашивает Вероника Павловна.

Севка встал, глаза жалобные сделал:

— Честное пионерское, я ничего не делал...

Заладил свое! «Ничего не делал... Ничего не делал...» А я что сделал? А вдруг это за стенгазету? Я в ней свою фамилию чернилами замазал. Так ведь никого же не было! Ни души! Нет, за это не вызовет. Но что же я еще такого наделал?..

Тут мне Наташка записку передала: «Это Севка. Он все рассказал. О.» Чего рассказал? Кому рассказал? Директору? Оборачиваюсь к Олегу. Он мне головой кивает: точно, мол, рассказал.

О чем же он рассказал?

Неужели о сарае, где мы штаб делаем? Так ведь стулья-то эти ничьи были, которые мы выкинули... А лопаты для снега — так они тоже старые, ломаные все. Да и Александру Максимовичу-то какое дело до нашего сарая? Мы же там спичек не зажигаем, а курил только Андрей, так он не школьник, ремесленник вовсе.

В общем-то, зря мы, конечно, Севку приняли. Мало того, что жмот, так еще и звонок. Надо было ему рассказывать!

После звонка мы пошли к директору. Как раз его у дверей кабинета и встретили.

— Вы ко мне, шестой «б»? — спрашивает. — Заходите и подождите, я сейчас.

В кабинете директора я ни разу не бывал. Севка тоже. Олег был. В прошлом году, когда с Лисовским подрался. Он тут знает что к чему: сразу же пошел к этажерке, встал рядом, руки за спину. Мы тоже так встали. Ждем.

А директор не идет и не идет.

Олег вздохнул, посмотрел на Севку и спрашивает шепотом:

— Ты накапал?

Севка перепугался:

— Нет... Я ничего не знаю...

— Пушкин знает, да? — шепчет Олег.

— А чего? — Севка втянул голову в плечи. — Ты про что спрашиваешь?

Олег на меня посмотрел:

— Видал? Он ничего не знает. — И к Лизанчуку: — А если тебе по шее дать, вспомнишь?

— За что по шее? — скривил рот Севка. — Я никому про это не говорил.

— Про что «про это»? — нажимает на него Олег.

— Ну, что вы... это... объявление повесили. Будто у нашей пионервожатой дома шкаф продается.

Мы с Олегом и рты разинули. Вот это да!.. Первый раз о таком объявлении слышим.

— Ты не крути, — шепчет опять Олег. — Сам, наверное, вешал, а на нас сваливаешь.

— Честное пионерское... — начал было Севка, но тут дверь открылась и вошел Александр Максимович.

— Все равно получишь, — успел шепнуть Олег.

Директор подошел к своему столу, сел, оглядел нас.

— Ну, как дела, орлы? — спрашивает. — Что новенького?

Мы молчим.

— Ничего новенького? — опять спрашивает директор. — Тогда у меня к вам есть вопрос. Кто из вас осенью помогал устанавливать станки в мастерской?

— Мы все... — неуверенно промычал Олег.

— А запчасти куда дели, помните? Так вот вам ключ от кладовой, отыщите конические шестерни, приводной ремень и коробку ножевок. А то Борис Павлович заболел, все дело стало. Задание понятно?

Уф!.. Будь они неладны, эти шестерни! Сколько из-за них переживаний всяких. Чуть не подрались.

Вот так и расшатывается нервная система с самого детства. И из-за чего бы? Из-за каких-то приводных ремней и ножевок в коробке...

В старину строителей кораблей называли корабелами.

Есть ли среди вас, ребята, корабелы?

Конечно, есть. Ведь все вы умеете складывать из бумаги кораблики, это дело нехитрое.

«Уголёк» объявляет соревнования корабелов.

В соревнованиях могут принимать участие все читатели «Уголька».

Условия соревнований:

1) кораблики должны быть сделаны аккуратно.

2) кораблики должны быть как можно более маленькими!

За самый маленький и самый аккуратный кораблик будет выдана премия — НАСТОЯЩИЙ ИГРУШЕЧНЫЙ КОРАБЛЬ.

Кораблики присылайте в редакцию «Костра» — «Уголька» до 25 июля, Дня Военно-Морского флота.

Примечание. У нас в редакции имеется бумажный кораблик, который можно просунуть в игольное ушко.

8

Рисунок И. Ризнич

Малая птичка соловей,
а знает месяц май

1

МИШКИН МЕШОК

Самый изобретательный у нас в классе — Мишка Никитин. Он всегда что-нибудь придумывает. И, как все изобретатели, Мишка очень рассеянный.

4

Недавно мама сшила ему большой черный мешок для галош. Но Мишке мешок не понравился, и он часто забывал его дома. И тогда он закидывал галоши в рукава пальто. Без мешка у нас галоши не принимают.

Мишкина мама очень огорчалась, что у Мишки такая плохая память. Тогда Мишка попросил ее сшить ему новый, красный мешок, чтобы он больше бросался в глаза.

Но все равно Мишка его иногда забывал.

Наконец, он придумал привязать мешок к пальто, к вешалке. Мишка успокоился: мешок всегда при нем. Только когда Мишка очень торопится, он забывает заправить мешок внутрь, под пальто. И на улице прохожие останавливают Мишку и говорят ему:

— Мальчик, у тебя на спине какой-то мешок болтается!

Мишке это очень надоело. И он сказал маме, что хочет ходить в школу без пальто и без галош.

— У нас все ребята давно так ходят. Я один в очереди стою!

Тогда Мишкиной маме стало очень жалко Мишку, и она разрешила ему ходить в школу без галош. Только когда сухо.

М. Разумовская
Рисунок К. Савкевич

5

ПОСЛЕ ССОРЫ

Э. Островская
Рисунки Н. Муратова

Надутыми ходят
И Лена,
И Света.
А ведь неразлучными
Были все лето!
— Да что у вас? —
Как-то спросили у Лены
Подружки
Во время большой перемены.
— Не помню я,
Что мы делили со Светой,
Но я не прощу ей
Истории этой!

2

ЗАГАДКИ

Глядят с восхищеньем
Ребята вокруг:
Пыхтит на дороге
Огромный утюг.
Туда и обратно
Пройдется немного,
И сразу становится,
Гладкой дорога.

Ляжет снег еще не скоро
На проспекты и дома.
А у нас есть шкаф, в котором
Летом прячется зима

Я. Пишумов

7

Туповатый молоток

Созывал к себе гостей молоток,
приглашал к себе гвоздей молоток.
«Уважаемые гвозди,
приходите ко мне в гости».
Вот приходит первый гость,
молодой и стройный гвоздь.
Молоток жмет гостю лапки,
а потом... как даст по шляпке!
И долго удивляется:
куда же гость девается?

А. Лосев
Рисунок Г. Ковенчука

6

МАЛЯР

Он красил перила
На лестничной клетке.
— Ужасно спешу, —
Говорил он соседке.

— Мне нужно скорее
Докрасить перила,
Покуда не кончились
В банке белила.

3

КАК КОРОЛЬ ВЗБУНТОВАЛСЯ

Рассердился Белый Король:

— Довольно! Надоело, в конце концов! Что ни задача — белые начинают и белые матают! Этот человечек, который никогда не играет и признает только задачи, наставит фигур, а я, видите ли, ломаю себе голову — как объявить мат Черному Величеству. Хватит с меня! Я слышал, что в других комплектах Белые Короли тоже получают мат. Ферзь! Немедленно доложите: получают ли Белые Короли мат в других комплектах?

— Получают, ваше Белое Величество, вы совершенно правы. Но то в игре, а не в задачах. И потом заматовать противника — это же почетно...

— Зачем мне ваш почет?! Он мне надоел! Мне все надоело! Я хочу дышать! Вы слышите? Отдыхать! Пусть меня матают! Отправляйтесь к Черному Величеству и попросите его распорядиться.

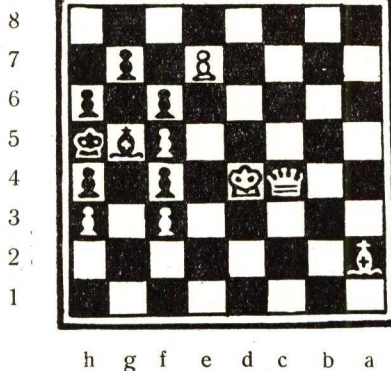
Ферзь переговорил с Черным Королем, вернулся и доложил:

— Его Черное Величество просит передать, что в его распоряжении на доске слишком мало сил, ему трудно выполнить вашу просьбу.

— Скажите, что мы окажем ему помощь нашими пешками... Пусть начинается.

Ферзь удалился, но скоро вернулся: — Он категорически отказывается от помощи. Называет ее вмешательством в его внутренние дела. Намекал даже, что будет куда-то жаловаться.

— Ах так?! — вскипел Белый Король, — отказывается от помощи?

Вмешательство? Так пусть жалуется! Будем действовать с позиции силы! Приказываю: заставьте черных объявить мне мат. И чтобы через 9 ходов все было кончено. Приступайте к выполнению!

Ферзь хотел уже распоряжаться, но Белый Король перебил его:

— Имейте в виду: я буду наблюдать и ожидать мата в том углу, — он показал на h1 и пошел — 1. Кр e4 — f3.

В ответ Черная Пешка шагнула — 1. ...b7 — b6.

Белый Король продвинулся по диагонали дальше 2. Кр f3 — g2.

Тогда Черная Пешка больно побила Белую 2. ...b6 : c5.

— Ну вот. Здесь я жду мата! — крикнул Белый Король Ферзю и занял угол — 3. Кр g2 — h1. — И повто-

ряю: заставьте черных сделать мне его на девятом ходу!

— Но я протестую! — возмутился Черный Король, выйдя из своего убежища — 3. ...Кр a5 — b6. — По какому праву?! Я хочу матовать, когда у меня есть настроение, а не по чьим-то указаниям!

— Сейчас покажем, чьи это указания, — произнес вполголоса Ферзь и велел двинуться Пешке.

Пешка двинулась — 4. d7 — d8 и спросила:

— А в кого превращаться?

— В Слона! — скомандовал Ферзь, и на доске появился второй Белый Слон, который тут же воскликнул: «Шах!»

— А я все равно мат не объявлю! Не объявлю, не объявлю! — кричал Черный Король, уходя от шаха — 4...Кр b6 — b7.

— Вам еще шах, Ваше Величество, — вежливо, но твердо сказал Ферзь и подошел к нему вплотную — 5. Ф f4 — c7 +.

— Не буду, не буду мат объявлять! — продолжал кричать Черный Король, отступая в угол: 5... Кр b7 — a8.

Он кричал, сопротивлялся, грозил пожаловаться, и все же, уверяя вас, я сам видел, что белые ЗАСТАВЯЛИ-ТАКИ черных объявить на девятом ходу мат Белому Королю. А вот какими были оставшиеся четыре хода, хоть убейте, не могу вспомнить!

Может быть, вы, ребята, мне можете?

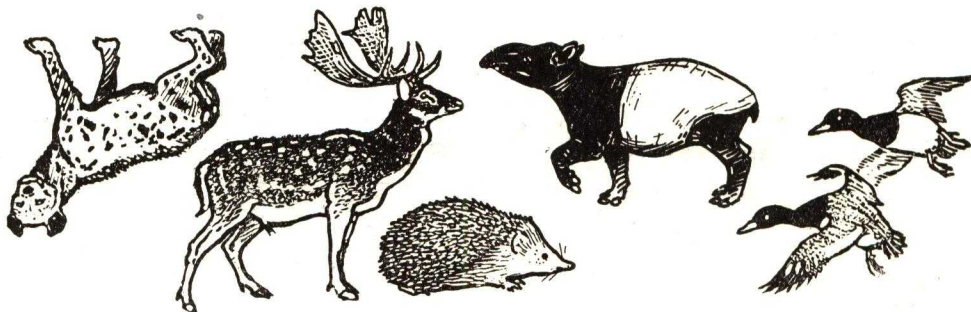
Ю. Барский,
мастер спорта СССР.

АНЕИГЛАНЬЕЖТАПИРУТКИ

Это — ребус. Только незаконченный: рисунки художник сделал все, какие нужно, а вот «запятые» и другие знаки исключения и замены букв — не расставил... И если ребус прочесть в том виде, в каком он сейчас, то получится как раз то, что в заголовке.

То есть совершеннейшая чепуха.

Впрочем... Ну-ка, прочтите заголовок еще раз, только повнимательнее: в нем словно бы просвечивают слова знакомой пословицы!..

Сделайте то, чего не сделал художник, — расставьте где нужно запятые и другие необходимые знаки, чтобы каждый, кто умеет решать ребусы, смог прочесть пословицу.

НАША ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

Наша Творческая Мастерская открывается снова. В прошлом году многие ребята хорошо поработали в ней — мастерили игрушки из природных материалов. В первом номере 1965 года была показана выставка лучших работ, присланных на конкурс «Костра».

Сегодня Творческую Мастерскую открывает художница Мета Антоновна Дрейфельт.

Нравятся вам игрушки, изображенные на соседней цветной странице? Хотите научиться делать такие же красивые вещи? Тогда не спешите закрывать журнал.

Где бы вы ни отдыхали летом — в деревне, в пионерлагере, на даче — всюду можно устроить мастерскую глиняных игрушек. Что для этого нужно? Собрать ребят, которые хотят лепить из глины. Найти подходящее помещение, самое простое — чердак, сарай, веранду, даже стол на дворе сгодится, только сделайте над ним навес от дождя. Найти подходящую глину — это, конечно, самое главное. Вам может встретиться и красная, и синяя, и белая глина. Для работы подойдет любая из них. Надо только проверить наощупь, не слишком ли много в ней песка. Чем меньше в глине песка, чем она «жирнее», тем лучше для лепки.

Запаситесь глиной, положите ее в сырое, прохладное место, покройте влажной тряпкой — и у вас всегда

будет под руками готовый мягкий материал. Запомните: месить глину нужно долго, пока она не станет отлипать от рук.

Что лепить? Что хотите. Авторы глиняных игрушек, изображенных на соседней странице, сами придумывали темы своих работ, им никто не подсказывая, они просто договорились: елем и посмотрим, у кого что получится. И дали волю своей фантазии.

Глина любит выдумку и наблюдательность. Чего только не напридумывали ребята! На столе появились трехголовые сказочные драконы, могучие витязи на вросших в землю конях, диковинные цветы и рыбы, смешные человечки... Целый мир, сотворенный своими руками. Таинственный, яркий!

Но слепить — это полдела. Надо еще раскрасить, и раскрасить красиво. Сначала подготовьте глиняные изделия к раскраске. Просушите их на ветерке 3—4 дня. Только не выносите

на солнце. Покройте белой гуашью (цинковыми белилами), а затем, просушив, — эмульсией. (Состав эмульсии: на один яичный желток — 2 полскорлупки 2—3%-ного уксуса. Минут 10—15 взбалтывайте.)

После просушки берите акварельные краски и начинайте, как говорят художники, расписывать глину. На счет этого давать советы на бумаге трудно. Попробуйте красить, и вы сами почувствуете, как ложится одна краска рядом с другой, как смешивать краски, где оставить белую поверхность. Белила в сочетании с ярким сочным цветом всегда создают радостное ощущение. При желании можно покрыть готовое изделие художественным лаком.

Если вы лепите не объемную игрушку, а плоскую глиняную плитку, сделайте в ней сквозное отверстие для гвоздика. Красивая плитка на стене, несколько ярких глиняных игрушек на столе — и в комнате праздник!

* * *

Наша Творческая Мастерская объявляет конкурс на лучшую глиняную игрушку. Сроки представления работ на конкурс: с 1 сентября до 1 ноября 1965 года. Итоги конкурса и выставка лучших работ в № 1 1966 года. Победителям будут вручены премии и дипломы.

Ребята! Глина — очень хрупкий материал, необожженная — тем более. Глиняные игрушки надо предохранить от сотрясения, тщательно упаковать в тряпки и вату. На ящике обязательно сделайте надпись: «Осторожно, хрупко!»

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37. «Костер», на конкурс.

На обложке рисунок Т. Оболенской

На четвертой странице обложки рисунки Ю. Лобачева

На второй странице обложки фото Е. Халдея и В. Темина

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76

М-12776.	Подписано 16/IV 1965 г.	Формат 84×108 ^{1/16} .	Печ. л. 8+1.	6,57 усл. печ. л.	8,8 уч.-изд. л.
Тираж 300 000 экз.		Зак. № 1301			Цена 25 к.

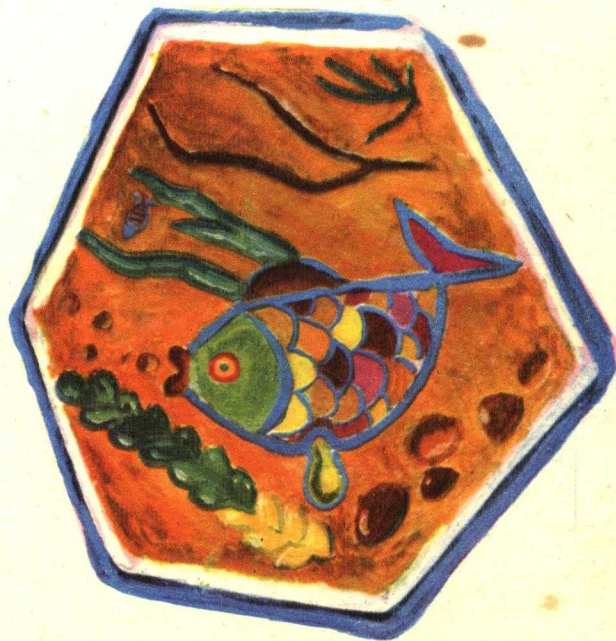
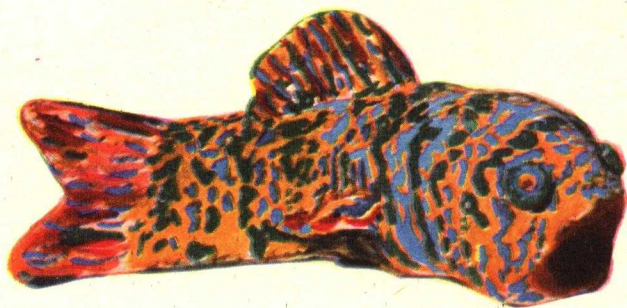
Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Игрушки „ДРАКОН“,
„МАРЬЯ-ЦАРЕВНА“ и „РЫБА“
Иры Голубевой

Плитка „ВИТЯЗЬ НА КОНЕ“
Саши Бихтера

Плитка „ЗОЛОТАЯ РЫБКА“
Лени Шутого

21 Sept